

Дополнение. Историческое развитие Интернационала

1873, источник: [здесь](#). Джеймс Гильом, Сезар де Пап. **Историческое развитие Интернационала в его прессе, конгрессах, отчётах и проч.**

- [Предисловие](#)
- [Введение.](#)
- [I. Празднество 1 марта.](#)
- [II. \(Передовая статья из Progrès\)](#)
- [III. Отголоски Базельского Конгресса.](#)
- [IV. Письмо к гражданину Мюра, делегату парижских механиков на базельском конгрессе.](#)
- [V. Прямое законодательство и Анархия.](#)
- [VI. Церковь и Революция.](#)
- [VII. Государство.](#)
- [VIII. Война.](#)
- [IX. XX годовщина июньских дней.](#)
- [X. Империя и Революция.](#)
- [XI. Собственность, Капитал и Обмен.](#)
- [XII. Конгресс Интернациональной Ассоциации Рабочих. Всеобщая Солидарность.](#)

- XIII. Революция в Испании.
- XIV. Теория Революции.
- XV. 1869.
- XII. Социализм в Париже.
- XIII. Положение пролетариата в Бельгии.
- XIV. Парламентаризм и Социализм
- XV. Убийства в Сент-Этьене.
- XVI. Революция во Франции.
- XVII. Республика.
- XVIII. Конституционная Империя.
- XIX. Гражданская война в Испании. Теория силы.
- XX. Женщины и Социализм.
- XXI. Доклад комиссии о наследстве.
- Примечания

Предисловие

Желая ознакомить русское общество с идеями Международного Рабочего Союза[1], как они выражаются в многочисленных периодических изданиях его и в речах его членов на конгрессах, мы были бы вынуждены предпринять значительный исторический труд для объяснения внешней связи этих статей и речей между собой и поводов, вызвавших ту или другую из них, если бы от этой необходимости нас не избавлял вышедший недавно подробный труд известного деятельного члена «Международного Общества», Джеймса Гильома (невшательского). Труд этот сам по себе составляет довольно объёмистую книгу почти в 300[2] печатных листов, так что мы вынуждены ограничиться выдержками из неё, которые показывали бы читателю то внутреннее состояние, в котором находилось «Общество» в эпоху печатания того или другого ряда статей или произнесения тех или иных других речей.

Первый отдел нашей книги включает в себе речи и статьи периода 1868-70-х годов, т. е. показывает «Общество» в том положении, какое создано ему было его Брюссельским конгрессом сентября 1868. Приводим частью целиком, частью в выдержках исторический очерк жизни «Общества» с его основания до этого времени из книги Гильома[3].

От редакции

Введение.

I

Первое основание интернациональных секций в романской Швейцарии относится к 1865 году.

Пьер Кульри, врач Бернской Юры, живший в то время в Шо-де-Фоне и с 1848 известный в Юре своей демократической и гуманистической пропагандой, вступил в сношения с Лондонским Генеральным Советом и основал Центральную Шо-де-Фонскую Секцию, сразу приобретшую 400-500 членов.

Под его влиянием в Юре вскоре образовались другие секции: в Бонкуре (1866), Бьене, Сонвилле (март), Сен-Имье, Поррантрюи (апрель), Невшатель (август). Локльская секция была основана также в августе 1866 старым эмигрантом невшательской революции 1831, Константином Мероном, и Джеймсом Гильомом.

С 1865 существовали уже секции в Женеве, Лозанне, Веве и Монтре. Женевская секция была основана главным образом под влиянием немецкого социалиста Иогана Филиппа Беккера, который в январе 1866 основал ежемесячный журнал, «Предвестник», орган секций немецкого языка.

Во всех этих первоначальных секциях понятие Международного Общества было ещё очень неопределённо. Прокричали клич: «Работники, соединяйтесь!» – и они стали соединяться, соединяя в одну секцию всех работников местности. Вследствие этого в собраниях Интернационала сталкивались самые разнообразные и большей частью далеко не серьёзные элементы. Влияние принадлежало тем, кто лучше всех плёл красивые фразы на тему весьма удобную, по своей неопределённости: «Бог, отечество, человечество, братство».

Во многих местностях Интернационал был тесно связан с буржуазной политической радикальной партией, и уже разные честолюбцы замыслили сделать его средством доставления им правительственных должностей.

Однако в Шо-де-Фоне, где радикалы сначала было покровительствовали Интернационалу, им вскоре стало ясно, что взять в свои руки, и эксплуатировать в свою пользу рабочее движение им не удастся, и они стали стараться задушить его в самом начале. Радикальный шо-де-фонский орган «Швейцарский Националист», повёл тогда против Интернационала войну, действуя клеветами и выходками против личностей. Напротив того, в Женеве радикальные органы, «Радикальная Швейцария» и «Звон», выказывали, ради своих личных целей, симпатии Интернационалу, надеясь с его помощью восстановить только что низвергнутое правительство г. Фази.

Кульри, в котором воплощался тогда весь Интернационал романских кантонов Швейцарии, чрезвычайно деятельно вёл пропаганду, устраивал митинг за митингом, разъезжал из деревни в деревню, проповедуя союз работников и братство.

Ему захотелось иметь свой журнал; не найдя типографщиков, согласного печатать его, он устроил свою типографию. Журнал вышел 31-го декабря 1865-го года под заглавием «Голос Будущности».

Этот журнал плохо редактировался, а программой его был какой-то гуманистический неохристианизм, однако нашёл многочисленных читателей не только в Швейцарии, но и во Франции. В то время на французском языке не было других социалистических органов кроме «Народной Трибуны» и «Свободы» в Брюсселе.

В сентябре 1866-го года в Женеве происходил первый генеральный конгресс Международного Общества. В числе представителей секций романской Швейцарии, на нём присутствовали Кульри за Шо-де-Фон, Гильом за Локль, Швицгебель за Сонвилье, Беккер и Дюплекс за Женеву.

Конгресс этот, на котором были утверждены общие уставы Союза, оказал мало влияния на секции романской Швейцарии. Прениями почти исключительно руководили парижские мютюэлисты, Толен, Мюра и Фрибур, и конгресс не сделал ничего важного, кроме утверждения общих уставов. В этот зачаточный период жизни Интернационала, когда он ещё сам не уяснил себе собственного своего значения, ни одна швейцарская секция не имела сознания о всей важности акта создания Международного Общества Рабочих; кроме коопераций и законодательных реформ никакого решения социального вопроса не знали, и программа «Голоса Будущности» своей сентиментальной религиозностью довольно верно выражала общее направление швейцарских работников. Только после Лозаннского Конгресса 1867 года соприкосновение с пролетариями других европейских стран пробудило новую жизнь в нескольких молодых людях, бывших до того несознательными революционерами; тут они впервые увидели величавые перспективы всемирной социальной революции в их человеческой и научной действительности.

На Лозаннском Конгрессе представителями секций романской Швейцарии явились, между прочим, Дюплекс, Шарль Перрон, живописец на эмали, Жюль Моншаль, гравёр от Женевы, Кульри от Шо-де-Фона, Гильом от Локля и прочие. Перрон представил конгрессу предложение, возникшее в одном народном собрании в Женеве и отредактированное в форме двух вопросов, предлагаемых конгрессу на решение, а именно:

«Не составляет ли лишение политических вольностей препятствия к социальному освобождению работников и одной из главных причин социальных потрясений?

Какими средствами можно ускорить восстановление этих политических вольностей? Не представляет ли такого средства требование всеми работниками неограниченного права схода и неограниченной свободы печати?»

Перрон и женевское народное собрание имели в виду этими вопросами испытать искренность некоторых парижских делегатов, состоявших с прошлого года под

подозрением в служении императорскому правительству. Предложение их рассматривалось в шестом заседании конгресса, и результатом было следующее решение, принятое единогласно за исключением двух голосов:

«Принимая во внимание, что лишение политических вольностей составляет препятствие к социальному образованию народа и к освобождению пролетариата,

Конгресс объявляет:

- 1) что социальное освобождение работников нераздельно с их политическим освобождением;
- 2) что установление политических вольностей есть мера настоятельной необходимости.

Второй пункт приближал Лозаннский Конгресс к программе буржуазной Лиги Мира; но, как мы сказали, он имел единственной целью опровергнуть всякую мысль о союзе социализма с французской империей.

Другое важное обстоятельство было отношение к вопросу о собственности, принятое шо-де-фонским делегатом Кульри. Когда об этом зашла речь, Кульри горячо восстал против идеи коллективизма и объявил себя «приверженцем абсолютнейшей свободы, а следовательно, и личной собственности». Брюссельский делегат, Сезар Де Пап, отвечал речью, которая была событием для Интернационала и в которой в первый раз была изложена теория коллективизма, начертанная вскоре потом обществом на своём знамени. Однако в то время мнения были ещё различны; французы почти все были мютюэлистами; англичане и немцы – государственными коммунистами, а другие делегаты не имели определённого мнения, и вопрос был отложен до другого конгресса. Но вопрос о собственности был уже поднят, и с этой минуты Кульри, шедший до сих пор в авангарде новых идей, очутился позади и вскоре был вынужден пойти на разрыв с Интернационалом, который стал революционным и принял коллективизм.

Такое же разногласие возникло по вопросу об отношении рабочего конгресса к первому конгрессу Лиги Мира и Свободы, который должен открыться через неделю в Женеве.

Комиссия интернационального конгресса составила проект адреса от его имени с выражением полной симпатии конгрессу Лиги. Против этого проекта восстал Де Пап (из Брюсселя) и весьма ясно показал, какое заблуждение требовать мира, чтобы поскорее достигнуть социального преобразования, тогда как, напротив, мир может быть лишь результатом этого преобразования. Эккариус, член Лондонского Генерального Совета, и Толен, делегат от Парижа, также выразили сомнения.

Делегаты романских секций в предстоявшем конгрессе Лиги «великие ассизы[5] всемирной демократии», были крайне озадачены этим. Перрон, а ещё более Кульри горячо утверждали солидарность Интернационала с Лигой. Упрёк Лиге в буржуазности казались тем страннее, что из членов Лозаннского Конгресса женевские делегаты, Дюплекс, Моншаль, Перрон и Беккер, оказались членами Комитета Лиги, созывавшего Конгресс.

В конце концов, адрес[6] был выбран с поправкой Толена, где Интернационал обуславливает свою солидарность с Лигой принятием последней принципов экономических реформ, указанных в адресе. Толену, Де Папу и Гильому было поручено передать адрес.

Таким образом, в 1867 году в понятиях интернациональных представителей не существовало серьёзных противоречий между их принципами и принципами Лиги. Можно было, не прославив изменником, быть одновременно членом обоих обществ.

На конгрессе Лиги её междоусобия помешали серьёзным прениям об адресе Интернационала. Из наших говорили член Лондонского Генерального Совета, Дюпон, Лонге и Де Пап. Парижский адвокат, г. Шодэ, ораторствовал о примирении социалистов с буржуями. Гражданин Бакунин произнёс энергичную речь, в которой развил свою теорию, приобретшую впоследствии такую популярность, теорию разрушения политических государств и свободной федерации коммун. Впечатление, произведённое ей, выражено было гражданином Лонге в таких словах:

«Идеи, о которых я говорю, были уже высказаны некоторыми из предыдущих ораторов, и вчера изгнанник царской России, великий гражданин будущей России, Бакунин, заявлял их с силой борца и мыслителя».

II

В Невшательском кантоне члены Интернационала принадлежали почти все к политической радикальной партии и приняли социалистическую программу, потому что радикальная программа казалась им неудовлетворительной; однако они не перестали ещё считать себя радикалами и подавали голоса заодно с этой партией; некоторые из них предпочли, впрочем, выделиться и составили отдельные группы, как то: Молодые Радикалы, Социальная Демократия и др.

В Шо-де-Фон социалисты долго были лишь оттенком радикальной партии, которая выбрала Кульри в депутаты в Большой Совет (законодательное кантональное собрание, избираемое на 3 года). Но потом между ними произошёл разрыв, и социалисты, которых радикалы называли кульристами, составили особую партию под именем Социальной Демократии. Кульри вёл против радикалов полемику в трёх журналах, которые все более или менее принадлежали ему – «Голос Будущности», «Диоген» и «Листок Объявлений». В этой полемике он всё более и более отклонялся от интернациональной пропаганды в буржуазные интересы политической борьбы, являлся вождём политической партии и не без удовольствия слушал, что членов Юрского Интернационала называют кульристами. Он даже обижался, когда Локльская секция протестовала против этой клички.

В увлечении политической борьбой Кульри не замедлил дать повод к распространению слуха, будто намерен вступить в союз с консерваторами. Слух этот оказался справедливым. В 3-м номере новой газеты, «Гора»[7], которую он начал издавать, Кульри открыто сознался в этом и утверждал, что социальная демократия должна брать всех в союзники против радикалов, не разбирая их мнений.

В ответ на это сотрудники Кульри по «Голосу Будущности», Гильом и другие, заодно со всей Локльской секцией, объявили, что разрывают всякую связь с Кульри и с редакцией «Горы». Разрыв этот зашёл ещё дальше, когда «Гора», несмотря на предшествовавшие уверения Кульри, что он не думает серьёзно о союзе с консерваторами, выставила кандидата на предстоящие выборы в Большой Совет целый список консерваторов.

Таким образом, в бернской Юре и невшательском кантоне между интернациональными секциями возник первый разрыв. Кульристы имели свою штаб-квартиру в Шо-де-Фоне и свой орган – «Гору». Локль был центром социалистов, оставшихся верными принципу Интернационала.

В Женеве работники разделяются на две категории. Первую составляют так называемые работники фабрики, часовщики и мастера музыкальных ящиков (сюда принадлежат: работники, слаживающие часы, гравёры, работающие пружинки, секреты, часовые заводы, рычаги, точильщики, ювелиры и проч.); их называют фабричными не потому, чтобы они работали на какой-нибудь большой фабрике, как например работники на английских мануфактурах, а потому, что на женевском языке фабрикой называется вся совокупность часовой индустрии. Вторая категория называется строительные работники, её составляют работники так называемых грубых ремёсел, таковы плотники, столяры, слесаря, каменщики, кровельщики, маляры и проч.

Фабричные работники тоже все женевские граждане; они образованнее других, заработок их вдвое больше, они пользуются политическими правами, и поэтому предводители буржуазных партий очень осторожны в отношении к ним; словом, это своего рода рабочая аристократия. Строительные работники большей частью иностранцы – французы, савойцы, итальянцы, немцы – население подвижное, меняющееся, не имеющее в Женеве оседлости. Заработок их ничтожен, труд утомителен, для образования досуга нет, политических прав у них, как у иностранцев, нет; поэтому нет также того узкого и тщеславного патриотизма, которым часто отличается настоящий женевский рабочий; словом, строительные работники составляют женевский пролетариат.

Они первые вошли в Интернационал в то время, когда фабричные работники ещё осторожно выжидали, обнаруживали презрительное равнодушие, а иные даже враждебность. В марте 1868 года строительные работники организовали знаменитую женевскую стачку. В эту эпоху Интернационал развивался в Женеве быстро. Перед стачкой, в январе 1868, в Женеве было 14 секций (центральная, немецкая, каружская, плотников, маляров, краснодеревцев, каменщиков, столяров, типографщиков, гравёров, ювелиров, футлярщиков, слесарей, жестяников) с 2000 членов. В июне, после стачки, было ещё 10 новых секций часовщиков, немецких плотников, пружинных (часовых) мастеров, резальщиков узоров на часах, землекопов, экипажных мастеров, работников подпилков, кровельщиков, мастеров музыкальных ящиков). Помещение Интернационала, состоявшее из двух небольших комнат, оказалось мало, и собрания были перенесены в пивную «Четырёх Времён Года» на Монбрильяне. С конца 1867 один женевский журналист, Адольф Каталан, мечтавший унаследовать от г. Джеймса Фази роль вождя радикальной партии и потому заигрывавший с Интернационалом, основал еженедельный журнал «Свобода», сделавшийся вскоре официальным органом женевского Интернационала и бывший им до 1869, когда г. Каталан,

обманувшись в надежде воспользоваться Интернационалом, чтобы попасть в правительство, отрёкся от социализма и возвратился в лоно буржуазного радикализма.

Третий генеральный конгресс Интернационала происходил в Брюсселе в сентябре 1868. Из Швейцарских делегатов, бывших на нём, мы упомянем: Перрона от Женевы, Беккера от центрального комитета немецких секций романской Швейцарии, Каталана от одной филантропической женевской ассоциации, Фрица Робера от секций Локля, Шо-де-Фон, Сент-Имье, Бьенн, Мора и Мутье.

Важнейшим делом этого конгресса было его решение вопроса собственности. Большинство 30 голосов против 4 (15 человек, в том числе швейцарские делегаты, отказались вотировать) было поставлено:

1. «что рудники, копи и железные дороги должны принадлежать общественной коллективности, представляемой государством, возрождённым и подчинённым справедливому закону;
2. что рудники, копи и железные дороги должны уступаться обществом для эксплуатации не компаниям капиталистов, как теперь, а рабочим ассоциациям»

Такие же решения были приняты относительно поземельной собственности, относительно каналов, дорог и телеграфов и относительно лесов.

В то время люди самых различных воззрений на сущность государства употребляли безразлично это слово и в этом случае враги государственности не имели ничего против решения, провозгласившего копи и железные дороги «собственностью коллективности, представляемой государством»; они считали свой принцип достаточно гарантированным оговоркой: «государством возрождённым и подчинённым закону справедливости». Впоследствии различное толкование понятий государства, выражений: «возрождённое государство», «социалистическое государство», «народное государство» – подавало повод к горячим спорам в среде Интернационала, пока противники государственной идеи не заменили эти выражения формулой: «свободная федерация свободных рабочих ассоциаций», оставив за словом «государство» исключительно его авторитарный принудительный смысл.

Решения Брюссельского Конгресса произвели в Швейцарии сильное впечатление. Образовались или, вернее, резко отделились две партии[8]. Одна принимала решения Конгресса и называлась своими противниками «коммунистической»; другая, Кульристы, стояла за личную собственность. Так называемые коммунисты, желая показать, что не имеют ничего общего со старинными коммунистами, приверженцами государственности, называли себя коллективистами – термин, впервые принятый Локльской секцией.

Одновременной почти с Брюссельским Конгрессом происходил в Берне второй Конгресс Лиги Мира. Первый её конгресс, расторгнутый скандалом, не дал никаких результатов, так,

что социалисты, ещё участвовавшие в ней, могли надеяться провести в ней свои принципы. В числе их был Бакунин, вскоре основавший союз (альянс) социалистической демократии.

Кто такой Бакунин?

Это русский эмигрант, участвовавший в немецких революционных движениях 1848-49 годов. В Дрездене в июне 1848 года он взят в плен, выдан Саксонией Австрии, Австрией России, 8 лет просидел в разных крепостях, 4 года провёл в ссылке в Сибири. Ему удалось бежать оттуда и в 1861 году он через Америку вернулся в Европу, поселился в Италии и на Конгрессе Мира в Женеве в 1867 году в первый раз познакомился с Интернационалом. В июле 1868 года он стал членом в Центральной Женевской Секции Интернационала. Целый год, со времени неудачного Женевского Конгресса, он с некоторыми другими социалистами разных национальностей, в числе которых были братья Реклю, Жакляр, А. Ришар, Жуковский, Гамбуцци, Фанелли и др., пытались увлечь Лигу Мира к социализму. Это должно было решиться на её Бернском Конгрессе сентября 1868 года. Но в то же время в Германии социально-демократическая партия устроила свой конгресс в Эйзенахе, где решила в теории, согласно с направлением Лиги, что политические реформы должны предшествовать социальным, а на практике – союз с радикальной буржуазией так называемой народной партии. Эйзенахский Конгресс отправил в Берн на Конгресс Лиги своих делегатов с поручением поддерживать её буржуазные элементы и противодействовать предложениям революционных социалистов, побуждавших её к слитию с Интернационалом.

После достопамятных прений[9] социалисты оказались в меньшинстве. В то же время Брюссельский Конгресс в ответ на приглашение комитета Лиги принять участие в её Бернском Конгрессе отвечал приглашением Лиге соединиться с Интернационалом. Следуя этому совету социалистическое меньшинство Лиги покинуло её и образовало общество под именем Альянса, «Союз Социалистической Демократии». Это общество объявило себя принадлежащим к Интернационалу. Центральный Комитет его в Женеве составил из граждан: Перрона, И. Ф. Беккера, Бакунина, Броссе, Гега, Дюваля и Загорского – большей частью женевцев и членов женевского Интернационала. Секции Общества немедленно появились в Италии, Испании и Франции. Все Интернациональные секции Италии были основаны членами Союза; все испанские секции образовались вследствие поездки туда с этой целью итальянского члена Союза, Фанелли, который основал мадридскую и барселонскую секции Интернационала[10].

Постановления Брюссельского Конгресса, вызвав резкое распадение партий, не позволяло дальше швейцарским социалистам иметь органом журнал Кульри. В конце 1868-го года Мероном и Гильомом был основан в Локле журнал «Прогресс», который под влиянием среды, сначала, казалось, хотел служить исключительно местным, коммунальным интересам, как то, вопросам о налогах, разным законодательным реформам и так называемому, либеральному христианству, изобретённому невшательским профессором Бюиссоном. Но уже с 9-го номера (март 1869 года) он прямо и открыто поднял знамя коллективизма и сделался органом Интернационала в Локле.

В Женеве, в 1868 году (октябрь) Интернационал попытался было, всё ещё увлекаясь буржуазными политическими идеями, выставить своего кандидата на выборы в Большой

Совет; но так как строительные работники были большей частью иностранцы, не имевшие права голоса, а фабрика давно завербованная в разные старые буржуазно-политические партии, голосовала за их кандидатов, то слабость этой попытки не позволила даже и думать об её осуществлении. Эта неудача показала серьёзным интернационалистам, что борьба на избирательной, парламентской почве не может обещать им ни малейшей пользы, и они отказались от неё и обратились исключительно на революционную почву.

В это время возникла мысль соединить все секции романской Швейцарии в одну федерацию и издавать в Женеве журнал, орган этой федерации. Конгресс делегатов романских секций собрался в Женеве 3-го января 1867 года. Всех секций, представляемых на этом конгрессе, было 30. В числе их представителей были: Шпицгебель (Куртлари), Фриц Генг и Брейман (Шо-де-Фон), Гильом (Локль), Вери и Шевале (Лозанна), Мермильо и Анри Перре (центральная женевская), Дюваль и Телье (столярная женевская), Вейерман и Дорсье (ювелирная), Кроссе (типографская), Грослен и Висмер (часовщики), и других женевских секций.

Этот конгресс выработал уставы романской федерации и решил, что орган будет издаваться под названием «Egalité». Членами редакции были назначены: А. Перре, П. Вери (член женевской секции портных), Перрон, Бакунин, Кроссе, Мермильо, Пайльар, Беккер и Гильом. В числе сотрудников журнал должен был иметь: Беккера, Бакунина и Жюля Гэ в Женеве, Гильома в Локле, Швицгебеля в Сонвилье, А. Ришара в Лионе, Элизе Реклю, Малона, Бурдона, Конбо и Варлена в Париже, Юнга и Эккариуса в Лондонском Генеральном Совете, де Папа в Брюсселе, Гамбуцци и Туччи в Италии, Жуковского по русским делам и Мрочковского по польским.

Устав федерации учреждал для связи между секциями романской Швейцарии федеральный комитет из 7 членов, избираемых ежегодно. Ежегодно в апреле должен был собираться федеральный конгресс. При таких-то обстоятельствах появился на свет новый орган Интернационала в Швейцарии, «Egalité».

I. Празднество 1 марта.

Ст. Дж. Гильома. «Progrès» 1869. №. 6.

Работники!

Должны ли вы вместе с буржуазией праздновать годовщину основания невшатльской республики?

Нет!

Празднество 1 марта есть празднество национальное и буржуазное; оно вас не касается.

Вам говорят о славе вашей родины, труд не имеет родины.

Правда, республика дала гражданам свободу политическую и гражданскую, свободу прессы и вероисповедания. Но что дали вам все эти прекрасные вещи?

Только люди имущие свободны. Одна буржуазия, живущая трудом рабочих, воспользовалась победами 1848 года.

Что же касается вас, рабочих, ваше положение не изменилось; в отношении капитала и труда не совершилось никакой справедливой перемены, вы остались обездоленными среди общества; и у нас, как везде, бедность есть рабство!

Из людей, провозгласивших 1 марта 1848 года невшатльскую республику, некоторые поняли недостатки политических учреждений нашей страны. Они не благоговеют перед делом своей молодости; они, напротив, чувствуют, что сделали ошибку и что следует начинать всё сызнова. Они не празднуют годовщины старой революции; но вместе с нами стараются вызвать новую. Другие, гораздо более многочисленные, составляют полчище довольных, счастливых, сильных мира сего. Республика дала им всё, чего они желали; они управляют нами; их буржуазное владычество сменило владычество невшатльской аристократии; они находят, что всё хорошо в этом лучшем из миров; они сердятся на всякого, кто говорит им об изменениях, реформах, прогрессе. Ведь они непогрешимые законодатели, мудрецы, отцы отечества!

Они то празднуют 1 марта; они награждают себя гражданскими венками; они оглушают себя громкими словами и пустыми речами, чтобы не слышать увещаний и угроз социализма. Работники, вам нет дела до этих людей, пусть они декламируют свои громкие фразы и упиваются патриотическим вином. Оставайтесь дома и работайте.

Конечно, им хочется, чтобы мы, отложив наши надежды на новое возрождение, праздновали заодно с ними 1 марта и этим воздали должную дань невшатльским республиканцам.

Но если уже искать в истории примеров героизма, достойных хвалы, воздадим её лучше гибели трёхсот спартанцев при Фермопилах; воздадим её парижскому народу, разрушившему Бастилию; воздадим её русским, сжёгшим Москву. Воздадим её не оставившему в истории следов самопожертвованию мучеников труда; почтим память окровавленных июньских жертв, защитников справедливости, томящихся в тюрьмах буржуазии, голодных пролетариев, создающих богатства за кусок насущного хлеба.

В году не хватило бы дней, если бы мы захотели посвятить по одному памяти каждого из этих великих событий, которые мы чтим. Мы не окажем предпочтения невшателским республиканцам из-за того, что это событие ближе к нам. Героизм самых отдалённых веков и самых далёких стран нам также дорог, как героизм наших сограждан.

Работники, невшателская республика ничего не сделала для вас; вы ей ничем не обязаны!

В 1848 году вместо социальной революции вам дали революцию буржуазную. Вам нет дела до буржуазной революции.

Пусть люди прошлого обращаются к прошлому и стараются утешиться в своей дряхлости, вспоминая время, когда и у них в жилах текла горячая кровь. Смотрите вперёд, готовьтесь к блестящему и славному празднеству будущего. Соединяйтесь, трудитесь, идите вперёд, и когда захотите, вы дадите свету новую и бессмертную годовщину, годовщину окончательного освобождения труда и осуществления справедливости на земле.

II. (Передовая статья из Progrès)

Ст. Дж. Гильома. «Progrès» 1869. №. 18.

Мы хотим прогресса. Чтобы прогресс стал возможным, необходимо, чтобы народ начал действовать.

Нужно, чтобы он перевернул и сравнял ту почву, на которой должно осуществиться действительное равенство личностей, необходимое условие свободы.

Что разумеет мы под *действительным равенством*? Это есть равенство *экономических условий личностей*; это – коллективная собственность, как почвы, так и всех других орудий труда, не исключая капитал.

Без коллективной собственности нет равенства, нет свободы. Собственник всегда заставит работать пролетария и будет пользоваться барышами с его труда; до тех пор, пока будет существовать эта несправедливость, не будет ни равенства, ни свободы. Каким же путём можно уничтожить эту несправедливость? Ответ ясен: нужно, чтобы каждая личность обладала равной долей собственности, чтобы **собственность принадлежала коллективности**. Неизбежным следствием коллективной собственности является уничтожение наследства, потому что, оставляя во владение детей то, что скопили их отцы, им дают возможности сделаться тунеядцами и снова образовать класс аристократов.

Таковы принципы, такова программа Progrès.

В целом ряде статей мы старались выяснить эту программу, мы будем делать это и дальше.

Органы, представляющие интересы капитала, не разбирая наших принципов, ограничиваются тем, что называют нас *каннибалами*, а желая довести свои оскорбления до высшей степени, они кричат, что мы *анархисты* – «Вы отвергаете государство, собственность, наследство; вы прямо добиваетесь анархии», говорят буржуа.

Да! Мы добиваемся анархии, потому что она цель прогресса. Выясним эту мысль:

Обыкновенно под словом анархия подразумевают беспорядок. Но это слово имеет другое значение, *ан-архия*, значит отсутствие власти. Легко понять, что отсутствие власти не есть беспорядок.

Каждая мастерская в настоящее время основана на монархических принципах; она подчиняется власти хозяина, который по произволу управляет делами, и неизбежным

следствием именно этого является беспорядок: работник трудится, он есть единственная производительная сила и при этом не имеет даже средств к жизни, если не желает работать, как вол, от 11 до 15 часов в день. Трудясь от 11 до 15 часов ежедневно, работник не имеет возможности развиваться умственно, он становится машиной. Вот это то и есть действительно вопиющий беспорядок! Источником этого беспорядка заключается в монархической власти патрона[28]. Патрон хочет возможно больше выиграть на труде рабочего; он обладает орудиями работы, а работник, не имея ничего, по необходимости принужден покориться воле монарха мастерской и таким образом, становится его оброчным крепостным.

Нужно иметь совесть, совершенно заглушенную банковыми билетами, чтобы осмелиться сказать, что подобный порядок вещей заслуживает название *порядка*, но совесть рабочего не развращена и потому он восстаёт, чтобы отстоять свои права, чтобы положить конец несправедливости, беспорядку.

Стачки, быстро следующие друг за другом почти во всей Европе и Америке, служат доказательством того, что работник не желает быть бессловесным орудием монарха мастерской.

Каким же путём работник в состоянии будет свергнуть иго монархов-патронов? Ответ на этот вопрос мы находим в решениях совещания, собравшегося в Крэ-дю-Локль: существует только одно средство – Социальная Революция, т.е. уничтожение всякой привилегии, всякой власти.

Но какая форма внутреннего строя заменит монархический произвол патрона? Отсутствие власти в мастерской, анархическая кооперация, порядок. Коллективность сама будет управлять своими делами без вмешательства монархов-патронов. Предполагают, что для самих работников это дело будет и рискованно, и опасно. Совсем нет: работая на себя, работник в сто раз больше будет прилагать ума и знания, он морализируется под влиянием мысли, что работает для коллективности, а, следовательно, и для **своей** выгоды! Работник обладает достаточной степенью знания жизни и условий труда, чтобы суметь соединиться в **анархическую кооперацию**, которая неминуемо должна заменить монархию патронства.

Мы хорошо знаем, что знание практической жизни и условий труда недостаточно для человека. Он должен обладать научными знаниями, если хочет достать улучшений в своём существовании. Так и слышаться нам обычные выражения буржуа: «Невозможно, кричат они, чтобы работники могли благоденствовать в кооперации. Они невежественны; они ничего не знают, промышленность упадёт, а упадок промышленности необходимо поведёт за собой бедствия в жизни самого работника» и тому подобное. Остановимся здесь и рассмотрим в дело поближе. Разве патроны обладают научной эрудицией? Да откуда бы им и взять её? Каким образом, вы, оставаясь постоянно у ваших бюро, прикованные к своим большим и малым книгам, в которых вы записываете свои барыши, добытые трудом работника – каким образом вы думаете при этом ещё найти возможность приобрести научные познания? Чтобы обладать научными познаниями нужно постоянно заниматься наукой, нужно учиться; но вы ничего подобного не делаете, и потому наука могла прийти к вам разве только через откровение, а так как в настоящее время нет чудес, то мы с полным

правом можем сказать, что патроны – монархи, бюрократы не могут обладать научными познаниями в большей степени, чем работники, потому что нельзя сделаться учёным, считая сантимы.

Но, наконец, существует ли наука, и кто ей обладает? Для того, чтобы рассуждать о науке, нужно уяснить прежде всего значение этого слова: наука значит знанием, всякое знание основывается на фактах, признанных опытом; путём обобщения этих фактов находят мировые законы и законы социального строя.

В настоящее время наукой называют и богословие, которое есть ничто иное, как заблуждение человеческого ума, которое не основывается ни на одном опыте, ни на одном исследовании; богословие хочет заставить верить, между тем как наука должна заставить знать. Политика или система государств, основанная на богословии, также называется наукой; политическая экономия, основывающаяся на двух предыдущих «науках» и пытающаяся защищать личную собственность, т.е. право сильного, в настоящее время также носит название науки. Юриспруденция со своим огромным запасом прав гражданских, уголовных, финансовых и т.п., основывается на богословии и опять-таки называется наукой. Вот те науки, которые изучают сыновья патронов в академиях с тем, чтобы после управлять народами, руководствуясь интересами капитала в то время, как их отцы, сидя за конторками, считают сантимы, представляющие собой капли пота и крови работника.

Эти науки необходимы патронам, потому что они составляют основу их существования; но именно поэтому работник их совершенно отвергает, так как науки эти освящают власть, т.е. эксплуатацию работника. Рядом с этой ложной наукой, вредной для работника, существует наука действительная: изучение законов природы, изучение небесных и земных тел, тел неодушевлённых и одушевлённых, включая человека и законы его общежития, а, следовательно, и политическую экономию. Вот что мы называем действительной наукой, необходимой для всякого человека. Большая часть этих сыновей буржуа, занимающихся наукой, большая часть тех, которые пользуются громким названием «людей науки», посвятили себя науками ложным: богословию, политической экономии и правоведению.

Незначительное меньшинство занимается настоящей наукой. Правда, эти последние пропагандируют иногда атеистические идеи, но тем не менее они те же буржуа, они работают, только в интересах буржуа против работника, – их невозможно отделить от патронов-монархов.

Не составляют ли патроны-монархи основу того, что называется государством, т.е. основу всех государств? Конечно да, потому что **все государства исключительно представляют их собственные интересы**. Вот почему мы хотим уничтожения государства. Кто требует уничтожения патронства, должен неизбежным образом требовать и уничтожения государства, всех государств. В вопросе о государстве слово *ан-архия* получает здесь более обширное значение; оно подразумевает отсутствие всякой власти, как деспотической, так и конституционной и республиканской. Да, и республика в её настоящей форме должна быть уничтожена; к тому же она в действительности не существует и никогда не существовала. Слово республика значит *общее дело*; в настоящее время мы видим только общества,

преследующие интересы буржуа, интересы патронов-монархов. Эра республик начнётся только с наступления ан-архии. Тогда работник будет в состоянии приобретать те научные сведения, которые ему необходимы для достижения прогресса в мастерствах; между тем как теперь видна только рутина.

Человек живёт не для одной только работы, но главным образом для того, чтобы развивать все свои способности, что может произойти только при посредстве науки. Но для того, чтобы осталось время для занятия наукой, работник должен работать не более 5-6 часов в день. Следовательно, монархия патронства, т.е. государство должно быть уничтожено. До этого нечего мечтать о каком бы то ни было благосостоянии, о возможности приобрести действительные научные познания, необходимые для всякого человека.

III. Отголоски Базельского Конгресса.

(Progrès. 1869. № 21)

Réveil, парижский радикальный[29] журнал поместил в своём номере от 2 октября статью с подписью Мориса Гесс, предполагающую познакомить публику с тайной историей Базельского Конгресса. Вот в чём, по словам господина Гесс, заключается эта тайная история.

В Базеле была, говорит он, русская партия, во главе которой стоял Бакунин, и родственная ей прусская партия, главой которой был г. Швейцер. Эта русская партия работает в интересах панславизма. Бакунин льстил себя надеждой заставить Базельский Конгресс изменить принципы и направление Интернационала; но эти интриги были уничтожены на годовичном собрании делегатов. Вот как! Это для нас положительная новость.

Что думают делегаты романской Швейцарии о панславистских происках, приписываемых им г. Гесс? Но это

Ещё не всё. Г. Гесс прибавляет к этой первой нелепости ещё другие, пересыпая их отвратительно-низкими инсинуациями:

«На предшествующих конгрессах Интернационала не существовало ещё русской партии. Только в продолжении последнего года попытка изменить организацию и принципы интернационала, и перенести Генеральный Совет из Лондона в Женеву, была сделана Бакуниным, русским патриотом, в искренности которого, как революционера мы не сомневаемся, но которые лелеет фантастические проекты настолько же сомнительные, как и те меры, которые он употребляет для их осуществления»

«.... Понятно, что русский патриот, допуская даже, что у него нет скрытой задней мысли подобной той, какую предполагают у вождя прусских коммунистов, отдаёт предпочтение энергичным мерам, ведущим роковым образом к социальной войне, которая дала бы возможность варварам севера возродить современную цивилизацию»

Мы предоставляем Бакунину ответить в самом Réveil – и мы знаем, что он это сделает, на клеветы, касающиеся его лично. Мы не понимаем, как журнал, редактируемый Делеклюзом, человеком несомненно честным, мог поместить подобные подлости; мы уверены, что Réveil, лучше познакомившись с делом, подвергнет все эти мерзости г. Гесс строгому суду.

Вернёмся к тому, что касается Интернационала. Рассмотрим сначала пресловутый проект перенесения Генерального Совета в Женеву. Кому из нас, я вас спрашиваю, социалисты романской Швейцарии, снилась когда-нибудь подобная вещь?

Итак, мы являемся таинственными конспираторами, управляемыми агентом русского правительства, интригующими против Лондонского Генерального Совета и тайно подкапываемыми, по выражению самого г. Гесс, под организацию Интернационала. Думали ли вы, борющиеся против привилегий буржуа, старающиеся создавать повсюду рабочие ассоциации и присоединять их к Интернационалу, борющиеся за Интернационал, преследуемые за Интернационал, думали ли вы, что вас выставят перед парижской публикой людьми, старающимися уничтожить Интернационал! Будем остерегаться, товарищи, этой адской тактики наших противников, которые стараются умертвить нас ядом подозрений и взаимного недоверия.

И кто этот г. Морис Гесс, умеющий так ловко лгать? Если бы это был отъявленный противник, мы не дали бы себе труда отвечать. Но он был делегатом на Базельском Конгрессе. Да, г. Гесс заседал на Конгрессе, в бюро Конгресса, в числе немецких секретарей; следовательно, он грешил не по неведению. Как объяснить себе безобразное нападение и нелепые обвинения, помещённые им в *Réveil*? Правда, нам известно, что Бакунин сильно оскорбил самолюбие г. Гесс, высказав ему своё мнение относительно одной его брошюры; но разве таким образом мстят за литературную критику?

* * *

В этой же статье г. Гесс делит базельских делегатов на два лагеря: русских коммунистов и коллективистов Интернационала. Мы не знаем, наверное, кого он подразумевает под последним названием; но под названием русских коммунистов он очевидно понимает тех, которые голосовали также, как Бакунин, т.е. бельгийцев, часть немцев, большую часть французов, затем швейцарцев, итальянцев и испанцев. Между коллективистами Интернационала и русскими коммунистами, т.е. между г. Гесс и нами, по его собственным словам, «такое же огромное различие, какое существует между цивилизацией и варварством, между свободой и деспотизмом, между гражданами, осуждающими всякого рода насилие и рабами, привыкшими к проявлению грубой силы»

«Коллективисты Интернационала, прибавляет г. Гесс, думают, что политическая революция и радикальная демократия должны предшествовать революции и демократии социальной»

Во всей болтовне, как и во всяких подобных двусмысленностях, ясно только одно: это признание, сделанное в последних строках. Г. Гесс, не считавший нужным на Базельском Конгрессе ясно и откровенно высказать свои принципы, теперь обнаруживает свою заветную мысль: он желал бы, подобно всем радикалам, эксплуатировать социализм в интересах буржуазной политики.

Мы отлично понимаем эти толки о политической революции, которая должна предшествовать социальной революции. Так обыкновенно рассуждают те люди, которые

проповедают эти вещи, стараются совратить интернационал с его истинного пути; что касается до нас, мы держимся первоначальной программы нашей великой ассоциации, и никогда не присоединимся к какому-либо политическому движению, которое не имело бы непосредственной и прямой целью полное освобождение рабочих.

После многочисленных статей, в которых мы указали принципы исповедуемого нами социализма, бесполезно заявлять, что, несмотря на смешные утверждения г. Гесс, мы ни коммунисты, ни русские, что варварство и деспотизм представляют именно то, что мы хотим уничтожить, что мы защищаем дело цивилизации и свободы; наконец, что мы создали термин коллективисты, противопоставляя его слову коммунисты, и что, следовательно, имя коллективистов Интернационала относится преимущественно к нам.

IV. Письмо к гражданину Мюра, делегату парижских механиков на базельском конгрессе.

(Ст. Дж. Гильома. *Progrès*. 1870. № 1.)

Любезный Мюра!

Я с интересом прочёл отчёт о прениях Базельского Конгресса, который вы только что напечатали. Вы особенно сильно напираете на голосование, касающуюся коллективной собственности, и подробно воспроизводите те доводы, которыми вы уже пользовались в Базеле, оспаривая этот вопрос. Я, со своей стороны, очень благодарен вам за то, что вы доставили мне случай ещё раз подтвердить то, что я замечал уже не раз, а именно: что между противниками коллективной собственности, – одни, защищая абсолютный индивидуализм, как экономисты, приходят прямо к абсурду, тогда как другие, подобно вам, называющие себя социалистами, желающие равенства и справедливости, запутываются при своих стараниях поддержать идею индивидуальной собственности в самых вопиющих противоречиях.

Остановимся сначала на первом пункте, и рассмотрим принципы индивидуализма и его последствия.

Этот принцип вы сами формулируете следующим образом:

«Общество, составленное из личностей, не может иметь права лишать собственности своих членов»; я разовью эту мысль, прибавив следующее: «Свобода всякого человека должна быть абсолютная; он вполне должен пользоваться своими естественными правами, и никто другой не смеет посягнуть на них. Так как общество есть совокупность личностей, то ясно что тысяча, сто тысяч этих личностей, сгруппировавшихся в общество, не могут пользоваться новыми правами, благодаря одному факту этой группировки; а так как каждый из них, взятый отдельно, не имеет права посягать на свободу и собственность своего ближнего, то их совокупность, называемая обществом, конечно точно также не имеет на это права. Таким образом, возникает абсолютная неприкосновенность личного права и отрицание социального права»

Вот, мне кажется, ясно и точно изложенный принцип индивидуализма. На этом принципе основываются экономисты, чтобы гарантировать свободу капиталиста-собственника, против тирании тех, кто ничего не имеет. Допустим, что это так; но будем, по крайней мере, последовательны. Если личность есть всё, а общество ничего, если права общества не превышают прав частных лиц, то каким же образом экономисты оправдывают существование настоящих государств? По какому праву государство, общество взимает налоги, проводит дороги, обирая частных лиц, требует, чтобы эти последние приносили в жертву даже жизнь для общей защиты? Скажу более, по какому праву общество осмеливается препятствовать некоторым лицам удовлетворять их склонностям к разбойничеству и убийству?

Есть экономисты, которые стараются быть последовательными; правда, что ни один из них не доводит своей последовательности до конца, некоторые заставляют их колебаться в своей последовательности, но они, по крайней мере, допускают часть того, что вытекает из признаваемых ими принципов: они не признают за обществом права заниматься воспитанием детей или лишить собственности гражданина без его согласия и т.п.

Особенно замечательно при этом то, что, разглагольствуя и крича о правах личности, требуя для собственника права пользоваться и злоупотреблять своей собственностью, назначать своим работникам произвольную плату, давать займы деньги или отдавать в наймы дом на каких угодно условиях, наконец, давая им право неограниченной эксплуатации, те же экономисты, достойные ученики Мальтуса, отрицают право пролетария на труд, право на жизнь!

Не смотря на всю смелость, с которой эти господа идут по пути абсурда, в известный момент они принуждены остановиться. Поэтому ни один из самых ярых индивидуалистов не решается быть абсолютно последовательным до конца. Закон солидарности с такой силой даёт себя чувствовать всякому человеку, что оказывает своё влияние даже на людей наиболее ослеплённых; признавать же существование этой солидарности, значит признавать социальное право. И если вы признаете за обществом право при каких бы то ни было обстоятельствах вмешаться в дела какой-нибудь личности и говорить ей: «Остановись! То-то и то-то вредно для твоих собратьев; ты желал бы настаивать на своём, опираясь на личную свободу; я же останавливаю тебя во имя общей свободы»; если вы допускаете законность такого вмешательства, когда дело идёт, например, о сохранении жизни граждан, то как же вы будете отрицать его там, где дело касается гарантии общего благосостояния, образования, труда, свободы? И кому, как ни целому обществу, судить о степени благотворности такого вмешательства?

Нет необходимости останавливать его долее на опасных и ложных сторонах теории индивидуализма, проводимой с полной верой и последовательностью и указывать на то, сколько лицемерия кроется в той же самой теории, проповедуемой буржуазными экономистами. Вы социалист, любезный Мюра; вы не имеете ничего общего с людьми, поддерживающими эксплуатацию; вы хотите равенства! Но вы, подобно экономистам, принимаете за исходную точку абсолютное право личности. Посмотрим, удастся ли вам, взяв за основание этот принцип доказать необходимость равноправного социализма. Прежде всего обращаю ваше внимание на то, что вы отказываетесь от имени индивидуалиста, и

применяете к себе прудоновский термин мютюэлиста. Далее, горячо защищая права личности, вы признаёте за обществом известные права, называемые вами правами гарантии. Такая теория, по крайней мере, ясно выражена в мотивировке тех резолюций, которые были предложены вам в Базеле вместе с Толеном, Ланглуа и другими. Я приведу только первые два пункта этой мотивировки:

«Принимая во внимание, что коллективность не может иметь прав, посягающих на естественные права составляющих её личностей»

«Что, следовательно, коллективные права могут иметь только значение прав взаимной гарантии, которые бы обеспечивали для каждого свободное развитие способностей...»

Я соглашусь с этими принципами, если строго определять то, что называют естественными правами человека. Если вы мне скажете, что права эти заключаются главным образом в праве жить трудом и в праве свободно развивать все свои способности; что, напротив, сосредоточивание капиталов в руках единичных лиц никак не может считаться естественным правом; если вы согласитесь с нами, что это есть привилегия и эксплуатация; если таков основной смысл ваших рассуждений, то мы с вами совершенно согласны. Мы согласны, говорю я, потому что только что изложенные мной принципы не что иное, как принципы коллективизма.

Из ваших собственных слов я вывожу заключение, что вы, может быть сами того не подозревая, совершенно согласны с нами. В самом деле, от вопроса о собственности, вы переходите к вопросу об обществах сопротивления; объяснив те принципы, которые должны служить основанием при их образовании и федерации, пишете следующие строки, с которыми, не задумываясь, согласится каждый коллективист.

«Не трудно понять, что при подобной организации общества сопротивления превратились бы скоро в общества свободных производителей, полноправных собственников орудий труда, а следовательно и продуктов, обмена которых они бы сумели гарантировать; такое превращение могло бы произойти во-первых так, что рабочие потребовали бы от настоящих владельцев часть дохода от их предприятий, т.е. прямого и личного участия в них или же выкупили бы путём займа все орудия труда; во-вторых, если бы этот способ оказался невозможным, рабочие могли бы просто лишить капиталистов собственности»

Как, любезный Мюра, вы хотите, чтобы орудия составляли собственность не отдельных капиталистов, а ассоциаций производителей! Вы доходите до того, что предлагаете просто лишить капиталистов собственности. Это вы называете абсолютными правами личности? Вот каким образом вы думаете охранить несчастных собственников от грабежа. Страшная ирония! вы называете себя мютюэлистом, с негодованием отвергаете коллективную собственность, в сущности признавая её и отвергая только название.

Позвольте же мне протянуть вам руку, от имени моих друзей, в знак полного и братского единомыслия; вы, также как и мы, хотите коллективной собственности; мы в свою очередь не менее вас восстаём против самовластного коммунизма, и во всяком случае не заслуживаем упреков, делаемых вами коммунистам и коллективистам – которых вы

очевидно смешиваете, применяя к тем и другим одинаковые порицания. Заметив мимоходом, что ваши слова приложимы к авторитарным системам, а никак не к теории коллективизма, последнее слово которого есть анархия, я с удовольствием привожу, чтобы закончить это письмо, те строки, в которых выставляете цель, которой должен задаться действительный социалист:

«Самый сильный упрёк, который я делаю всем комбинациям коммунистов и коллективистов, состоит в том, что они совершенно абстрагируются от человека, его натуры, его темперамента, его тенденций, его прав; это значит, что человек должен будет им подчиниться; между тем как, напротив, я думаю, что он явится главным разрушителем этих комбинаций, как бы они ни были замысловаты и как бы ни казались справедливыми. Ход прогресса именно таков, что эти комбинации будут отрываться и быстро сменяться одна другой. Думать о возможности создать общество, где всё будет предвидено заранее, значит просто тратить попусту время, и мне кажется, что будет лучше, если мы направим все наши усилия на те стороны, которые как нам показал ежедневный опыт, составляют препятствия в стремлении человечества к равноправности, если мы уничтожим эти препятствия, предоставляя человеку самую широкую инициативу и свободу действий»

В самом деле, время утопического и метафизического социализма прошло. Системы кабинетных мечтателей уступили место положительному и экспериментальному социализму, опирающемуся на факты, возводящему свои принципы строго и добросовестно проверенные, на высоту научных истин, и олицетворяющий собой не что иное, как интеллигенцию народа, подтверждающую естественные законы человеческих обществ.

Примите, любезный Мюра, мой братский привет.

Джеймс Гильом.

Невшатель. 30 декабря 1869.

V. Прямое законодательство и Анархия.

(Речь С. Де Папа. Progrès. 1870. № 7.)

Демократия – это управление всех и каждого; закон, следовательно, при этом в одно и тоже время выражение индивидуальной идеи и идеи коллективной. Она основана на том принципе, что каждый обязан повиноваться только тому закону, который он сам признал.

Но, смотря по тому насколько она осуществляет эти принципы, демократия может проявиться в различных степенях. Рассмотрим различные формы управления, прикрывавшиеся гуманностью. Мы будем судить о их относительном значении по той степени в какой проявляются в ней демократические принципы, т.е. смотря потому приближаются они или удаляются от нашей формулы: каждый должен повиноваться только тому закону, который он сам признал. Эта формула будет служить мерилом, которое мы будем прилагать к правительствам прошлого, настоящего и будущего. Горе тем из них, которые не подойдут под эту мерку, потому что настанет день, когда народ осудит их неминуемо за их преступления против свободы и равенства.

Можно следующим образом классифицировать различные формы правления, следуя логическому и историческому порядку:

Абсолютная монархия,

Конституционная и представительная монархия,

Республика с президентской властью и представительная с всеобщей подачей голосов или без неё,

Республиканское управление в форме собрания, выбранного при всеобщей подаче голосов,

Прямое законодательство,
Ан-архия.

Удовлетворяет ли нашим принципам прямое законодательство? Подчиняется ли при этой форме каждый только тому закону, на который он сам был согласен? Вполне признавая, что никакая другая форма не подходит так близко к осуществлению этого принципа, я всё-таки

не задумываюсь ответу: нет.

Кто издаёт законы при существовании прямого законодательства? – большинство. А что составляет силу большинства? – число. Владычество числа во всяком случае тождественно с владычеством силы. Справедливость, разум, наука – одни должны бы были руководить человеком; власть же всегда основывается на слепой вере, на грубой силе, на праве старшинства, на наследстве, на избирательном цензе или на числе. Что же во всём этом – в вере или силе, в наследстве или числе, что в них справедливого, рационального, научного. Что такое число? Какое нравственное значение представляет оно, которое давало бы ему право на наше уважение? Разве истина не может находиться на стороне меньшинства. Разве это не доказывается ежедневными фактами?

Во всяком случае закон есть только выражение большинства, и меньшинство, следовательно, принуждено подчиняться закону, на которое оно не давало своего согласия – это противно нашему принципу.

Следовательно, прямое законодательство не есть ещё последнее слово демократии, правление каждого и всех, потому что оно в действительности не что иное, как правление большинства. При других упомянутых нами системах, меньшинство управляет большинством; здесь же, наоборот, большинство управляет меньшинством. Нет, это не истинное правление каждого и всех! Идеалом демократии может быть только ан-архия; ан-архия не в смысле, указываемом самим этимологическим составом этого слова (отрицательная частица ἀν и ἀρχία, командование, авторитет, власть, управление). Ан-архия, следовательно, есть отсутствие всякого правления, всякой власти. Да, мы убеждены, что всё более и более энергичные стремления человека к свободе и равенству должны привести нас, наконец, к анархии. Да, настанет время, когда мы придём к анархии, в силу демократического принципа, в силу логики и рокового хода истории.

Человечество, начав с абсолютной монархии, как с первоначальной и самой выразительной формы правления, и проходя стадии конституционной монархии, президентской власти, правления общим собранием прямого законодательства, последовательно направляется к представляющей окончательную и высшую форму свободы. Такова судьба человечества, таковы присущие ему революционные стремления.

Что такое революция? Не есть ли это постоянное уменьшение власти в пользу свободы, прогрессивное уничтожение могущества в пользу освобождения личностей? А что такое конституция, президенство, парламентаризм, всеобщая подача голосов, как не этапы революции, этой вечной страницы. И что такое, наконец, это пресловутое прямое законодательство, как не мост, перекинутый через пропасть, отдаляющий правительственную систему от анархии, старое правительственное и политическое общество от нового промышленного и экономического мира?

Не подлежит никакому сомнению тот исторический факт, что свобода растёт по мере уменьшения правительственной власти и наоборот. Возрастание власти находится в обратном отношении к возрастанию свободы; следовательно, чтобы возвести свободу на высшую степень, (а это именно и составляет предмет стремления демократии) нужно

низвести правительство до нуля. Анархия, мечта всех, стремящихся к свободе, идол истинных революционеров! Долго люди осыпали тебя клеветами и недостойными оскорблениями; в своём ослеплении, они смешивали тебя с беспорядком и хаосом, между тем как, напротив, правительство, твой непримиримый враг, есть только результат социального беспорядка, экономического хаоса, точно также, как ты будешь результатом порядка, гармонии, равновесия, справедливости. Но пророки уже увидели тебя сквозь покров, скрывающий будущее и объявили тебя идеалом демократии, надеждой свободы, высшей целью Революции, царицей будущего, обетованной землёй возродившегося человечества!.. За тебя пали эбертисты в 1793; они не думали, что твой час ещё не пробил. Сколько мыслителей нашего времени предчувствовали твоё появление и сошли в могилу, приветствуя тебя, как патриархи приветствовали искупителя! Да придёт твоё царство, Анархия!

VI. Церковь и Революция.

(Из речи де Папа. Progrès. 1870. № 9.)

Итак, пролетарии, нужно уничтожить три вещи: бога, власть и собственность; в замене их нужно установить только одно: справедливость. Как первые апостолы христианства, простые рыбаки Иудеи, обходили все страны, говоря народу: «вот Евангелие, вот радостная весть о вашем освобождении из-под тройного ига сатаны, мирской суеты и плоти! Милосердие и Братство!» – так мы, простые сельские и фабричные рабочие взываем к тем, которые работают и страдают «вот ваше новое Евангелие, вот радостная весть вашего освобождения из-под тройного ига: религии, правительства и капитала! Свобода, Равенство!». Они проповедовали закон любви; мы предпочитаем закон справедливости. Между любовью и справедливостью нет ничего общего. Тот закон, который они проповедовали был ниспослан свыше, самим богом, как они говорили; источник нашего закона в самой совести человека.

Евангелие христианства сильно взволновало мир.

Но что сделало оно в конце концов для улучшения социальных условий народа? Нам говорят, что оно уничтожило рабство! Как будто бы современные пролетарии не те же рабы, какими были средневековые! Не звучит ли глубокая правда в этом припеве одной народной песни: бедность – это рабство!

Христианское Евангелие гласило людям: «Вы братья, потому что вы дети одного отца. Любите друг друга». Оно также говорило: скорее канат пройдет в ушко иглы, чем богатый в царство небесное, и в то же самое время признавало права царей и узурпацию богатых и сильных мира сего; проповедовало покорность цезарю и смирение в бедности, и освящало власть правительства и капитала.

Именем Христа священники всевозможных сект и вообще люди суеверия и обскурантизма^[30] дурачат до сих пор миллионы людей... Нет, Евангелие христианства не есть спасение.

Я отлично знаю, что большая часть социалистов 1848 года смотрела на социализм и евангельское христианство, как на две вещи совершенно тождественные, и что в их глазах социальная идея была дочерью идеи христианской, а социальное учение – последним словом нового завета. К счастью, тот мистический, религиозный и братский социализм, представителями которого были Лемене, Бюше, Пьер Леру, в среде работников уступает место положительному, научному и равноправному социализму Прудона.

Я также хорошо знаю, что верующие католики, называющие себя демократами и даже социалистами, поддерживают до сих пор мнение о совершенном согласии, существующим, по их мнению, между евангельской идеей и идеей демократической, между христианством

и социализмом.

Это доказывает полное непонимание духа христианства и духа современного социализма.

Чему учит христианство? Оно учит отрешению от земных благ в виду благ небесных; оно отдаёт преимущество неизвестному перед известным, надежде перед фактом; оно учит жертвовать материей для духа, изнурять плоть и заглушать голос самых естественных и законных страстей.

А чему учит социализм? Он учит умению пользоваться земными благами и их справедливому, равному распределению между всеми; он отдаёт преимущество известному перед неизвестным, существенному и реальному перед фиктивным и воображаемым; он не жертвует ни плотью для духа, ни духом для плоти; он требует для каждого человека полного развития интеллектуальных и нравственных способностей, и полного и совершенного удовлетворения материальных нужд.

Что побудило первых христиан к общинной жизни? – желание осуществить заповедь Христа – добровольную нищету. Богатые отрешались от имущества не столько для того, чтобы дать возможность другим пользоваться им, сколько из боязни, чтобы оно не послужило препятствием для вечного спасения.

А что в настоящее время побуждает рабочих к мютюэлизму (взаимной помощи), к ассоциации? – желание достигнуть благосостояния, соединяя свои силы для подавления паразитизма, избежать двойного расхода и растраты продуктов, произвести возможно большую сумму богатств, равномерно распределить эти богатства между всеми производителями и, наконец, увеличить сумму наслаждений.

Нам замечают, что христианская община осуществила равенство людей и условий – цель, которую преследует в настоящее время социализм. Мы ответим на это: нет. Христианская община никогда не осуществляла равенства людей, потому что эта община была иерархическая; а там, где существует иерархия, существуют высшие и низшие, а, следовательно, нет равноправных. Что же касается до условий, то христианская община могла осуществить только равенство в нищете. Мы, социалисты, хотим равенства в богатстве.

Одним словом, христианство зародилось в ненависти к богатству и земным благам, между тем как современный социализм, напротив, порождён любовью к богатству и земным благам. Как бы ни смотрели на это многие социалисты и христиане, несомненно, что нет никакой родственной связи между христианской идеей и идеей социальной, между евангельским братством и равноправной справедливостью, между милосердием и взаимными обязанностями, между религиозной общинной и промышленной ассоциацией, между молитвой и трудом, между богословием и социально-экономической наукой, между церковью и революцией.

VII. Государство.

(Ст. Дж. Гильома. *Progrès*. 1870. № 11.)

С тех пор как социализм снова утвердился в мире, политическая демократия поняла, что ей оставалось только одно – присоединиться к социализму; иначе она была бы осуждена на верную смерть; а потому с этого времени она формулировала своё отношение к социализму следующим образом: «политический вопрос тесно связан с социальным, и один не может быть решён без другого». Мы же, напротив, говорим: «для того, чтобы решить социальный вопрос, мы должны совершенно отрешиться от вопроса политического».

Мы постараемся доказать в этой статье истину этого положения.

Для того, чтобы доказать необходимость какого-либо политического порядка обыкновенно аргументируют следующим образом: в интересах обеспечения свободы и прав каждого необходимы гарантии всеобщего порядка, осуществимые только в форме власти, обязанной разрешать разногласия, возникающие между гражданами и защищать права отдельных граждан или всего народа в том случае, если они подвергнуться опасности со стороны ли государя или со стороны известной доли граждан.

Так как хранить свободу и право каждого дело государства, центральной власти, что, следовательно, и право определять их должно принадлежать ему или тем, кто его представляет. Демократы, политики! до тех пор, пока вы будете поддерживать государство, правительство, вы будете содействовать абсолютизму; вы боретесь против монархии за то, чтобы она предоставила определение права и свободы одному лицу, теперь же вы предоставляете ту же власть массе, большинству или меньшинству; но в состоянии ли какая бы то ни было верховная власть, даже понимаемая в республиканском смысле, знать нужды, стремления и желания каждого из своих членов лучше, чем один избранник? Источник права находится в природе, и оно должно быть определено единственно при помощи науки, а никак не по произволу какой бы то ни было власти. Но, возражат на это, существует право личное и право общественное; если и будут определены наукой характер и значение каждого из них, так ведь, кроме того, необходимо обозначить общественное право против нападений со стороны личных прав, и наоборот.

Что же будет гарантией?

Верховная власть народа, отвечают демократы-политики! Но кто может поручиться, что народ не ошибётся? что он, почувствовав свою неспособность регулировать отношения каждого гражданина к обществу и наоборот, не возложит эту обязанность на выбранных, и что эти последние не воспользуются врученной им властью для приобретения и обеспечения личных привилегий; (укажем мимоходом на это первое противоречие в приложении демократического принципа в политике; коль скоро народ передаст управление своими делами выборным, он тем самым отказывается от верховной власти, от

своего права); или же, если народ почувствует себя в силах устанавливать взаимные отношения граждан и отношения их к государству, но если притом нет единодушия, невозможного ввиду разнообразия интересов, то при так называемой народной санкции принятия конституции и законов (этими терминами обыкновенно обозначают совокупность обязанностей и прав граждан) образуется большинство; а разве большинство, подчиняя своей воле меньшинство, не нарушает тем самым естественного права; а между тем, создавая такой общественный договор, думают гарантировать естественные права всех; так, по крайней мере, вот уже восемьдесят лет утверждает демократия. Как выйти из этого затруднения? Невозможно же требовать от большинства, чтобы оно жертвовало своими интересами интересам меньшинства? Так как мы хотим, чтобы права всех были обеспечены, то мы призываем общество к Революции.

Очертим возможно резче идею права:

Человек по своему рождению и праву на существование должен пользоваться достаточной свободой, способствующей полному развитию всех его способностей, приобретению, посредством приложения этих способностей, возможности пользоваться всеми нравственными и материальными наслаждениями, необходимыми для поддержания и полного развития его существования. Что действительно нужно для одного человека, то требуется и для всех. Так как в абсолютно индивидуальном обществе полное удовлетворение нравственных и материальных нужд может установиться только в ущерб слабым и посредством уничтожения прав известного числа личностей, то необходимо уравновесить личные права, установив право общественное. Эта необходимость вытекает не из воли человека; это просто результат естественного закона, необходимое дополнение свободы, выражающееся в солидарности. При одной свободе человек ничто иное, как живой автомат; без солидарности, человечество есть сборище воров и разбойников.

Каким образом развиваются люди, и в состоянии ли они сами удовлетворить свои нравственные и материальные нужды?

При рассмотрении этих вопросов должна выясниться для нас мысль, что единственное рациональное основание всякого социального организма заключается в организации экономических сил.

Человек поддерживает свой организм потреблением предметов, необходимых для удовлетворения различных его потребностей; чтобы добывать эти предметы нужно производить; таким образом, труд, создающий продукты, является главной основой человеческого существования. По мере того, как человечество идёт вперёд, количество нужд увеличивается; научные открытия облегчают производство; как прямое следствие этого является введение машин и большее разделение труда; с этого времени человек, живущий при условиях того общественного строя, который был выработан цивилизацией, не в состоянии произвести сам всё то, что ему нужно; он может только исполнять одну какую-либо функцию в общем производстве; отсюда вытекает необходимость организовать обмен таким образом, чтобы все люди могли обменивать свои продукты на продукты соответственной ценности. Таким образом естественными основами общественных отношений между людьми являются: производство и обмен. Кто компетентен в

установлении этих отношений? Каждый производитель. Каким образом они устанавливаются? Путём договора. Прежде чем мы приступим к рассмотрению этих двух положений, мы должны сказать несколько слов о происхождении правительств. Мы уже видели каково оно в принципе, посмотрим каким путём оно было выработано историей.

Мы видели, что основа естественного права заключается в применении наших способностей к производству предметов, необходимых для нашего потребления; все мы знаем, что между людьми искони существуют физиологические неравенства, что человеческое развитие шло путём постоянного прогресса, основанного на опытах, по необходимости приобретаемых человечеством, которое исключительно руководствуется своими нуждами. Первоначальное невежество очевидно мешало возникновению мысли организовать с самого начала экономические силы; следствием этого недостатка организации было появление социального неравенства и узурпации естественных сил в пользу меньшинства. Если мы обратим внимание на те животные, воинственные инстинкты, которые обнаруживаются в жизни диких народов и вспомним, что современный цивилизованный мир также пережил эту стадию дикого состояния; если мы обратим внимание на необходимо существовавшие первоначально невежество и неравенство, мы принуждены будем согласиться, что все эти причины содействовали такой личной узурпации экономических сил и выработали, начиная с самых отдалённых времён, всё то зло, от которого в настоящее время наше прозревшее общество пытается освободиться.

Вследствие нарушения естественного равновесия, антагонизм между отдельными лицами сделался основанием общественной экономии, война между людьми – социальным законом. Совершенно естественно, что предводители, победители, тираны, деспоты, думали только о сохранении и упрочении своих привилегий; касты, исключительно пользовавшиеся социальными богатствами, захватили правительственную власть, стали повелевать, издавать законы, гарантирующие их привилегии, собственность, организовали вооружённую силу, с тем чтобы держать народ в повиновении, прикрываясь волей богов, чтобы таким образом облечь все свои злодеяния мистической, сверхъестественной санкцией. Таков порядок вещей, который до сих пор управлял миром; от нас требуют, чтобы мы его уважали, усовершенствовали и применяли к настоящим нуждам.

Источник всякого правительства кроется в экономической анархии; водворим экономический порядок, и нам не нужно будет никакого правительства; политический вопрос падёт сам собой.

Мы видели, что социальные отношения основаны на производстве и обмене; следовательно, и регулирование этих отношений должно быть предоставлено производителям и посредникам обмена.

Каждое правительство, хотя бы оно было самое демократическое, представляет или всю совокупность народа или большинство его; спрашивается, каким образом государство, основанное на таких началах, будет решать договор между часовщиком или, например, между этими последними и земледельцами. Политическое государство никогда не будет в состоянии знать действительные нужды всех ремесленников; их дело установить естественные отношения и группироваться, смотря по потребностям каждой специальности.

Что же остаётся на долю государства? Издавать законы, в которых нет никакой надобности, так как всё основано на свободном, полюбовном договоре; угнетать личную свободу вместо того, чтобы предоставить ей самое широкое развитие на прочной почве солидарности.

Из всего этого вывод таков: основной принцип правительства заключается в стремлении заменить свободу каким бы то ни было авторитетом.

Его историческое развитие шло путём насильственной поддержки привилегий собственников. Его образ действий характеризовался всегда владычеством закона, вместо свободного договора.

Цель его всегда была и есть учреждение официального порядка, который бы мог противодействовать естественным следствием экономической анархии.

В основании всего этого лежит деспотизм, эксплуатация, безнравственность. Вот почему нашей целью не может быть политическое государство.

Рассмотрим теперь политические реформы по отношению к их влиянию на социальное освобождение пролетариата. Не лишним будет здесь заметить, для уяснения дела, что обыкновенно люди, советуя рабочим идти путём политической агитации, суть люди, живущие рентой, которой они пользуются, благодаря покровительству власти. Выслушаем их «аргументы»: порядок прежде всего, говорят они и в то же время усердно заботятся о сохранении самого возмутительного беспорядка, в том, что должно бы было быть организованным, предполагая возможным вознаградить этот недостаток экономического порядка правительственным авторитетом. Понятно, что если раз установлен таким путём порядок, он должен быть поддерживаем денежными средствами – это главное; каждый хороший гражданин должен подлежать подати; затем следует нравственная обязанность: каждый хороший гражданин должен заниматься общественными делами, обсуждать законы и т.д.; каждый хороший гражданин должен быть солдатом, чтобы в случае нарушения порядка от внешних или внутренних причин, содействовать его восстановлению или защищать его. Таким образом окажется на деле, что каждый работник будет содействовать власти, которая его давит.

До сих пор постоянно говорили работникам: вы невежественны, чтобы управлять общественными делами; предоставьте эту заботу адвокатам, учёным, ораторам; они это исполнят лучше вас. В настоящее время, когда возник социальный вопрос, эти советы приняли другой вид. Теперь эти господа говорят: Рабочие, выбирайте своих представителей в учреждения законодательной и исполнительной власти, требуйте законов в свою пользу, прогрессивного налога, бесплатного образования и т.д. Бесплатное образование, какая насмешка! Если я непосредственно не плачу за ребёнка, посылая его в общественную школу, то разве я не плачу вместо того подати, которыми оплачивается учитель? Прогрессивный налог на капитал и т.д.! Разве в конце концов не оплачивается всё трудом? Ясно, что всякий патрон платя, например, 1000 франков налога, берёт их из барыша, приносимого ему трудом работника. Вы хотите, чтобы мы требовали законов в нашу пользу? Но относительно чего? Относительно ассоциаций? Для того, чтобы организовать их, законов не надо. Относительно взаимных договоров? Земледельцы и часовщики, например, сами и

только сами компетентны для определения основ, связывающего их договора. Законов для возвращения земли в коллективную собственность, для уничтожения прав наследства? Вообразите себе положение наших государственных советов в виду таких вопросов! Нет, рабочие, взглянем прямо на политический вопрос; **всякое правительство неизбежно должно покровительствовать существующему порядку**; каждый гражданин, принимающий на себя обязанность народного представителя, тем самым обязуется содействовать сохранению, укреплению и развитию существующих учреждений. **Пытаясь осуществить на практике социальные принципы, путём политических реформ, работники только содействовали бы оживлению этого общества**, которое находится в предсмертной агонии и которому нужно дать скорее умереть от истощения.

Работники, во имя правоты нашего дела, откажемся отныне от всякой политической деятельности!

VIII. Война.

(Liberté. 1868. № 18)

Для девятнадцатого века существуют только два способа разрешения социальной задачи, которые определяются двумя существующими методами: политикой беспощадных реакций, которая верит в возможность идеального общественного строя по самому простому и первобытному плану абсолютизма; или же – политикой революций, энергично преследующей идеал совершенной перестройки общественного порядка в исключительную пользу рабочих масс.

Последний политический метод признаёт, что рабочая масса всегда была способна управляться сама собой и пользоваться всеми своими правами. Обе эти политические системы одинаково убеждены в возможности достигнуть прочной организации общества, каждая, конечно, по своему плану.

Да, одно из двух: или человеческое общество должно раз и навсегда остаться вернó своим первоначальным принципам, и тогда приходится заняться снова скучнейшей работой. Приходится распутывать все узлы традиций человечества; приходится восстановить бога на небесах, в нём одном отыскать начало всех начал и следовательно, источник всего; избрать одного человека из каждой нации; около него создать особенную касту людей, вечных представителей исполнительной власти, ему же даровать для вечного наследственного пользования принцип абсолютизма, который в этой организации составляет живой источник всеобщей жизни. Таким образом, абсолютный авторитет наверху этой громадной лестницы нечувствительным образом будет передаваться импульсом жизни на самую последнюю ступень, и самый последний член многомиллионного человечества всегда будет поддерживаться на своём жизненном пути целесообразностью громадной машины; он почувствует себя одной из спиц этой самой машины.

Другой метод учит человека искать в самом себе начало и конец своего авторитета, быть во всю свою жизнь обязанным только себе. Он сам обязан будет поддерживать общественный порядок, от его справедливости и от его ума будет зависеть распределение как материальных, так и нравственных благ мирских. Все нами самими и между нами только; мы все равны и одинаково должны все работать на пользу общественного блага; долой правителей и господ, каждая отдельная функция общественной жизни будет выполняться отдельной личностью на общую пользу всех. Человечество не может решиться отдать всю свою социальную роль кому-либо одному; этим самым оно парализовало бы взаимодействие своих сил.

Первая система проповедует терпение, её орудия террор и насилие; ей необходима религия, потому что необходима слепая вера массы, которая терпеливо должна видеть в своих собственных страданиях проявление «кары божьей».

Вторая система проповедует всеобщую свободу, любовь и справедливость. По её глубочайшему убеждению, большинство человеческих страданий зависит от нынешнего порядка вещей, и что хорошо организованный труд человечества способен уничтожит большую часть этих страданий. По её убеждению, каждый член общества имеет полное право во всякое время требовать полного отчёта у всех. Пока существует громадный класс людей, обречённых на нищету и страдания, до тех пор нельзя признавать существующий порядок вещей удовлетворительным.

Первая система создала идеальный мир милости и типом его взяла королевские дворцы.

Вторая система желает создания мира разума, и типом его берёт мастерскую.

Всё, что находится между этими двумя взглядами, бессильно и лишено значения. Вот уже 80 лет, как многие желают отыскать средний путь, который бы примирил две упомянутые нами крайности; но из этого ничего не вышло, да и не могло выйти. Вера в абсолютизм исчезла совершенно, а свобода лишилась всех своих гарантий.

Древний мир вооружается. Церковь, армия, государственная централизация, эти различные элементы теснятся вокруг своего естественного знамени, независимости церкви, нравственного представителя старого порядка вещей. При помощи этого знамени они надеются победить революцию; на этой почве древний мир чувствует себя сильным и непобедимым.

У революции также есть своя собственная область, в которой она смело могла бы потягаться с церковью и государством и в которой последние совершенно не компетентны и бессильны. Область эта – рабочий вопрос. Зачем же революция напала на Рим, когда Рим по идеям и поступкам к миру, ныне ей совершенно чужд? Зачем же помешала она старым правительствам управляться в их собственной сфере по их усмотрению, и не довольствовалась постановкой вечного единственного вопроса об распределении труда и богатства, а стала требовать от старого мира отчёта не в его идеалах, а за его тунеядство, не в его философии, а за поглощение всех сил народа не многими избранными? Зачем революция вместо того, чтобы завлечь древний мир в свою собственную область, согласилась дать битву на старой почве, где счастье и сила решают судьбу самых решительных борцов?

Ныне должно решиться всё: император Наполеон объявляет, что он идёт на встречу всемирной революции и революция не отступила. Итак, будь что будет, лишь бы битва была обширна и достигла великих принципов, за которые она ведётся. Это – столкновение двух миров и как бы они не столкнулись, толчок будет ужасен и один из них разлетится вдребезги.

IX. XX годовщина июньских дней.

(Liberté. 1868. № 52)

Мы не намерены возбуждать ненависть; к чести человечества, ужасы июньских дней теперь кажутся невероятными даже буржуазии, которая их совершила; однако же, кто осмелится утверждать, что сцены такого рода не возобновятся под влиянием подобных же обстоятельств? Единственный способ избежать их повторения – это постараться извлечь из этих ужасных воспоминаний не мщение, а поучение.

Грустно сказать, но нужно признаться, что человечество, не смотря на опыт стольких веков, не выработало ещё рационального метода постепенного развития; оно до сих пор идёт путём революций, с неизбежным спутником их – реакцией.

Откуда происходит этот недостаток уверенности и твёрдого, постепенного стремления вперёд? Это происходит от нашего воспитания, чисто политического, неразрывно связанного с идеей правительства, воспитания, которое так же старо, как и начало самого общества. Подчинённые так долго провидению и произволу мы привыкли полагаться на них во всех наших нуждах и заботах.

Мы противопоставляем политическим реакциям – политические революции; религиозным предрассудкам – религиозные идеи в иной форме.

Когда же, наконец, научимся мы обращаться к принципам? Когда же восстанем мы против правительственного деспотизма во имя действительных законов общества, против религии во имя науки?

Революция 1848 года, не смотря на свои социалистические стремления, была в конце концов правительственной революцией, простой переменой династии; общественная власть была видоизменена в своей форме, но общественные отношения остались те же, что были и прежде.

«Отсталое и олигархическое правительство свергнуто героизмом парижан». Такова первая фраза первой прокламации временного правительства 24 февраля.

Разберите эту фразу, и вы найдёте в ней всю философию, всё значение второй французской республики. Каждое слово в ней – заблуждение; каждое заблуждение влечёт за собой бедствия, ошибки и преступления этой тяжёлой эпохи.

«Отсталое и олигархическое правительство свергнуто героизмом парижан». – Свергнуто правительство ... Какое же влияние имеет это на взаимные отношения граждан между собой, как производителей, как потребителей, как посредников обмена, как членов общества или скорее государства, так как правительство есть отрицание общества?

Какое влияние может иметь эта перемена правительства, т.е. власти на труд, на капитал, на обмен, на справедливость? Не вызываете ли вы реакцию, вы, новые правители, уже тем одним фактом, что вы намерены дать новое направление обществу, которое не хочет быть управляемым. Даже направление, которому вы следуете, – республиканское или социалистическое – не вызывает ли оно вместе с тем реакцию против социализма и республики?

Но, говорите вы в своё оправдание, мы свергли правительство отсталое. – Да разве сущность всякого правительства не есть отсталость? То, что вы приводите в своё оправдание, напротив, прямо разбивает вас.

Найдётся ли в истории хотя бы одно правительство, которое не было бы ретроградно? Все реформы, произведённые без помощи или с помощью правительств всегда были противны самим интересам этих правительств. Неужели февральское правительство возымело странную надежду быть хорошим правительством, т.е. правительством противоестественным? Уже теперь история произнесла свой обвинительный приговор над этим смешным притязанием, и демократия жестоко искупает свои заблуждения.

Вы свергли олигархическое правительство. Прекрасное дело! Но власть определяется существующими общественными отношениями, и это олигархическое правительство было верным выражением французского общества. Прежде, нежели производить революцию в правлении, надо было произвести её в обществе.

Кто знает, что произошло бы с властью, если бы общественные условия изменились? Может быть она бы совершенно исчезла.

Вы провозгласили всеобщую подачу голосов. Менее ли всесильна от этого церковь, банки и государство?

Перед судом разума переход от политеизма к монотеизму (от язычества к единобожию) есть только успех предрассудка; точно также провозглашение в иерархическом обществе всеобщей подачи голосов на место ограниченной должно быть рассматриваемо только как лицемерие, как усиление государственной тирании. В переходе деспотизма олигархического к деспотизму одной личности нужно видеть только последовательное развитие деспотизма. Вы удивляетесь героизму парижан, принуждающего Францию признать свою революцию! Так знайте же, что это есть преступление против революции и наказанием ему будет героизм национальной гвардии, производящей в Париже новую Варфоломеевскую ночь против социалистов и с одинаково неоспоримым правом, заставляющий всю Францию подчиниться реакции.

Заблуждение социализма 1848 года заключалось в том, что он вмешался в правительственную революцию, которая должна была остаться ему совершенно чуждой. 18

лет постоянной пропаганды сделали из социализма силу, которую нельзя уже пренебрегать. Политика его очевидно должна была быть следующая:

До 1848-го года в ожидании времени своего преобладающего влияния, он должен был с одной стороны пригвоздить Луи-Филиппа к его трону, а с другой немилосердно противодействовать тому формальному и буржуазному республиканизму, который своей шумной, мелочной и своекорыстной оппозицией совращал революцию с её истинного пути, увлекая её за собой в бесплодную политическую агитацию, в которой социализм мог только утратить истинный смысл своего призвания. Для тех, кто знает обширность и силу социалистической пропаганды до 1848, очевидно, что социализм был достаточно силён для той роли, которую указывали ему обстоятельства; силён на сколько может быть сильна самая чистая революционная теория. Он должен был оказывать давление на королевскую власть, не уничтожая её окончательно, и подавлять без милосердия все переходные ступени между ним и партией реакции, отнимая у последней таким образом поддержку тех честных умов, которые предпочитают риск революции беспощадным и грязным действиям реакции; и затем в благоприятную минуту, заменив предварительно экономические условия общества с помощью власти или вопреки ей, он должен был предоставить самим себе все политические, династические и правительственные формы, которые без посторонней помощи должны были неминуемо погибнуть в этом изменённом обществе, где существование их не имело более никакого смысла. Да, такова должна была быть роль социализма, но у него не хватило прозорливости, а может быть и должной решительности, чтобы достойно выполнить её.

Он не должен был падать духом, даже если бы достиг только того, что помешал бы формальному республиканизму разрушить монархию в пользу нескольких личностей более честолюбивых, нежели демократических. Он должен был упорно отказывать в своей помощи, не вступая в борьбу с установленной властью, а, напротив, становясь между ней и реакцией, и требуя только уничтожения тех легальных препятствий, которые мешают экономической и социальной реформе осуществиться по инициативе рабочих. Раз эта реформа осуществилась бы, он должен был бы предоставить буржуазно-республиканское правительство его собственным силам и неизбежной гибели.

Истинный путь, по которому нужно следовать, состоит в том, чтобы, добиваясь постепенных уступок, довести власть до нуля, с помощью её самой или вопреки ей. Захватив же власть, революция, напротив, остаётся контрреволюцией. Она тем самым совершает самоубийство.

Действительно, что осталось от первой французской революции, если исключить реформы, происшедшие по инициативе народа, записанные в тетрадах депутатов и по неволе уступленных королевской властью? С того момента, как революция заняла трон казнённого короля, началась реакция, не прекращавшаяся вплоть до 1815 года.

Следовательно, исходной точкой революции 1848 было заблуждение, за которым необходимо следовал целый ряд ошибок и несчастий, и среди них июньские дни были только одним из кровавых эпизодов.

И если в настоящее время, мы считаем ещё за честь называться социалистами, то причина этого лежит в беспощадной реакции, налагающей на нас обязанность не отрекаться от той партии, приемниками которой мы оказываемся по неволе.

В феврале 1848 и гораздо ещё раньше социализм стал на сторону республиканской и правительственной оппозиции; последовательный в своём заблуждении он стремился достигнуть власти и в благоприятную минуту в лице Луи Блана постарался съёжиться до невозможности, чтобы войти в состав временного правительства.

Он и действительно вошёл туда, но только ... на время.

Один тот факт, что социализм помог изменению правительства в государстве, был уже доказательством реакции; то, что он вошёл в состав государственного совета, было новым шагом по тому же пути. И с первых же дней партия прогресса, сливаясь с правительством, признала себя бессильной и побеждённой.

Последующие события будут только развитием этой правительственной реакции; с самого первого действия можно предвидеть развязку: образумившийся народ прибегает, но уже поздно, к силе, и реакция, уверенная в своём могуществе, вызывает восстание, чтобы подавить его, и подавляет действительно.

1848 год соединяет в себе все атрибуты плохой мелодрамы, которая была бы смешна, если бы не пролилась кровь. Проследим события день за днём.

24 февраля. Более или менее правильное провозглашение временного правительства, более или менее республиканского, куда успели проскользнуть два авторитарных социалиста, Альбер и Луи Блан. Их терпят, потому что на первых порах нужны поблажки.

25 февраля. Образование 54-го батальона подвижной гвардии, пользу которой уже достаточно предвидят республиканцы, поклонники сильного правительства. Социализм же видит в ней только эмблему насилия.

26 февраля. Отмена смертной казни за политические преступления. Мера, которой рукоплещут все партии; что совершенно понятно. Луи Блан проливает слёзы умиления. Он действительно счастливо отделается от опасности. Но в своей наивности он воображает, что эта мера принята в пользу роялистов. Он громко восхваляет милосердие социалистов и не видит, что это милосердие пригодится самим социалистам, которым в будущем будет уже грозить опасность.

Тот же день. Декрет о трёхцветном знамени. Лоскут ткани получает значение социального вопроса.

5 марта. Временное правительство, подозрительное относительно самого себя и находящееся под давлением реакции, созывает избирательные собрания; в то же время оно устанавливает общую подачу голосов.

Тот же день. Манифест Ламартина[35] к дипломатическим агентам за границей; республика отнимает у себя возможность исхода посредством войны; вопрос должен разрешиться внутри страны или решением социального вопроса, или избиением социалистов.

16 марта. Демонстрация национальной гвардии; её мнение в том, что вопрос должен разрешиться избиением социалистов.

17 марта. Демонстрация народа, противоположная предшествующей. Луи Блан, представитель социалистической идеи в правительстве, противодействует народу; овладев положением дел, он признаёт бессилие власти. Он не был последователен, но был искренен. С этой минуты уже Ледрю-Роллен[36] делается представителем крайней демократии.

16 апреля. Демонстрация более ста тысяч работников. Ледрю-Роллен, увлечённый неодолимой реакцией, противопоставляет народу национальную гвардию. Власть переходит к Собранию и к республиканизму завтрашнего дня, с оттенком Одилона Барро[37].

15 мая. Манифестация в пользу Польши[38]; в собрание врывается толпа народа. Ледрю-Роллен противодействует народу. Жюль Бастид[39] и Арман Марра[40] представителями республиканской идеи в правительстве. Какое падение! Но это ещё не конец.

Реакция сделалась всесильна; национальные мастерские закрыты и сто тысяч рабочих выгнано на мостовую с 30 франками вознаграждением.

Нужно положить этому конец! Таков крик всех республиканцев формалистов и большей части партии порядка.

Нужно положить конец! Гарнье-Пажес[41], неспособный первый произносить эти жестокие и полные угрозы слова.

Собрание желает восстания, оно его вызывает; нужно разрешить социальный вопрос истреблением социалистов. Нужно покончить!

Всё подготовлено. Войска и национальная гвардия Парижа и департаментов ждут только сигнала.

Борьба началась 23 июня. Борьба на смерть. Собрание объявляет своё заседание непрерывным; все предложения о соглашении с гневом [рабочих] отвергнуты.

Предложение Коссидьера[42] поговорить с народом принято взрывом негодования; его называют бунтовщиком. Нужно покончить! Нужно покончить! 24 июня Собрание, по предложению Паскаля Дюпра[43], объявляет в Париже осадное положение, распускает исполнительную комиссию и, опасаясь своей собственной слабости, передаёт исполнительную власть генералу Кавеньяку[44]. Гражданин Жюль Фавр[45], человек принципа, голосовал за это и многие другие вместе с ним. Хорошо бы не забывать об этом.

26 июня. Восстание подавлено.

Собрание определяет, что всякое лицо, взятое с оружием в руках, немедленно ссылается за океан. Пленные расстреливаются по произволу. Гражданин Альфред Пьер де Фаллу[46] говорит: «я желаю иметь сведения об архиепископе парижском». – Он был убит пулями солдат, защищавших порядок. Это доказано. Таким образом, только одно провидение взяло на себя труд отомстить за истребленный социализм. С этого времени социализм из правительственного делается научным и рациональным; он окончательно разрывает всякую связь с властью; в достопамятном собрании 31 июня Прудон открыто провозгласил вечную войну против власти. Разрыв так безусловен, что социализм, из ненависти к соперничествам и агитациям чисто политическим, принимает без страха кандидатуру принца Луи Бонапарта и другое временное правительство, которое носит название империи. С этой минуты социализм определяется, он называется позитивизмом и мютюэлизмом!!?

Х. Империя и Революция.

(Liberté. 1868. № 58)

XVIII век со своими великими и, поистине, свободными мыслителями, направил человеческую мысль на новый путь, по которому она должна была дойти до простого и ясного понимания истины. Вольтер, Дидро, Кондорсе и все другие пролили на всевозможные вопросы тот яркий свет здравого смысла, который уже исключает возможность мистицизма, туманного идеализма и стремления строить предвзятые истины; новейшей науке следовало только везде прилагать могущественный аналитический метод, и она дошла бы до положительного решения всевозможных задач после точной его постановки.

Революция, в промежуток времени от 1789 до 1794 года, т.е. до падения Дантона, разрушила в мире реальном те препятствия, которые философы уничтожили в мире отвлечённом.

Дорога была изглажена, великий толчок дан, и европейскому обществу, казалось бы, оставалось только идти по ней, чтобы достигнуть царства счастья и науки.

В таком свете представлялись вещи всем великим людям конца прошлого столетия. Та же безграничная вера в будущность заставила Канта, Гёте, Шиллера пролить слёзы радости при первом известии о первых взрывах, произведённых во Франции новой идеей.

Но настала реакция. Она первоначально вышла во всеоружии из недр самой революции и олицетворилась в Робеспьере. Этому человеку и его школе удалось подчинить великие стремления революции узкому формализму предвзятой философии, которая употребила все возродившиеся силы нации на служение личной системе, опиравшейся на авторитет силы и заканчивавшейся идеей божества.

С этого времени кончается XVIII век и начинается XIX, с его рядом последовательных реставраций. Наполеоновская реставрация восстановила материальные основы старого порядка; реставрация Бурбонов возобновила порванную цепь старых традиций; реставрация Луи Филиппа, надо заметить, самая развращающая, сумела исказить даже само воспоминание о революции, создавший невозможный компромисс между старыми и новыми идеями; движение 1848 года привело социализм к старой авторитарной организации.

Наполеон III – только последнее слово и неизбежное следствие четырёх реакций, из которых каждая, сама по себе, была не в силах заглушить в сердце народа великие надежды, пробуждённые революцией. И будут ли легитимисты парламентаристы, республиканцы 1848 года считаться врагами второй империи или нет, во всяком случае ясно то, что империя обязана своей силой каждой из этих партий и держится только корнями, пущенными предшествовавшими реакциями. Она набожна, как Бурбоны, банкократична, как Орлеаны и в то же время такая же демократка, признающая центральную власть, как и

республика 1848 года, наконец, весь этот сброд позолочен призраком военной славы, оставшимся от первой империи.

Удивительно поэтому видеть, что бывшие свидетелями всех трёх предыдущих эпох так плохо понимают философию истории и необходимые следствия движений, в которых они сами принимали участие; эти люди смотрят на империю, как на что-то совершенно изолированное и не имеющее ничего общего с рядом предшествовавших ему правительственных форм, тогда как она есть необходимое заключение этого ряда, который не мог быть закончен ничем иным. Мы делаем одно только исключение именно для тех людей, которые во время республики 1848 года были за одно с Прудоном. Они члены другого ряда, – революционеры, которые прямо примыкают к XVIII веку.

Они ни на одну минуту не имели в руках своих власти. Прошедшее, следовательно, их не компрометирует; для них было бы равнозначно отречение от своих идей, – значило бы оборвать нить, которая вела их по лабиринту стольких правительств и которая служит для них ручательством за будущее. Но, что Виктор Гюго, Луи Блан, Гизо, легитимисты смотрят с презрением на империю и отказывают ей в поддержке – этого мы не понимаем; разве что у них личные счёты или, может быть, они недовольны за то, что они заняли их место. Мы не говорим ни о Тьере[47], ни о Жюле Фавре: они вошли в состав императорской системы, они соединены с ней, потому что они обеспечивают ей необходимый элемент – правильную оппозицию, которая оживляет политическую жизнь империи. Мы также не понимаем, зачем наша бельгийская доктринёрская пресса так систематически выставляет себя враждебной империи; разве за тем, чтобы уверить наших добрых буржуа, будто действительно существует значительная разница между бельгийскими порядками и французскими. С 1852 года, действительно, общественная свобода больше уважалась в Бельгии, чем во Франции, и по очень простой причине – никто не желает пользоваться свободой. Когда в Бельгии со временем образуется такая же сильная партия социалистов, как и во Франции, посмотрим, можно ли будет также свободно писать и говорить, как теперь. Уже и теперь правительственная реакция даёт себя чувствовать, а между тем, нет ещё и тени опасности для общественного порядка. Что же было бы если бы опасность существовала?

В сущности, мы находимся теперь, относительно социального и политического положения, на такой же ступени развития, как Франция в 1848 году.

Итак, поменьше самохвальства!

Раз империя силой унаследовала власть после всех правительств, бывших во Франции со времени Робеспьера, она может считаться их законной наследницей, потому что и её предшественники тоже достигали власти посредством силы, так что факт насильственного переворота со стороны империи только подтверждает её родственную связь с прежними правительствами. Понятия о законности власти, существовавшие в старом свете, узаконяют господство империи. Никто из приверженцев старого порядка не имеет права бросить в неё камень.

Что же означают эти сумасбродные манифесты, которые каждые шесть месяцев приходят из Лондона, и в которых-то г. Феликс Пиа, то Виктор Гюго или кто другой предаёт анафеме

империю? Это протест Авиньона против Рима, потому что религия у них одна и та же – религия власти. Те, которые поклоняются ей, не имеют права протестовать ни против какого правительства. **Идея государства допускает всевозможные средства; а цель всякой власти прежде всего управлять.** Пока империя сильна, она права перед нападающими на неё государственниками. Только павшие правительства виноваты, и то потому, что они не сумели поддержать своё существование. **Нужно разубедить народ в том, что есть дурные и хорошие государства, и что хорошие имеют право относиться с презрением к дурным.**

Оставить его в этом убеждении значит заставить его вращаться в заколдованном кругу, значит приготовить, после стольких испытанных реакций, новые реакции – повторения освищенных комедий. **Все правительства одинаковы; и никогда никто не управляет как следует, потому что народ с здоровой головой не требует никакого правительства.**

Доказательства того, что все они одинаковы служит та постоянная взаимная поддержка, которую они друг другу оказывают. Наши либералы, которые ругают империю в своих речах и газетах, чтобы показать себя передовыми людьми, в то же время составляют законы, чтобы держать народ в почтении к императорскому строю.

С тех пор, как во Франции окончилось взаимное уравнивание Парижской Коммуны и Конвента и даже самих революционных вождей в Конвенте между собой, уравнивание, при котором власть, собственно, не принадлежала никому, и когда достаточно было бы лишь немного спокойствия, чтобы всю правительственную машину свести на самые простые начала управления, с тех пор как это кончилось, говорю я, всё в европейской политике было лишь реакцией. Так пусть же те, которые под различными видами принимали участие в следовавших друг за другом реакциях, не надоедают нам своими криками и взаимными угрозами. В особенности пусть Пиа, Виктор Гюго и романтики, прямые потомки реставрации Бурбонов, сыны Шатобриана, давшие европейской реакции тот гармоничный язык, которым она нас опьяняла и увлекала, пусть они в особенности избавят нас от своих пустых фраз, от этой пошлой болтовни, которая служила всегда торжествовавшим партиям и сильным господам.

Нам нужно возвратиться к XVIII веку к тому времени, когда честные и простые люди высказали массу правдивых и верных идей, которые до сих пор остались истинными и революционными. Вся никуда не годная мелочь и вся мишура, представляющие с первого взгляда действительные интересы дня, на самом же деле рассчитанная только на эффект, нам уже достаточно надоела. Красивые позы, пророческий вид главных проповедников романтической демократии, их таинственные слова, тождественные суждения нам противнее, чем даже сама римская империя, если бы она ожила.

Нужно заметить, что эти великие фразеры обыкновенно столько же смыслят в этих идеях, как какой-нибудь лавочник. Хотя они и стремятся сделаться полубогами в глазах народа, однако ни один из них не сможет сказать что-нибудь, что хотя бы сколько-нибудь походило на новую смелую мысль.

Мы совершенно согласны с Вольтером, который говорил, что новая и истинная мысль стóит царства. Мы видели, как империя и даже конституционные королевства существовали по двадцати, тридцати лет и не находили ни одной такой идеи.

XI. Собственность, Капитал и Обмен.

(Liberté. 1868. № 59)

(Ответ на статьи *Economiste Belge* и *Devoir de Liège*)

«Даровой кредит, равенство обмена, свободная ассоциация, установление нормальной ценности, уничтожение налогов и правительств, уничтожение ренты, найма, арендаторства, свободный договор вместо неограниченной власти, всякая плата за наём или аренду доставляет нанимателю или арендатору соответствующий пай собственности, – таковы основные мысли социальной системы Прудона, пропаганду которой взяла на себя *Liberté*».

«По нашему мнению, они утопичны; осуществлённые на практике, они только усилили бы пауперизм[48] и все те недуги, которыми мы страдаем»

«Прудон, как все социалисты, делает благое дело, обнаруживая недостатки существующего общественного устройства, доказывая необходимость исправить их»

«Он разрушил предрассудки, он обратил всё в руины. Что же касается его плана переустройства, то мы того мнения, что он заключает в себе большое заблуждение; он ложен в своих основаниях»

Мы благодарим *Devoir de Liège* за категорическое определение нашей программы в её самых существенных пунктах.

Да, мы хотим дарового кредита или, лучше сказать, кредита по его настоящей цене, ибо ничто не достаётся даром на этом свете, и всякая услуга требует вознаграждения. Да, мы провозглашаем равенство обмена или, точнее выражаясь, непосредственный обмен между производителями и потребителями. Да, мы противопоставляем свободный договор правительствам и неограниченной власти и, как следствие этих принципов, мы требуем, чтобы налог, повинувшись общему закону, превратился бы в обмен услуг между личностями и обществом, к которому они принадлежат. Но, раз принцип непосредственного обмена продуктов на продукты будет осуществлён при помощи банка, организация которого позволяет меновщикам удовлетворять своим потребностям без вмешательства капиталистов, акционеров и прочих паразитов, всякий продукт делается меновой ценностью наравне с теперешней металлической монетой; всякий продукт циркулирует при такой системе по его настоящей цене, не подвергаясь более учёту, ренте и каким бы то ни было другим убыткам; капитал приобретает цену только постольку, поскольку он полезен и не

приносит более барышей. Логическим следствием всего этого будет зачисление всякого платежа в самый капитал дома; всякая плата за наём или аренду доставит нанимателю или арендатору соответственный пай собственности. Больше не будет ни собственников, ни нанимателей; останутся одни меновщики, производители и потребители.

В чём же утопичность этих идей? Почему не осуществим проект банка, предложенный нами вслед за Прудоном и рабочими Лозаннского Конгресса? Осмелитесь ли вы утверждать, можете ли вы доказать, что обращение продуктов невозможно без металлической монеты?

Осмелитесь ли вы утверждать, можете ли вы доказать, раз признав достаточность банковских билетов для совершения обмена продуктов, что для этого необходим выпуск сказанных билетов капиталистами, собственниками или акционерами, для которых они должны служить источником дохода?

Осмелитесь ли вы утверждать, можете ли вы доказать, что производители, потребители, меновщики не могут сами для себя создать кредитные бумаги, представляющие обмениваемые продукты, сделанные заказы, акцептированные факторы, словом, настоящий знак, изображающий обмениваемые продукты и обращающийся вместо этих продуктов и по их цене.

Чем проект этот, осуществлённый на практике, может увеличить пауперизм и другие недуги, которыми мы страдаем? Как! мы даём должникам возможность уплатить свой долг, внося ежегодно только, так сказать, ренту, на вечное служение которой при существующем общественном устройстве они осуждены, не имея возможности никогда освободиться, – и мы увеличиваем пауперизм! Мы оставляем в карманах промышленников, торговцев и всякого рода работников миллионы, которые они платят банку, – и мы увеличиваем пауперизм! Мы призываем всякого арендатора и нанимателя ко владению почвой, которую он обрабатывает и жилищем, в котором он обитает – и мы увеличиваем пауперизм!

Словом, мы уничтожаем ренту, этот единственный источник пауперизма, – и мы увеличиваем пауперизм! Да тут нет ни капли здравого смысла и те, кто это говорят, не понимают революции.

«Прудон превратил только всё в руины, он ничего не создал». Devoir, вслед за многими другими, повторяет этот банальный упрёк, это общее место критиков, не одарённых философским пониманием, которые считают необходимым, чтобы всякий мыслитель представил своим читателями более или менее искусно придуманный план социальной организации.

Великая заслуга Прудона, равно как и его предшественников XVIII века в том именно и заключается, что они раз и навсегда отказались манипулировать обществом с целью подвести его под разные утопичные системы, и провозгласили, что критика и разрушение составляют единственную задачу мыслителя, способна заместить заблуждение живой истиной.

Французская и немецкая философия уничтожили религиозную идею. По вашему мнению, они только разрушали и ничего не создали? Станем ли мы под предлогом созидания

замещать разрушительные догматы новыми религиозными утопиями? Признаём-ли мы вместе с Жюлем Симоном естественную религию или вместе с Колэном ту непоследовательную религию, которая отрицает бога и признаёт бессмертие души?

Что же нужно поставить на место религиозных аллегорий, разрушаемых критикой? – Ничего. С уничтожением религии останется одна действительность, которую она скрывала от наших взоров; останется одна человеческая совесть, дочь науки; останется человек в полном обладании своей свободой и достоинства.

Капиталисты, собственники, акционеры, ажиотёры[49] будут уничтожены; что же останется? Останется опять-таки одна действительность, истинное общество, останутся производители, потребители, меновщики, которые могут и должны удовлетворять себя сами. Признавши раз несправедливость ренты, зачем нам, вместе с Колэном, отдавать её государству взамен налога? Что значит эта верховная коллективность, присваивающая такую неопределённую часть общественного богатства взамен таких же неопределённых услуг? Где же взаимность? Где же справедливость?

Их здесь не более, чем в налоге на наследство, защитником которого выступает Devoir. Но ученики Колэна до такой степени были ослеплены реакционной и правительственной идеей возвращения богатства коллективности, что они не обращают более никакого внимания ни на личность, ни на семейство. Они не поняли той элементарной идеи, которая, по нашему мнению, доказывает необходимость устройства взаимного кредита, показывает, что личность потребляет прежде, чем производит, и что если бы она не имела возможности уравновесить, при помощи взаимного кредита, свой долг обществу тем, что в свою очередь общество ему должно, то смерть её была бы настоящим банкротством. Работник наилучшей общественной организации может, таким образом, надеяться только на то, чтобы умереть, не оставив никаких долгов; смерть его составляет, во всяком случае, потерю для семьи и нет никаких причин увеличивать эту потерю налогом, который к тому же не может быть оправдан никакой определённой услугой, полученной взамен его.

Таким образом, с точки зрения индивидуальной, производство и потребление не одновременны, но потребление предшествует производству; они могут уравниваться только при посредстве взаимности.

Мы показали влияние реорганизации кредита и обмена на капитал и ренту, на собственность, налог и аренду; под её влиянием также преобразуются налог, правительство и целое общество. Отсюда видно, что обмен и кредит экономические явления более значительные, общие, чем собственность, потому что они управляют последней. Devoir оспаривает это, утверждает, что собственность предшествует обмену: «Когда недвижимая собственность была ещё неотчуждаема, не могла быть продаваема; когда она ещё не участвовала в обмене, разве не было тогда поземельной собственности? »

Странное рассуждение! Если бы неотчуждаемая поземельная собственность предшествовала хоть на десять тысяч лет появлению экономического обмена, то разве это могло бы ей помешать находиться в зависимости от последнего? Под влиянием социальных сил собственность постоянно изменялась. Собственность времён Ромула не соответствует

собственности времён республики. Последняя отличается от собственности во времена императоров; римская собственность вообще не такова, как собственность феодальная, которая в свою очередь не похожа на собственность современную. Ныне неоспоримый факт тот, что как движимая, так и недвижимая собственность подлежат обмену; следовательно, влиять на обмен значит влиять на собственность; производить обмен по его настоящей цене, значит заставлять также и собственность обращаться по её настоящей цене без вознаграждения капиталу, без которого могут обходиться все производители-меновщики и который, не оказывая более никаких услуг, не нуждается и в вознаграждении.

Devoir приходит к следующим заключениям: «капиталисты и собственники никогда не примкнут к вашим статутам. Статуты ваши создадут массу заёмщиков, но где же будут заимодатели? Вот в чём всё затруднение. Кроме того, прудоновские статуты открывают кредит только под надёжный залог...»

«Если бы банк поступал иначе, то он скоро разорился бы».

Возражение это доказывает только, что Devoir совсем не понял нашего проекта реорганизации кредита, подобно тому, как он не понял прудоновского банка и отчёта, представленного по этому предмету бельгийской секцией Лозаннскому Конгрессу.

Какая тут беда, что капиталисты и собственники не присоединятся к нашим статутам, если только собственность и капитал подчиняется влиянию нашего нового механизма обмена? Какая тут беда, что наши статуты создадут массу заёмщиков и только одних заёмщиков, если в новой организации заёмщики и заимодатели одни и те же лица, и, если кредит, который они друг другу взаимно оказывают заключается единственно в обязательстве принимать в уплату общественные кредитные бумаги?

Пусть только Devoir de Liège доставить нам несколько тысяч заёмщиков, и народный банк будет создан.

Что же касается упрёка, будто бы народный банк будет оказывать кредит только под надёжные залого, то упрёк этот совершенно незаслуженный, и мы приглашаем нашего противника перечислить ещё раз параграфы 12 и 13 статут, которые мы напечатали.

Вообще, и пусть Devoir это примет к сведению, мы не принадлежим к числу писателей, которые намереваются дать обществу вполне законченную, идеальную систему, не могущую дать более никакого повода к улучшениям и предназначенную заключить на веки эру революций.

Мы стремимся только к тому, чтобы помочь человечеству вступить на новый путь; единственное обвинение, возводимое нами на существующий порядок вещей, заключается в том, что порядок этот реакционен в своих тенденциях; но мы глубоко убеждены, что серьёзная реформа наших кредитных учреждений, составляющих основание всего социального организма, заставит его идти более или менее быстро, но непременно по пути прогресса; наконец, мы того мнения, что учреждения не могут быть отменены прямым нападением на них, и что для преобразования их нужно противопоставить этим учреждениям другие учреждения, которые бы своим влиянием их постепенно уничтожили. К

числу таких учреждений, против которых человеческая воля прямо ничего не может сделать, принадлежать прежде всего собственности, которую не одолеют усилия коммунизма и утопии; но так как в настоящее время собственность, как движимая так и недвижимая движутся и циркулируют, то постараемся найти законы обращения богатств, законы кредита и обмена, осуществим их в практическом учреждении и мы увидим, что будет с собственностью и капиталом, коль скоро они будут вовлечены в обращение новым механизмом; может рента совершенно исчезнет и следовательно исчезнет и вопрос о том, кому она принадлежит – государству или коллективности. Это, по нашему мнению, самый разумный путь, и нас то уже Devoir не имеет никакого права называть утопистами.

XII. Конгресс Интернациональной Ассоциации Рабочих. Всеобщая Солидарность.

(Liberté. 1868. № 62)

До этой идеи, основанной на естественных отношениях экономических интересов и на уважении человеческого достоинства, в настоящее время дошли работники всего света. Целая пропасть отделяет эту идею от мистического братства христиан, способного согреть лишь души мертвецов, и преспокойно терпящего в среде живого общества самовластие и произвол. В настоящее время дело идёт об этом презренном обществе, законы которого должны быть регулированы. Пока не дойдёшь до нового убеждения, приходится пережить медленное и мучительное испытание, которое уже само по себе составляет целую науку; но зато новая позитивная идея не облечётся в форму религиозной общины. Она примет форму ассоциации рабочих и посредников обмена, обеспеченную действительными гарантиями. Такова будет новая религия человечества.

Чтобы найти разрешение общественного антагонизма в уважении человечества и во взаимной зависимости всех людей и всех социальных функций, нужно было, с одной стороны, разрушить бесчисленное множество вековых предрассудков о человеческом неравенстве, с другой же стороны, поглубже вникнуть в анализ социальных отношений; потому что формулы экономического права находятся только в сознании работников, так как они ближе чем кто-либо стоят к равенству и только одни могут хорошо знать и определить условия труда, который сделал из них единственных истинных социалистов, единственных полезных обществу людей, единственных царей мира.

Идея всеобщей солидарностей так глубоко истинна, что ей достаточно быть раз определённой, чтобы уже ничто не могло поколебать её. Но сколько усилий потребовалось со стороны работников, чтобы завоевать её, чтобы отождествить её со своей собственной совестью. Всякий, кто проследит историю Trades' Unions в Англии, не может отрицать прогресса в человеческой справедливости; он будет принужден признать, что человек, а не поп или философ, может быть единственным воспитателем человека. Начиная с ассоциации чисто оборонительной и изолированной, люди прежде всего вырабатывают грубость и

варварское кулачное право, но по мере того, как отдельные ассоциации сближаются и соединяются, кулачное право заменяется право юридическим, появляются взаимные гарантии и справедливость начинает проявляться во взаимных отношениях работников.

Когда народ заселил всю Англию рабочими ассоциациями, он уже созрел к всемирной федерации. В это время он встретился с французским народом, вышедшим разбитым из трёх контрреволюций, но спасшим от бури ковчег завета – объявление человеческих прав, которые он мечтал применить к экономическому миру.

Интернациональная Ассоциация Рабочих возникла от соединения практического и позитивного английского гения и грандиозного идеализма Франции.

Первая терпеливо шла, добиваясь положительного вывода, вторая руководствовалась столько же верным, как и смелым обобщением, и обе встретились, отыскивая систему всемирной гарантии труда, необходимой для рабочих, составляющих громадную часть общества. Кажется, что идея, сообщающая эту необыкновенную живучесть Интернациональной Ассоциации Рабочих, исчерпала все методы человеческого мышления, чтобы дойти до своего окончательного определения. Она носит на себе все признаки прочности, все залогов силы. Как начнёте вы борьбу с ней? Как победите её? Как помешаете всем народам присоединиться к этим отважным пионерам нового мира?

Действительно, *конгресс рабочих* самый законный и справедливый из всех конгрессов нашего века и единственный могущий принести плоды в будущем. Всякий, кто попытается повторить слова Ламенне[50], *бедняк должен молчать*, будет осмеян и пристыжен; теперь дело идёт уже не о том, чтобы подавить жалобы и вопли несчастных. Бедняку нечего жаловаться и плакать, его назначение – отыскивать законы будущего. Бедняк должен молчать! Не значит ли это: не следует упоминать о праве, о науке, о справедливости? Кто решится подавить последнее проявление мысли? Бедняк должен молчать! Но кто же, не буржуазия ли будет решать вопрос о всемирном обезоружении и мире? Не буржуазия ли организует кредит, обмен и преобразует подати; не она ли освятит царство экономических гарантий и уничтожит пауперизм? Бедняк должен молчать! Но ведь буржуазная мысль также бессодержательная и бесплодна, как речи её представителей и министров. Как произошла она? К чему стремится? Мы имели случай познакомиться с ней на деле. Она сама не знает, чего добивается, да и не желает знать. Пускай же говорит народ, так как он один мыслит!

XIII. Революция в Испании.

(Liberté. 1868. № 66)

Мы недостаточно знаем Испанию для того, чтобы судить о совершающихся там событиях с тем хладнокровием и догматическим тоном, которым стараются сохранить большинство наших газет. Об испанцах обыкновенно говорят, как об выродившемся народе, движения которого в настоящее время проявляются только в форме бессознательных судорог.

Значительное число восстаний, энергическая деятельность партий и военный характер движений пугает наши умы, привыкшие по своей натуре, развращённой формализмом, к медленному развитию. Видя, сколько энергии потрачено совершенно тщетно в продолжении шестидесяти лет, так как, по-видимому, всё указывает на возвращение старых порядков, невольно представляется, что Испания как бы катится по наклонной плоскости и придёт, наконец, в состояние диаметрально противоположное современной цивилизации. Что мы видим в Испании, начиная с 1808 года, ознаменованного гигантским, великим восстанием против нашествия французов? В 1820, 1840 и 1848 годах мы видим три революции, но все они кончаются поражением, и монархическая власть утверждается на развалинах, по-видимому, ещё крепче, чем прежде. Помимо этих главных, всеобщих движений, бесчисленные военные мятежи, так называемые *пронусиаменто*, периодически волнуют страну, возводят или низвергают министров, но не оказывают никакого решительно влияния на политический и социальный строй испанского народа. Все эти события с первого взгляда делают впечатление невообразимого хаоса, кажутся результатом случая и человеческого произвола, удобной почвой для отважных людей, полагающих в такие времена возможность на мгновение возвыситься над толпой, но колесо фортуны поворачивается, вчерашний победитель раздавлен, и в этом стремительном движении ничто неспособно устоять, исключая разве монархии, всегда сильной и могущественной, и составляющей, по-видимому, как бы ось Испании. Когда подумаешь затем в каких руках находится в продолжении шестидесяти лет монархическая власть, поневоле является вопрос, не стоит ли народ, подчиняющийся такому учреждению, ниже других народов.

От идиота Карла IV, корона переходит к подлецу и плуту, Фердинанду VII. За ним следует Кристина, влюблённая в лейб-гвардейца Муньоса, для которого она продаёт всё, даже бриллианты короны; а законной наследницей такой матери должна была сделаться Изабелла II, предпочитающая в Сан-Себастьяне отказаться скорее от власти, чем от своего интенданта Нафори, имя которого заключается длинный ряд имён её фаворитов.

В истории найдётся только одна женщина, могущая поспорить относительно репутации с Изабеллой II, – это Мессалина.

Таковы первые впечатления, получаемые при изучении современной истории Испании.

Большинство публицистов, к сожалению, ограничиваются таким поверхностным взглядом. Они не замечают, что все эти движения связываются общей нитью в правильный ряд, выражающий постоянное развитие; они не понимают, что весь ряд этих государей, по очереди занимающих престол, есть не что иное как мишурной образ прошлого, что они настолько же представляют собой действительные идеи народа, насколько изображения наших святых служат выражением действительных забот наших работников и крестьян.

В Испании монархия, может быть, более близка к окончательной своей смерти, чем в наших северных странах, так как там она вынуждена для поддержания своей власти прибегать к постоянной энергичной деятельности, к постоянным насилиям. Ведь в политике реакция равносильна деятельности. Если все испанские монархи, начиная с Фердинанда VII, могли держаться только благодаря тому, что поддерживали свою власть при помощи системы самого циничного макиавеллизма, так это потому, что они понимали энергичные республиканские стремления подвластного им народа.

Как современная Франция считает своё действительное существование с 1789 года, так и новая Испания начинается лишь с 1808 года. После трёх веков тяготевшего над ней беспримерного в истории деспотизма, она пробудилась от своего оцепенения при нашествии Наполеона, и начиная с этого времени в ней продолжается постоянная работа идей, благодаря которым ни один год не проходит для неё совершенно спокойно.

Действительно движение 1808 года было не только могучим отпором против чужеземного нашествия. После временного отречения монархической власти, испанский народ, соединившись в *хунты*, сумел создать конституцию 1812 года, самую либеральную из всех конституций Европы, не исключая конституции английской и нашей (бельгийской).

Рассматривая конституцию 1812 года, мы видим, что король только два раза может противопоставить своё вето законам, принятым кортесами. На третий раз министры обязаны внести их в свод законов и приводить в исполнение помимо санкции государя.

Каждый испанец с 21 года своей жизни делается избирателем, а с 25 лет сам может быть избираем; король приносит присягу верности конституции и признаёт за народом право восстания, в случае если он нарушит свою клятву.

В предисловии к конституции, испанский народ объявляет себя самодержавным; он «создаёт для себя законы, способные гарантировать каждому *свободу и благосостояние...*»

Федерация признаётся основанием политической организации. Уже одна эта идея ставит испанскую конституцию 1812 года выше всех наших централистских конституций.

Только исходя от этого времени, можно понять смысл позднейших движений испанского народа, точно также, как необходимо знать события 1789 года, чтобы понять Францию девятнадцатого столетия.

Конституция 1812 года с этих пор становится постоянной целью политических движений испанского народа. В 1820 году Риего, Кирога и другие вожди провозглашают её, и Фердинанд VII ради спасения своей жизни принужден принести ей присягу верности.

Благодаря вмешательству Франции, он нарушает свою клятву и приказывает повесить Риего; но в 1835 году милиция и армия после сожжения двух тысяч монастырей, опять-таки провозглашают конституцию 1812 года и Мендисабаль, министр-реформатор действует в духе революционных законов.

После долгих годов междоусобной династической войны между Кристиной и Дон Карлосом, прямым представителем законной наследственности, конституции 1837 года возвращается к принципам 1812 года; это доказывает, как сильно отпечатались идеи первой революции в сердцах испанцев.

В 1840 году является первое республиканское *пронунсиаменто*. Это движение также опирается на конституцию 1812 года, впрочем, расширяя её; после изгнания Кристины, оно подавляется, но уже овладевает всеми свободомыслящими умами Испании и организует с этого времени обширную пропаганду.

После этого не удивительно, что несмотря на ретроградную конституцию 1845 года и после революции 1848 года, республиканизм сумел пережить реакцию 1851 года и в настоящее время всё более и более приобретает в Испании значение самого серьёзного движения.

Идея этого движения выражается не в одном формальном республиканизме; с 1848 года возник социализм и сделался, благодаря, вождям движения Ордасу, Камара, Сервера. Тенадасу и другим, истинным основанием республики.

Несмотря на то, что движение 1854 года, главными вожаками которого были Дульче-и-Гарай, О'Доннелл и Медлина, привело к реакции несмотря на то, что в 1859 и 1861 годах республиканцы подверглись самому страшному избиению, идея самодержавия народа с каждым днём распространялась всё шире и шире, так что в настоящее время республиканизм под влиянием социальных идей не только окончательно превратился в федерализм, но даже люди, бывшие сначала преданы монархии, как например Прим и другие, пришли к убеждению, что им осталась единственная возможность сохранить своё влияние – присоединиться к прогрессивной республиканской партии.

Основываясь на принципах конституции 1812 года, испанская мысль, несмотря на преследования давивших её правительств, последовательно подвигалась вперёд, и теперешняя революция или погибнет, или же приведёт Испанию к федеральной и социальной организации[51].

По крайней мере таков тот вывод, который мы можем извлечь из истории этой великой страны, до сих пор так дурно понимаемой.

Обыкновенно говорят, что движения Испании ограничиваются военными *пронунсиаменто*.

При этом забывают о движениях 1812, 1820, 1840 годов, движениях чисто народных. Сегодня торжествуют возмущившиеся генералы, а завтра испанский народ, обманутый прежними правительствами, вспомнит свои прошлые предания, и возмущения, имевшие вначале военный характер, станет истинно демократическим. Кроме того, надо заметить, что войско в Испании совсем не то, что у нас. Со времени восстания 1808 года, когда во

главе армии были поставлены такие люди, как Мина, бывший работником, Мансо – мельник, Хауреги (Jauregui) – пастух, Л'Эмпичинадо – конюх, испанская армия, испанская армия никогда не знала той дисциплины, которая составляет существенную основу наших войск.

Все революционные идеи прежде всего находят себе защитников в армии; в Испании она имеет значение политической корпорации, в которой солдаты гораздо более руководствуются своими собственными убеждениями, чем приказами генералов. Это байонеты, но байонеты истинной интеллигентные.

Для Франции, например, было бы величайшим счастьем, если бы её армия вместо того, чтобы служить орудием в руках какой бы то ни было власти, организовалась бы по образцу испанской армии. Тогда бы не было ни 14 июня, ни 2 декабря, мексиканская и римская экспедиции были бы невозможны, не существовало бы империи.

Как в Испании настроение армии помешало правительству вмешаться в дела Мексики, так и во Франции войско сделалось бы гарантией свободы, между тем как теперь граждане трепещут перед полумиллионом вооружённых людей, составляющих гвардию Наполеона III.

Из всего этого не следует, чтобы мы не понимали, что одни гражданские, народные движения плодотворны; но вместе с тем нельзя не заметить, что начиная с вандемьера[52] и фруктидора[53] гражданские движения были подавляемы военными реакциями.

Видя, следовательно, до какой степени солдаты известной страны проникнуты народными принципами, мы должны заключить, что в их прогрессивных и республиканских *пронунсиамента* выражается гарантия народных прав, возможность для народа осуществить свои планы, не встречая в военном элементе постоянного противника, как это бывает в наших странах. Где же тут основание отчаиваться в будущем Испании?

В продолжении шестидесяти лет испанский народ развивается на основании идей, весьма сходных с идеями Франции 1789 года. Обе эти страны глубоко революционны; обе они после первого провозглашения новых принципов прошли через огонь страшных движений и реакций, но где бы ни восторжествовала в настоящую минуту революция, во Франции или Испании, мы можем быть уверены, что каждая из этих стран, имеющих за собой такое великое прошлое, сумеет найти элементы лучшего порядка, и что в каждой из них восторжествуют принципы, с которыми согласятся все искренние сторонники свободы и справедливости.

Мы от всей души желаем, чтобы настоящее восстание в Испании восторжествовало; это торжество благотворно отразится в Италии и Франции. Когда испанский народ поднимет и крепит знамя федеральной республики, которая одна способна обеспечить ему спокойствие, Европа последует этому великому примеру, и победа наших принципов будет упрочена.

XIV. Теория Революции.

(Liberté. 1868. № 70)

Восемьдесят лет уже народы предпринимают революции, которые в большинстве случаев не удаются; не продвинувшись вперёд на пути справедливости, народы раскрыли только перед честолюбцами тайный смысл своих движений. С виду взрывы народного гнева кажутся совершенно необузданными, но в действительности они подвержены самым строгим законам. Достаточно изучить различные фазы, через которые необходимо должны пройти чувства масс, предоставленных самим себе, чтобы иметь в руках ключ всех самопроизвольных революций, и следовательно, иметь возможность направлять их на какой угодно путь. Вначале смущает сила и страстность народных движений, но, если бы человек мог изучить законы ветров, ему так же легко бы было обратить в свою пользу разнузданные силы бурь, как и управлять своей баркой в тихую погоду. Возмущившийся народ представляет собой совокупность сил, выражающихся в другом направлении, чем обыкновенно, но, в сущности, своей не изменённым. Помножив естественные стремления народа на увеличение силы, которую сообщает им революция, можно измерять энергию и вероятную продолжительность народного порыва, и сделать это с достаточной верностью, чтобы знать, когда вмешаться, остановить и указать цель. Это нисколько не уменьшает нравственного значения революции. Ближайшей причиной её всегда бывает внезапное пробуждение чувства справедливости, присущего человеческой природе. Но потому именно, что это пробуждение часто бывает бессознательным, оно следует роковым законам, которые могут быть честолюбцами обращены в свою пользу. Фат, держащий в своих объятиях влюблённую девушку, знает куда он может её привести; но ошибки бедного ребёнка не будут доказательством испорченности её сердца. Чем более взволнована её душа, тем легче злоупотреблять ей. Точно также восторженные революции представляют более слабых сторон, которыми могут воспользоваться интриганы.

Конечно, мало найдётся людей, которые умели бы в самые первые дни революции хладнокровно рассчитать шансы, открывающиеся их честолюбию. Мы не думаем даже, чтобы возможно было стоять настолько вне своей среды и совершенно избежать влияния, охватившего всех волнения. Но истинные политики имеют как бы чутьё, по которому узнают положение; что-то таинственно толкает их на тот путь, где их ожидает успех.

С помощью инстинкта они всегда находят настоящий тон, который может заставить народные массы идти за ними; в первое время после этого они предоставляют народу некоторую свободу, чтобы затем дать ему почувствовать свою власть; их отношение к нации, стремящейся по пути справедливости, чрезвычайно напоминает отношения укротителей к животному в периоде страсти; и тот сначала предоставляет животному некоторую свободу, чтобы затем тем вернее укротить его.

Обыкновенно не великие учёные и не глубокие философы делаются владыками народа. Натуры самые обыкновенные, преданные вполне одному инстинкту, идут прямо к цели и достигают её. Список узурпаторов представляет мало людей, замечательных в науках или искусствах, точно также как список Дон Жуанов насчитывает более таких людей, как Марфори[54], чем таких, как Абеляр[55].

Впрочем, по мере того как учащаются революции, инстинкт интриганов может замениться своего рода наукой, достаточной, чтобы уяснить им путь. Достаточно сравнить 20 или 30 революций нынешнего столетия, чтобы различить в них следующие фазы: первое, непреодолимое движение, тесно связанное с непосредственной причиной самого взрыва; затем, второе, движение более смешанное, более колеблющееся, когда партии, стоя друг против друга, измеряют свои силы; и, наконец, третье, движение чистой реакции, которое стремится вернуться к исходному пункту, только слегка видоизменённому. Дело честолубцев заключается, следовательно, в том, чтобы дать пройти первому взрыву, твёрдо укрепиться в то время, когда общественное мнение колеблется, и ждать в укрепленной позиции, пока реакция не бросит народ к их ногам.

Но если во время революции существует тактика честолубцев, то, с другой стороны, существует и революционный метод, который, впрочем, к несчастью, редко находит достойных исполнителей.

Этот метод должен был бы состоять в том, чтобы извлечь из первого порыва всё, что этот порыв может дать, и предоставить народу успокоиться только тогда, когда уже будет воздвигнута непреодолимая преграда между настоящим и прошлым. Если бы первый период и был чересчур короток, то, по крайней мере, можно бы было организовать партию революционного действия, достаточно сильную, чтобы уступки и отступления сделались почти невозможными. Первая французская революция остаётся примером. Голова короля, брошенная, как вызов реакционерам, отделила старый мир от нового. Вместе с возникновением якобинских, кордельерских[56] и других обществ возникли органы революционной жизни. Якобинцы сделались элементом реакции только тогда, когда захотели продолжать властвовать против желания нации, которая уже переросла их. Они были валом, защищавшим город от неприятеля и обратившимся в известную минуту против того самого города, которому служил защитой. Когда революция восторжествует, каждое отдельное общество должно суметь слиться с народом.

И как революционные общества делаются опасны только в том случае, если продолжают существовать дольше чем нужно, так и республиканские армии, которые спасли Францию, сделались её погибелью только тогда, когда опьянённые победами, они захотели поставить себя вместо народа. Вначале всякая организованная сила, подчиняющаяся революционной идее, может быть ей полезна. Всё заключается в том, чтобы извлечь из неё всё, что она может дать и затем вовремя разрушить. В настоящее время, когда ряд чисто политических революций для нас уже кончился и начинается ряд экономических, смерть короля или победа армии не может принести большой пользы; всегда надо будет принимать меры, которые бы с первых же дней давали революции её истинный характер и заставляли бы нацию идти по новому пути, делая путь отступления невозможным. Но будет ли революция политическая или экономическая, если первый народный порыв пройдёт, не сделав ничего

положительного, если ни одна радикальная партия не сумеет укрепиться достаточно сильно, чтобы противодействовать нерешительности масс и интригам честолюбцев, то можно быть уверенным, что революция не удастся и вернётся, под какой-нибудь новой формой, к точке своего отправления. Испанская революция вскоре докажет справедливость или ошибочность нашей теории. Вначале энтузиазм был удивителен, но он весь ушёл в песни, шум и крики. Ничто не было уничтожено в основах испанского государственного здания. Мы с удовольствием видели, как по всей Испании организовывались *хунты* ... теперь они расходятся ввиду временного правительства, не имеющего даже действительного полномочия, не дождавшись собрания кортесов и не укрепив за гражданами даже права свободного выбора. Республиканцы наперерыв заявляют симпатии конституционалистам. Партия радикалов находится, по-видимому, в состоянии полной анархии. А реакция, между тем, продолжается: вся армия усердно награждается, епископы благословляют революцию, капиталисты предлагают временному правительству займы; первый манифест правителей обращается к королям Европы. Кажется, к сожалению, время посева уже прошло. Уже Монпансье, один из Бурбонов подкарауливает революцию, чтобы задушить её. После законной монархии явится монархия незаконная. Народ не сумел вначале водрузить дерева социальной свободы, и Испания по-прежнему похожа на тощую почву, на которой растёт одна только пихта, дерево гробовых тронов. Нет, время быть может ещё не прошло, но пусть республиканцы торопятся! Пусть вырвутся они из объятий тех, кто ищет их гибели. Хунта в Барселоне отказалась разойтись, пусть они сделаются временным правительством республиканской федерации; пусть она поднимет знамя этой федерации и соберёт вокруг себя граждан! Лучше война, нежели обман народа.

XV. 1869.

(Liberté. 1869. № 81)

Наступление нового года встречается обыкновенно более с любопытством, чем со страстью. Невольно сомневаешься ещё в том, что увидишь что-нибудь особенное. Скептицизм есть преобладающая черта в характере нынешнего общества. Настоящий момент во многих отношениях благоприятен для революции; по всей вероятности, заблуждений было бы меньше, чем обыкновенно в таких случаях бывает. Было бы уничтожено множество явно отвратительных вещей, но перестройка общества шла бы медленно.

Было время, когда главный упрёк революционерам состоял в том, что у них не было наготове новой системы, взамен подлежащей немедленному разрушению. И вот, были изобретены широкие и прекрасные системы, в которых всему было отведено своё особенное место, и представлявшие в целом нечто вроде правильной геометрической фигуры, в которой все части были в такой строгой симметрии, что описание её можно было начать с какой угодно стороны. Оставалось только найти людей и правительство, которые, срывши до основания всё старое, взялись бы осуществить новый порядок. Нашлось и правительство, нашлись и люди с твёрдым намерением произвести опыт; но, в конце концов оказалось, что господа изобретатели, ставши лицом к лицу с действительностью, не смогли приложить на практике свои теории; и вот они ушли не только ничего не сделав, но и ничего не разрушив. Таков, по нашему мнению, смысл революции 1848 года. С тех пор умственные силы общества успели сосредоточиться и окрепнуть; хотя они теперь проявляются меньше, так что близорукие люди говорят даже, что они атрофировались. Но стоит им вдруг проявиться, и они, подобно пороху, взорвут всё.

Все уверены, что в один прекрасный день, множество вещей, уважаемых и издавна кажущихся непоколебимыми, рассыплется в прах и разлетится в громадном вихре революции. Все готовятся к этому зрелищу, которое, конечно, будет самым интересным эпизодом века.

Мы надеемся, что характер этого зрелища будет весёлый, а если уже нельзя обойтись без страшных сцен, то позаботимся, по крайней мере, чтобы не произошло несчастий. Род человеческий мог бы очиститься шутя; ведь вовсе не необходимо, чтобы и здесь за масленицей следовал великий пост. Но что же наступит после всего этого? Вот тут-то мнения расходятся; и по нашему мнению оно даже лучше, что мы не знаем, во что нам придётся одеться завтра, после старого маскарада.

Действительно, нужды известны, и их то и следует удовлетворить по мере возможности, не задаваясь надеждой спасти человечество раз и навсегда. Ещё много дел остаётся на будущее, будем же скромнее сейчас. Нужно сознаться, что успех тех опытов и улучшений,

которые необходимо попытаться произвести, вовсе не обеспечен.

Но это ничего не значит; это должно только увеличить нашу силу воли, наше внимание и осторожность.

Из обломков старой системы сохранилось несколько весьма простых истин, которые проникли в наши умы, может быть даже без нашего ведома. Пусть только падёт настоящая всемогущая организация, в которой так тяжело и душевно жить, и мы увидим, что у всех нас окажется несколько общих идей, весьма здравых и новых. Представьте движение, по силе только равное движению 1848 года; не только вся Франция, вся Европа будет потрясена. Оставлять ли тогда, где-нибудь самодержавную центральную власть? Нет. Заставят ли попов благословлять республику? Нет. Оставят ли под ружьём армию? Нет. Кто будет играть главную роль? Рабочие и крестьяне. Будут ли забавляться торжественными шествиями с заявлениями симпатии освобождению Польши и Крыма или просить работы у правителей? Нет, по всей вероятности на улицах даже никого не будет видно. Уличные собрания – первое начало смут. Вероятно все соберутся по роду занятий в естественные группы, и постараются обобщить свои интересы. Те, которые будут считать интересы рабочих, крестьян противными своим, якобы законным интересам, со своей стороны, также соберутся в группы; они, конечно, не уступят с первого раза, но, не имея в распоряжении орудий борьбы нынешних консерваторов, они должны вступить в переговоры с обществом на основании разума и справедливости, чтобы требования их действительно стали законными. В результате будет нечто вроде общественного равновесия, хотя и не полного, но довольно сносного, при котором самая большая часть выгод будет принадлежать труду, а тунеядство получит смертельный удар. Что в особенности будет существенно нового в обеих партиях, так это отсутствие желания удивить свет высокими чувствами: мученичество станет смешным, глупым фарсом; интересы установятся путём взаимного сопоставления и по возможности будут удовлетворены по справедливости.

Когда все будут заняты прочной установкой средств труда, устройством правильного сбыта продуктов производства, устройством правильной организации обмена и кредита, придётся иметь дело только с практической стороной человеческого разума и с его здравым смыслом; общественный порядок будет нарушаться только врагами труда и справедливости.

Каким было бы великим шагом вперёд и как бы всё упростилось, если бы можно было резко разграничить группы с различными интересами и выделить их из множества вещей, которые только усложняют отношения и, под предлогом порядка, только поддерживают невообразимую путаницу.

1869 год если и не разрешит ничего, то не поможет ли, по крайней мере, точнее поставить разделяющие нас вопросы. Если он даже не запутает их ещё более, так и то хорошо. К несчастью, мы не уверены даже и в этом.

Франция готовится ко всеобщим выборам. Если только её поставят на почву парламентской свободы – это будет шаг назад. Наполеон только и мечтает сделаться парламентаристом. Либеральная оппозиция только бы увенчала его дело. Во всяком случае, заводит представительство для дел, которые отлично можно делать самому – по меньшей мере

пустая трата времени.

Пруссия поддерживает в Германии идею единства. Если немцы примут её, они опустятся до одного уровня с Россией.

Англия будет забавляться действиями своей новой палаты. Мы очень удивимся, если из её прений выйдет что-нибудь путное.

Что-то скажет Испания? Если ей удастся основать республику, это будет яркий луч света, брошенный Европе. К народу, который четыре месяца назад ставили ниже всех, обращены теперь все надежды и желания света. Сумеет ли он избежать гражданской войны? Едва ли. Выйдет ли республика победительницей из вооружённой борьбы партий? Безумные реакционеры, вы не хотите признать республику, пока она не окрещена кровью, вы непременно хотите навлечь на свои головы месть, от которой она по своему великодушию хотела вас избавить!

Вообще, 1869 год показался бы нам мрачным, если бы во всей Европе и во всём свете не было великого рабочего движения, которое с каждым днём усиливается и распространяется и перед которым бледнеет всё остальное. Пусть оно только следует естественному закону прогресса и обстоятельства переменятся с быстротой, которая многих удивит. Оно заключает в себе будущее мира и новый порядок.

Итак, да будет оно желанным гостем в этом новом году и пусть расчищает путь будущего.

XII. Социализм в Париже.

(Liberté. 1869. № 86)

Вот уже двести лет, как Париж является местом разрушения положения Европы; там главным образом вырабатывается революционная мысль; но там же сосредоточивались все реакционные силы, и сильнейшая борьба принципов общества происходит там на иной почве, чем в других местах. События совершившиеся два года тому назад в Германии[57], заставляли некоторое время опасаться перемещение центра; но, чтобы изменить равновесие вещей недостаточно соединить под одной властью остальные массы людей. Заслуги народа измеряются только новыми идеями, вносимыми им в мире. В настоящее время Пруссия может выставить большое число батальонов, но это не более, как варварская власть; нравственное значение Германии от этого не усилилось.

Не будь их, политическое единство, подобно революционной централизации республики 1793 года, было бы только средством доставить перевес новой идее, пропало бы передовое значение Франции; но голова господина Бисмарка осталась по-прежнему пуста, и немецкий народ глупо покоится на своих воображаемых лаврах. Эта германская сумятица имела одно хорошее последствие. Франция встряхнулась от своей неподвижности, проснулась и принялась за своё дело, за перестройку человеческого общества.

Она вступила в фазу революции; это несомненно. Что за важность, что осталась империя или какое-нибудь другое правительство, стремящееся поддерживать материальный порядок; те пути и козни, которые оно расставляет всякой свободной мысли, имеют второстепенное значение. На что следует обратить внимание, это на близкий к взрыву дух, который охватывает всю Францию. Был ли этот дух когда-либо более самородно свободен? С какими предрассудками он ещё не покончил? Бесполезно давать льготы и вольности тому, кто ими не воспользуется; подобный человек уже сковал себе нравственные цепи, которые действительнее всяких законов. А свобода разума, перед которой ничтожна всякая другая сила, не в состоянии ли она поколебать все старые идеалы, возбудить самые живые вопросы и поставить лучший порядок вещей?

Многие ли из нас владеют могуществом, заключающимся в полном пользовании человеческим правом? Как много всевозможных правил, принятых без всякого контроля, различных догматов, странной робости, постоянно задерживает нас, убивая в зародыше всякую смелую и плодотворную попытку. Свободна только голова, всё переработавшая своими мозгами и готовая принять всякую новую идею; свободен только народ, порешивший со всеми предрассудками, и способный жертвовать всем ради истины.

На этой точке находится теперь парижский народ; я говорю – парижский, потому что до настоящего времени, Париж – это Франция, подобно тому, как Афины были Грецией, как Рим

был всем миром. Мы не обращаем внимания на красоту слога; литературное образование не составляет принадлежности людей, воспитанных большей частью на улицах и в мастерских. На общественных собраниях, где толкуют работники, никогда ещё не являлось великого оратора. Тут нет ни начальников, ни людей, увлекающих общество, но тут найдёте вы мужественный дух, вышедший из народа и стоящий на уровне народного понимания. Вспомните историю первой революции. Самые смелые воззрения, с блеском развиваемые великими ораторами перед Конвентом, обыкновенно выходили уже совершенно выработанными из секций. В этом-то отношении и нужно переделать историю французской революции. Большей частью, какой-нибудь проситель, допущенный за перила собрания, вызывает самые важные решения. Причиной мощного духа 1793 года было то, что все думали за всех и всякое проявление энергии прямо давило на власть. В настоящее время у парижского народа нет центра, где бы воля его могла высказываться в различных декретах; но прочтите отчёты общественных собраний, и вы удивитесь силе инициативы, проявляемой там различными незнакомцами, сотрудником которых является безымянная толпа.

Но в настоящее время обладание властью не составляет уже такой необходимости. Положение изменилось. В настоящее время экономическая идея двигает массой, и рабочие силы могут начать свою работу без прямого содействия какого бы то ни было правительства.

Сама по себе идея крайне проста: дело заключается в том, чтобы утвердить за трудом его законные гарантии и права. Победа будет верная: справедливость подобного предложения не может не быть признана. Особенно знаменательно то, что у всего населения первого города в свете нет другой заботы, как распространять эту простую идею и подготавливать для неё победу. В этом-то и заключается главная деятельность настоящего времени.

Это отлично знают все; от реакционеров и консерваторов всевозможных школ, империалистов и католиков до парламентаристов и демократов-прогрессистов. Эта абсолютная идея стесняет этих господ, и они нападают на общественные собрания и на социализм с такой энергией, какой за ними и не подозревали. Католики обвиняют их в безбожии, приверженцы правительства – в беспорядке, парламентаристы – в грубости, прогрессисты – в бессилии.

Но тем не менее и это составляет славу Парижа; все говорят, все спорят, стоя на социальной почве, никто не отрицает важность споров. Именно поэтому Париж ещё долго будет править миром. Только там существуют идеи, огромные массы людей, которые живут ими; только там бывают славные битвы, где люди дерутся, не боясь смерти. Всякая идея, боящаяся борьбы на жизнь и смерть, уже сама по себе мертва. Всякий знает, что победившая сторона уничтожит побеждённую; бой бывает смертный. Это и производит героев и закаляет писателей; только это делает людей смелыми и осторожными; тут полезны даже и реакции: побеждённые готовят себя к отмщению. Каждое новое поколение, являясь на свет, тратит все свои силы, и каждые двадцать лет Франция видит новых прогрессивных людей в войне с прошедшим.

Там нет этого подлого, добровольного молчания, оставляющего народ в прежнем невежестве и изнеживающего мыслителей, потому что там все прежде всего хотят славы и

величия своего отечества, тогда как тут только и мечтают сделать Бельгию, как можно тупее и ничтожнее, чтобы в последствии удобнее окончательно поработить её.

XIII. Положение пролетариата в Бельгии.

(Liberté. 1868. № 42)

Один из наших друзей, живущий в Боринаже, в среде углекопов, прислал нам ряд статей, касающихся положения пролетариата в Бельгии и, преимущественно, в местности каменноугольного производства.

Вот эти статьи:

I.

В чём состоят причины периодических стачек и возмущений в угольных копях Монса и Шарлеруа? Зависят ли они от причин временных и местных или причины эти постоянны и повсеместны? Возможна ли тут человеческая помощь или на эти причины следует смотреть, как на непоправимое зло, как на экономический факт, предопределённый провидением или происходящей по роковым законам человеческой природы? Вот вопросы, которыми мы намерены заняться.

События, только что совершившиеся в Шарлеруа, были предвидены и предсказаны за несколько месяцев. Чрезвычайная дороговизна припасов и недостаток произвели такую нищету, что рабочий, если только он не сделался таким же фаталистом, как какой-нибудь мусульманин, поневоле, следуя только инстинкту самосохранения, должен был прибегнуть к насильственным мерам, чтобы добыть себе тот кусок хлеба, который не мог быть добыт правильным трудом.

Итак, нищета была причиной возмущения в Шарлеруа; она же, несколько лет тому назад, произвела беспорядки в Марсинеле и Баринаже.

Вообще, можно сказать, что нищета в наш век просвещения и богатства производит и стачки, и беспорядки, и революции.

Мы не станем доказывать, что причина всех наших зол, всех преступлений есть нищета; это показалось бы слишком преувеличенным в глазах тех благодушных людей, которые утешаются мыслью, что всё на свете и в особенности в нашей счастливой Бельгии, идёт к лучшему; мы только ограничимся замечанием, что вот уже около 25 лет стачки и возмущения следовали друг за другом в весьма короткие промежутки времени и что всегда они происходили вследствие слишком низкой заработной платы или вследствие слишком продолжительной и тяжёлой работы.

Беспорядки в Шарлеруа *предвидели* многие; но надеясь на силу штыков и на пассивное послушание солдат, правительство ничего не сделало чтобы предотвратить возмущение. Его выжидательная политика оказывала ему до сих пор превосходные услуги; поздравляем его! Какой-нибудь дюжины пуль оказывалось всегда достаточно, чтобы рассеять бунтовщиков. Порядок торжествует! Да здравствует порядок!

Да, порядок торжествует, но надолго ли?

Если одинаковые причины всегда производят одинаковые последствия, то не нужно торопиться праздновать победу. Завтра же, быть может, движение начнётся снова, распространится, сделается всеобщим. Вместо местного возмущения будет уже революция. – Если до сих пор наши главные рабочие центры остаются в покое, то тем не менее, существует тот факт, что страшная нищета царствует в рабочем населении и губит его. Тот, кто только присмотрится в настоящее положение вещей в Боринаже, будет в состоянии сказать вам, каким бедствиям подвергаются углекопы. Недостаток работы всё ещё существует; заработная плата сделалась до того ничтожной, что рабочие принуждены прибегать к милостыне; так как в наших промышленных центрах кредит для рабочих вовсе не существует. В былое время рабочий, если у него не было работы, получал хлеб в долг и платил за него, когда снова находил работу; теперь же этого нет; рабочий разучился платить долги. Если его заработная плата высока, то он, забывая бывшую нужду и не думая о том, что его ожидают новые бедствия, растрчивает всё до копейки; он жадно пользуется минутой веселья и предаётся ему всей душой. Кутёж, расходы на туалет, на удовольствия, угощения, всё это делает невозможным сберечь что-нибудь на чёрный день.

Указывать на нравы и привычки рабочего-углекопа ещё не значит клеветать на него. Мы, конечно, не сделаем такой несправедливости, не обвиним его в его собственном несчастье; но мы не хотим также и отрицать существование слишком явных пороков, которыми запятнано его воспитание. Лучше признать зло и стараться разыскать причины его обуславливающие, чем систематически отрицать его из желания оправдать рабочего. Повторяем, углекоп живёт изо дня в день; нет никакой правильности в его существовании; заработная плата его весьма изменчива, потому что и самое производство идёт весьма неправильно, толчками. Если заработная плата высока, рабочий истрчивает всё, что получает; но спрос на уголь уменьшается, заработная плата понижается и доходит до чрезвычайно низкой цифры; и вот, рабочий, который в несколько месяцев сумел развить в себе широкие потребности доходит до того, что ему не на что даже купить хлеба; чтобы прокормить многочисленное семейство, ему приходится протягивать руку, что составляет для него не малое несчастье, так как рабочий вообще весьма самолюбив.

Я часто слышал, как добродетельные буржуа (конечно, такие эгоисты и скупцы, какие только могут народиться в наш суровый век) горько сетуют на пороки и дурные привычки рабочих; их нападки делаются особенно сильными, когда приходится давать милостыню; тогда они краснеют от негодования и с наслаждением мучат несчастного, который протягивает к ним руку.

И как будто бы от рабочего зависит внесение порядка в производство, по существу своему беспорядочное? Как будто бы от пролетария, лишённого всякого образования, зависит разрушить те роковые условия, которые из современного общества делают ад, проклятое место. Кто же во всём этом виноват? Он ли, у которого недостаток развития оставляет в полной силе животные инстинкты, или же вообще всё общество, в котором суётность, эгоизм и недостаток философского образования делают невозможной постановку новой системы воспитания, согласно с правом, справедливостью и разумом? Наконец, допустим даже, что и при настоящей экономической организации рабочий мог бы немного экономить и вносить сэкономленное в сберегательные кассы, но разве от этого он был бы счастливее?

Разве уменьшился бы пауперизм вследствие лучшего поведения пролетария? Вы без сомнения укажите мне на несколько примеров трудолюбивых рабочих, которые достигли возможности купить себе дом и создать спокойную жизнь. Но на каждого такого пролетария, который долгим путём лишений и страданий, сколотил себе кое-какой незначительный достаток, обеспечивающий его на старости лет от нищеты и богадельни, я приведу вам 10, 50 случаев, где рабочие, несмотря на своё хорошее поведение, никогда не сводят концов с концами; я вам покажу таких рабочих, которые приобрета, после многих лет труда, небольшие средства, вдруг вследствие травм, болезни, отказа в работе, должны проесть свои сбережения до последнего сантима.

Нужно быть справедливым; у рабочего есть пороки, но эти **пороки необходимо порождаются средой**, в которой он живёт, являются следствием его плохого воспитания и тех ловушек, которые расставлены для него со всех сторон. Если он много тратит, когда заработная плата его велика, так это потому, что он не может противостоять подстрекательствам, которые побуждают его к этому. В одном из будущих номеров я опишу средства, которые употребляют купцы и хозяева, чтобы вытянуть у углекопа последнюю копейку; когда вы увидите, действительно ли рабочий так виноват, как говорят; тогда вы увидите в интересах ли промышленности, торговли, финансистов и даже настоящего правительства, распространять в рабочих дух порядка и экономии и удерживать их от непроизводительных трат. Исследование положения многочисленного и беднейшего класса Бельгии и именно население каменноугольного бассейна Монса и Шарлеруа, без сомнения, покажет нам причины стачек, беспорядков и возмущений, которые слишком часто вызывает вмешательство вооружённой силы.

II.

Вот второе письмо, которое мы получили от нашего корреспондента из Боринажа.

В целом свете, быть может, нет положения хуже того, в которое поставлен рабочий-углекоп. Низведённый до состояния орудия производства он уже не человек, обладающий известными общественными правами, имеющий известные обязанности, он – вещь, внесённая эксплуататорами в книги наравне с лошадьми, ослами, инструментами и прочим материалом. И заметьте, что это сказано не для красоты слога; это действительный факт: каменноугольная компания считается тем богаче, чем большее количество рабочих она держит. Когда компания, под предлогом *человеколюбия*, выстраивает рабочее население, то прямой видимый доход с затраченного капитала, действительно не превышает 2-3 процентов; но, кроме этой видимой пользы, есть ещё косвенная, и, по правде сказать, гораздо более значительная выгода, которая состоит в *обладании* как можно большим количеством рабочих, сгруппированных вокруг копи, *прикреплённых* к эксплуатации, которые бы таким образом гарантировали правильность производства. Право, будет гораздо вернее сравнивать углекопа с крепостным, с рабом, чем давать ему имя *свободного человека*, которым его пожаловали современные экономисты.

Из всех рабочих класс углекопов, кажется, более всех носит на себе отпечаток рабства. Невежество, грубость нравов, нравственная и физическая порча – вот печальные последствия этого ненавистного производства. Часто говорят, что углекоп сам виноват в своей нищете, что она зависит от его, якобы *добровольного* дурного поведения, от его непредусмотрительности, от его личных пороков; но такие господа не хотят вникать в причины; не хотят исследовать обстоятельства, производящие настоящее положение вещей, которого не поправишь сожалением, но которое нужно стараться прекратить как можно скорее, в виду общей пользы.

В числе частных причин, делающих из углекопа живую машину, мы, во-первых, можем указать на сам характер и условия подземной работы, во-вторых, на чрезвычайную продолжительность рабочего дня, которая в силу экономических законов нынешней социальной организации, стремится сделаться ещё большей, вследствие чего увеличивается и трудность самой работы.

Труд углекопа чисто физический и не требует никакого усилия мысли. Мозг его почти не работает; он постоянно находится в отупении; мозговые отправления вследствие недостатка возбуждения находятся в рудиментарном состоянии; мысль бездеятельна и круг идей чрезвычайно узок. Работа углекопа чисто мышечная, потребности его исключительно физические, стремления почти исключительно животные. Такой умственный и нравственный упадок ничуть не удивителен: стоит только посмотреть на занятия углекопа, на род его работы; было бы даже невероятно, если бы занятия, вредно действующие на физическую сторону человека, не оказывали губительного влияния и на нравственную и умственную стороны. Как настоящий невольничий люд, углекопы обладают всеми недостатками, и всеми несчастьями рабов! Углекоп имеет цену лишь постольку, поскольку велика сила его мускулов; умственные способности тут не причём, они бесполезны. Чтобы работать в подземной галерее, не нужно ни ловкости, ни способностей, ни знаний – достаточно физической силы. Краткое описание различных работ, производящихся под

землѣй, покажет читателю насколько невозможно при настоящем социальном порядке умственное и нравственное развитие углекопа.

Одна группа рабочих исключительно занята добыванием угля; другая группа нагружает добытый материал на тачки и вывозят его; третья группа, наконец, занимается постройкой галерей и перевозкой земли и камней.

Все эти работы производятся при свете маленькой лампочки в нездоровой атмосфере, наполненной угольной пылью. Углекопу приходится принимать самые неестественные положения: он должен работать то лёжа на боку, то сидя на корточках, то согнувшись самым неудобным образом, или же стоя на коленях; часто случается, что подвигаться вперёд он может только ползком.

Несомненно, что положение каменноугольщика гораздо труднее положения землекопа или рабочего на ферме, потому что хотя их труд также исключительно мускульный, но, по крайней мере, он производится на открытом воздухе.

Не нужно, следовательно, удивляться, что в таких ужасных условиях развивается столь значительный упадок умственных и нравственных качеств. Как вы хотите, чтобы человек, работающий от 15 до 18 часов в сутки в яме, лишённый воздуха и света, сохранил следы человеческого достоинства. Существо наиболее хорошо организованное, самым богатым образом одарённое умственными способностями и то, в конце концов, превратится в животное, при таких подавляющих обстоятельствах. Уже прошло то время, когда можно было отрицать взаимную связь между состоянием тела и духа человека; обыкновенно уже по одному взгляду на наружность можно составить себе маленькое понятие о состоянии умственных способностей человека.

Каково же физическое состояние углекопа? Вот каким образом оно описано в одном официальном документе: «в молодости уже эти рабочие бледны, худощавы, вид у них усталый; в более старшем возрасте они сгорбливаются, ноги согнуты в коленях, походка медленна. Около сорока-пятидесяти лет они почти всегда уже представляют признаки ранней старости» (Доклад коммерческой палаты в Монсе. 1844.)

Вот каково печальное положение, до которого буржуазия довела большинство народонаселения. И вы смеете ещё после этого сваливать на недальновидность и пороки рабочего ту нищету, которая гнетёт его! Если тело искажено, то мозг, составляющий часть его, должен также измениться; орган мысли должен по необходимости потерпеть глубокие изменения под влиянием столь губительных внешних условий. Физическая работа имеет громадное влияние на чувства и образ мысли.

«Невозможно отрицать», писал в 1843 году Бидо, один из инженеров шахт, в своём официальном донесении, «что это занятие, лишаящее человека солнечного света, заставляющее его дышать вместо воздуха всякими вредными газами, заставляет его работать в самых неудобных положениях и подвергающее рабочего постоянной опасности, является одной из главных причин, отдаляющих человека от нормального образа жизни; поэтому оно должно обратить на себя особое внимание и вызвать ряд специальных мер. По

моему мнению, это не подлежит сомнению»

Что было верно в 1843, верно в 1868. Материальное положение и нравственное состояние углекопа не улучшились, если даже ещё не ухудшились. Рабочий день не уменьшен, если ещё и не увеличен. Если и сделаны были значительные улучшения в способах разработки полей, то не рабочие воспользовались ими; если им уже больше и не приходится подниматься и опускаться по лестницам, зато приходится гораздо больше работать. Каковы же следствия этого несчастного состояния? Следствия те, что углекоп утратил свои способности, что он слышать не хочет об образовании и смотрит на него, как на пустое времяпрепровождение лентяев; он не заботится о том, чтобы дети его ходили в школу; он предаётся самым грубым удовольствиям. Вот что сделал из рабочего наш промышленный строй!

Бидо, которого мы только что процитировали, говорит о каких-то специальных мерах, которые должны помочь этому несчастному положению

Специальные, частные меры! Всегда и везде частные меры! Везде паллиативы[58]! Вместо того, чтобы начать радикальное лечение, предпочитают поддерживать болезнь; не хотят признавать, что мнимые облегчения пауперизма только ухудшают нищету. И вот, будут ждать, пока необходимость, крайняя необходимость, не заставит человека искать, найти и, наконец, приложить к делу радикальное средство.

XIV. Парламентаризм и Социализм

(Liberté. 1869. № 82)

Чтение наших ежедневных газет, приносящих в своих корреспонденциях и депешах, разнообразные новости из заграницы, каждое утро приводит нас в новое недоумение. Невозможно нахальнее исказить истину, невозможно бессовестнее сводить все события к исключительному смыслу столкновения партий. Говорится ли о Германии или Франции, – кажется, как будто вся жизнь этих больших государств сосредоточивается в парламентской оппозиции; стоит ей поколебаться, – и всё погибло; стоит ей наоборот, получить перевес – мы в двух шагах от революции.

О действительной жизни народа – ни слова; волнующие его вопросы, движения общественной мысли, выработка новых идей и группировка новых лиц, всё это оставляется без внимания, если какой-нибудь парламентский оратор не возьмёт на себя труда сделать это предметом своей речи. Что касается Франции, то в продолжении двадцати лет нас заставляли читать сообщения о каждом движении, о каждом слове, вырвавшемся у одного из пяти или шести ораторов оппозиции, находившихся в палате; вся политическая агитация будущих выборов, по-видимому, будет посвящена единственно тому, чтобы увеличить число этих героев, которым ничего не стоит принести присягу; но стоит лишь спросить о том, что делают наши работники и крестьяне, какие мысли занимают нашу молодёжь, или о том подходит ли настоящее положение вещей к социальному идеалу, созданному французской наукой и философией, чтобы наши газеты отвечали глубоким молчанием.

Народ не только уступает этим мнимым своим представителям право законодательствовать; он сам совершенно отчуждается, благодаря этому, от этой деятельности и приходит с ней в соприкосновение разве только на официальной почве. Желая, чтобы парламентаризм продолжал процветать у нас, несмотря на его очевидную нелепость, несмотря на его с каждым днём всё более и более решительный разрыв между ним и истинной Бельгией, нам думают представить поучительный пример в якобы исключительно парламентской жизни других государств. Вся французская позитивная наука, все социальные вопросы бледнеют перед речью господина Жюля Фавра.

А между тем, для всякого, сколько-нибудь следящего за медленным, но глубоко сознательным ходом французской науки, становится ясным, что парламентаризм для наших соседей не более как устарелая и бесплодная форма, годная разве на то, чтобы красивыми фразами услаждать досуг серьёзного народа, но абсолютно неспособный что-либо создать. Работники и крестьяне, люди науки и труда нисколько не интересуются энергичными и

красивыми речами официальных говорунов. В продолжении двадцати лет, вся эта болтливая оппозиция ни на шаг не продвинулась вперёд, и последние выборы в генеральные советы доказывают, что общественное мнение скорее симпатизирует правительству, разделяя его ненависть к этим адвокатским спорам. Давно уже отыскивают и без сомнения найдут простую и справедливую форму организации производительных сил, которая бы обеспечивала стране равенство и благосостояние; почти все без исключения согласны, что, как политическая форма, необходима республика, дающая естественной энергии возможность правильного развития, но никто уже не рассчитывает, чтобы это превращение было достигнуто посредством так называемого национального представительства. Все понимают, что по самой своей природе, такое представительство, будучи результатом беспорядочных выборов, не руководствовавшихся истинными интересами, способно только истощаться в метафизических и бесплодных словопрениях, в слабой оппозиции против тщеславия и честолюбия ораторов, но совершенно не в состоянии служить представителем действительных интересов страны. Да и чего, в самом деле, можно ожидать от людей без определённых полномочий, служащих представителями двадцати противоположных интересов и в то же время обязанных создавать общие законы, которые наконец, желая сохранить своё положение, не имеют даже возможности выбора между этими категориями своих избирателей. В вопросах религиозных и философских они в одно и то же время служат представителями и верующих, и атеистов, в экономических вопросах – капиталистов и наёмных работников, в политических вопросах – децентралистов и централистов. Что же им остаётся делать, как не стараться о том, чтобы эти вопросы никогда не были разрешены, и поддерживать status quo, да и то, рискуя обмануть доверие половины своих избирателей.

Представительная система действительно имела смысл и удержалась в Англии, так как там общины представляли группу общих интересов противоположных интересам, отстаиваемым лендлордами; мы же заимствовали у англичан политическую форму, не поняв исторический смысл их учреждений, и вместо того, чтобы распределить классы соответственно действительному положению вещей, с тем чтобы интересы каждого класса имели своих действительных представителей, вместо того, чтобы этим путём сделать возможным социальный договор, мы только внесли в политическую жизнь континента страшную кутерьму.

Во Франции эта кутерьма, испытанная в продолжении сорока лет конституционной монархии, трёх лет парламентской республики и двадцати лет империи, разрушила все иллюзии. В настоящее время работники, по крайней мере, в сознании, резко разграничили свои интересы от интересов капиталистов; буржуа со своей стороны согласились на такое разграничение; результатом этого может быть гражданская война, которая кончится господством победившего класса над побеждённым или же равновесие, достигнутое путём свободного договора, смотря по тому изберут ли противники путь насилия или путь мирного соглашения; но во всяком случае никто уже не придаёт значения прениям и декретам общих собраний, которые, воображая себя представителями всех, в сущности не представляют никого.

Империя сделалась для всех чем-то вроде отдыха, или бивуака[59] перед битвой; при ней, разумеется, плохо живётся, но, подобно тому, как солдат готов спать на голой земле лишь

бы отдохнуть и восстановить свои силы, так отдыхают на мгновение во время империи, мечтая о близости лучшего будущего.

В начале буржуа надеялись, что империя упрочит их владычество; многие рабочие в свою очередь надеялись, что она возьмёт на себя защиту и завоевание их прав; это недоразумение в течении долгого времени благоприятствовало императорскому правлению; но в последствии как та, так и другая сторона убедились, что в таких вопросах каждый принужден сам заботиться о своих делах и что никакое правительство не может взять на себя подобной миссии. Результатом естественного ужаса, произведённого таким открытием, было то, что зло, укрепившееся, благодаря недоразумению, продолжалось и далее. Во всяком случае смешно было бы думать, чтобы какое бы то ни было расширение политической свободы или новое проявление парламентского нахальства способны были предохранить Францию от той великой социальной борьбы, которая с каждым днём всё более обнаруживается. Не только старые партии, но даже сам Наполеон был бы очень рад найти какой-нибудь благовидный выход из этого положения. Всё доказывается, что Наполеон, подобно либералам, вовсе не прочь поиграть в парламентаризм, и эти последние положительно ошибаются, считая его в этом отношении за своего врага, как они утверждают уже двадцать лет; напротив, в настоящее время они смело могут рассчитывать на его покровительство и помощь в деле осуществления такого поворота. Это так несомненно, что не пройдет и шести месяцев, как мы увидим господ представителей оппозиции, опирающихся на империю, чтобы вместе благополучно перебраться через пропасть. Но непрочный мост, который они постараются перекинуть через эту пропасть, подломится под их ногами и результатом будет то, что поле действия останется за социалистами. Ведь в настоящее время все французы – социалисты, как те, которые хотят преобразить общество, руководствуясь интересами капитала и авторитета, так и те, которые стремятся воссоздать его на началах свободы и труда.

Все сознают, что эта задача ждёт окончательного решения, и решение это тем или другим путём будет достигнуто.

Из всего этого ясно следует, что если Бельгия по-прежнему будет довольствоваться знакомством с Францией по её парламентской оппозиции и по бесплодным манёврам, изобретаемым нам по времени старыми партиями, пытающимся доказать этим своё существование, то она этим докажет, что довольствуется внешностью и будет чужда совершающимся действительным фактам. То же самое можно было бы сказать относительно Германии, если бы там положение не усложнялось ещё вопросом объединения; а разве эта пресловутая английская избирательная реформа, о которой столько кричали, не есть, в сущности, также чисто искусственное явление, изобретённое политическими деятелями с целью задушить социальный вопрос? Большая часть английского народа поддалась этому обману; но результат голосования должен был раскрыть им глаза, и в непродолжительном времени бесплодность этой реформы сделается для них настолько же ясной, насколько ясна бесплодность реформ, обещанных теперь Франции.

Если, следовательно, Бельгия будет судить о состоянии Европы по тем ложным и фантастическим картинам, которые рисуются нашими парламентскими журналистами, то в

конце концов окажется, что в тот день, когда падут последние завесы, мы очутимся перед новым, проснувшимся миром, не имея ни критерия, ни ясного понимания фактов; и наша страна, долгое время обманывавшаяся иллюзиями, внезапно очутится в последних рядах народов.

К счастью, молодая и жизненная сила нашего народа уже сама отыскивала истинный путь. Не обладая достаточными сведениями относительно того, что его окружает, несмотря на всеобщие старания обмануть его, наше рабочее население по собственной инициативе и собственными усилиями подняло тот камень, который старались взвалить ему на голову. Когда соседние нации будут решать вопрос века, они не только найдут Бельгию совершенно подготовленной к пониманию его, но обладающей целым рядом идей, ей собственно принадлежащих и носящих на себе характер страны. Всякий, кто возьмёт на себя труд, подобно нам, взглянуть на бассейн Шарлеруа, Боринажа, области Льеж, Вербье, Антверпен, Гент, убедится, что всюду, точно также как и в Брюсселе живо преследуется социальный вопрос, почти исключительно поглощающий все заботы работников. Не проходит почти ни одного воскресенья, чтобы в различных местах Бельгии не собиралось от восьми до десяти митингов, посвящённых рассуждениями об экономических вопросах.

Во Франции, где во всём обнаруживается дух централизации, что, разумеется, зависит от исторических условий, выработавших эту централизацию, один Париж мыслит за всю остальную часть нации. Здесь же, благодаря нашим федеральным традициям, все провинции, как мы видим, сообща стремятся к одной и той же цели. Тем хуже для капиталистической буржуазии и для её органов, если они по-прежнему систематически остаются чужды этому широкому движению. Настанет день, когда народ-работник первым порывом своим уничтожит их. В настоящее время мы можем объявить им только одно – что все их двадцатилетние старания скрыть от бельгийского народа действительное настроение умов в Европе оказались тщетными. Наши работники находятся на высоте социализма Франции, Англии и Германии.

Может быть молчание наших газет относительно этих важных задач даже послужило нам на пользу. Результатом этого было то, что во всей Европе одни бельгийские работники никогда не смешивали политического вопроса с вопросом социальным; что они, не полагаясь на господствующие классы и на расширение политических прав в деле осуществления своей идеи, и рассчитывая в своё время преобразовать по-своему политические учреждения, признают важное значение социальной экономии и смотря на неё, как на самостоятельный вопрос.

Когда им предложат всеобщую подачу голосов, которой они и не думают добиваться, – окажется ли она в их руках плодотворнее, чем обыкновенно? Что касается нас, то мы в настоящее время посоветовали бы им отвергнуть её. Прежде мы требовали права всеобщей подачи голосов, как средства для политического и социального воспитания работников; теперь же, когда они достигают его собственными силами, им нечего более ожидать от этого права. Какая бы польза была в том, что они заседали бы в парламенте попеременно с капиталистами. Пусть же они лучше группируются самостоятельно и создадут самостоятельную, исключительно рабочую палату, которая бы могла служить действительным противовесом буржуазной палаты, существующей у нас в настоящее

время.

Если бы наши работники и крестьяне осуществили эту мысль, наша страна опередила бы всю Европу. В силу самих учреждений различные интересы определялись бы ясно; два представительства, очутившись друг против друга, имели бы возможность измерять свои силы и выяснять свои права.

Генеральное собрание 1789 года происходило при очень благоприятных условиях благодаря тому, что представители были разделены по сословиям. Когда третье сословие очутилось лицом к лицу с духовенством и дворянством, оно поняло своё могущество, свою будущность и свою задачу.

Если все три сословия с первого же дня были бы собраны в одну общую палату, если бы они не были обособлены по сословиям, они быть может предались бы бесплодным прениям, и колеблющееся большинство создало бы те метафизические законы, на которые парламентаризм был всегда так щедр.

XV. Убийства в Сент-Этьене.

(Liberté. 1869. № 105)

Некоторые близорукие политики воображают, что они многое доказали, если, сравнивая действия одного правительства с действиями другого, им удалось указать, что первое лучше второго. Что же касается до нас, то, чем более мы изучаем современную историю, тем более проникаемся мыслью, что **все правительства стоят друг друга. У всех у них одни и те же приёмы:** и республиканская Швейцария, и монархическая Бельгия, и императорская Франция находят только один способ развязать гордиев узел социального вопроса, – **способом грубого насилия.**

Работникам, требующим прибавления заработной платы, Швейцария отвечает увеличением своей полиции, которую она приучает атаковать прохожих, в чём ей помогает молодая буржуазия, которая организуется в этой стране на манер золотой молодёжи Фрерона[60]. Бельгия разнообразит свои удовольствия; начинает кавалерийскими залпами в Арсимон, продолжает ударами штыков в Серене и кончает расстрелами в Эйпене и Фрамри.

В настоящем случае империя вздумала с ними посоперничать на этом поприще и сент-этьенские убийства обратили на французских министров всеобщее внимание и поставили их в один уровень с бельгийскими, которые до сих пор не имели соперников в подобных делах. Подобные действия этих несчастных правительств объясняются прежде всего тем, что они в своём наивном невежестве и не подозревают о существовании социального вопроса.

А поэтому они естественно видят во всяком произвольном движении народа только результат подстрекательства нескольких злонамеренных лиц и предполагают, что довольно оказаться энергичным в предпринимаемых мерах, чтобы всё пришло в порядок. И только горьким опытом они научаются, как бывает опасно призывать грубую силу против народа, который сам есть олицетворение силы.

4 июня 1869, рудокопы Сент-Этьена устроили стачку, по причинам, о которых столько печаталось почти во всех газетах. У рабочих были кассы взаимной помощи, под видом которых их кажется обворовывали также, как обворовывали бельгийских рабочих. Французское правительство, горя нетерпением изучить вопрос на месте, порешило послать туда 4-й линейный батальон; понятно и совершенно естественно, что, однажды находясь в присутствии работников, солдаты не могли устоять против искушения попробовать своё шасспо[61]; я говорю солдаты, но должен был бы вернее сказать офицеры. Начальник этого батальона капитан Генего – полезно запомнить имя этого героя. Вначале утверждали, что

солдаты начали стрельбу без приказа, находясь в положении законной самозащиты. Теперь же не подлежит сомнению, что избиение сент-этьенских рабочих было формально приказано им. Из множества, подтверждающих этот факт, доказательств приведём выписку из одной корреспонденции, адресованной в «L'Internationale» и присланной из Франции: «... На высотах Монселя появляется толпа и энергично требует возвращения арестованных; войско отказывает; до крайности раздражённые работники бросают камни; арестованные при этом естественно делают попытку бежать. Раздаётся залп, потом другой и третий».

«Число известных до сих пор жертв простирается до 13, из которых один грудной ребёнок, одна женщина, работавшая на соседнем поле, один работник, проходивший в 600 метрах отсюда; одна 12-летняя девочка страшно изранена, так что трудно её спасти».

До сих пор всё происходит, как в Бельгии; но нужно прибавить к чести французского народа, о котором не должно судить по его правительству, что журналы немедленно поторопились открыть подписку в пользу раненных и что большинство членов сент-этьенского общинного совета протестовало против этих убийств. Вот текст протеста:

«Господин Мер!

Мы нижеподписавшиеся, члены сент-этьенского городского совета, возмущены бесчеловечными действиями, которые позволил себе 4 линейный батальон сего 16 июня на месте называемом Пюи-Кентен, настоятельно просим вас обратиться к кому следует с просьбой о немедленном удалении названного 4 линейного батальона, находящегося в настоящее время здесь в Сент-Этьене, чтобы успокоить раздражение, которое овладело населением нашего города и окружающих местностей.

Примите, господин Мер, уверение в таком высоком уважении».

Следует 14 подписей.

Конечно, наши общинные советы, Серена и Фрамри не сделали бы ничего подобного.

Вместо того, чтобы требовать удаления войск, наши общинные чиновники находят, что им никогда не посылают достаточно солдат. Но, терпение!

XVI. Революция во Франции.

(Liberté. 1869. № 109)

Простодушные люди обыкновенно говорят: мы сделаем то-то и то-то, когда революция вспыхнет в Париже; до тех же пор нужно ждать, потому что Бельгия недостаточно сильна, чтобы начать что-нибудь собственными силами.

Поднимайтесь же господа, революция, которую вы ждали, наступила и как спокойная волна поднимается всё выше и выше; Париж, Франция уже сошли с того места, где вы их видели какой-нибудь месяц тому назад; уровень изменился; чтобы измерить перемену, нужно смотреть не вверх, не на ту идеальную точку, на которую вы помещаете будущий, новый мир; вспомните лучше, как казалось, прочное положение французского общества и государства до выборов, и сколько, потом, было употреблено усилий, чтобы не сорваться с якоря. Взгляните на пройденное пространство, на неуверенность в движении на горизонте, застилаемом тучами; посмотрите на возрастающую опасность, на распространяющийся ввиду её ужас, помрачающий умы, в то время как самое положение дел требует твёрдой решимости; взгляните на всё это, и вам вспомнится корабль, который отдал себя на произвол судьбы и которого невидимая сила влечёт к гибели.

Эта невидимая сила, которая уже господствует и даёт себя чувствовать, есть революция. Её присутствие узнаётся по несомненным признакам: органы политической и социальной жизни парализованы; события ускользают из под власти людей, обращаются против них же самих и следуют друг за другом в совершенно другом порядке, чем предполагали; общественное мнение, уже не следует указаниям и приказаниям тех, кому оно вручило власть; напротив, оно забирает власть в свои руки и прерывает всякое сношение с этими людьми; и что особенно знаменательно, эти последние, явившиеся на свете по его же вине уже потеряли всякую силу. В каких-нибудь три недели «непримиримые» оказались ненужными и отброшены в сторону, как паразитные растения. Когда народ ни в правительстве, ни в прессе, ни в прямых своих представителях не находит истинного выражения своих желаний, он, хотя и не говорит ничего, но настолько даёт понять себя, что всё, чтобы ни делалось во имя его и чем бы не думали его удовлетворить, теряет всякое значение; когда никто не осмеливается стать над ним, и никто не в состоянии попасть в его колею, тогда, и в этом нет никакого сомнения, он сам возьмётся за своё дело; необходимость и инстинкт принудят его и никакие человеческие расчеты не помешают исполниться его судьбе.

До выборов, император Наполеон, следуя коварной политике, позволил публичные сходки, чтобы вызвать наружу страсти, скрытые в «простом народе». Буржуа, думал он, в руках которых находятся журналы, испугаются и поднимут крик; необходимость могущественной власти будет таким образом доказана; пресса, которая произвела выборы 1863 года, теперь испугается социализма, откажется от парламентских кандидатов и таким образом империя восторжествует при помощи соединённых сил реакции.

Расчёт был настолько верен, что в обыкновенное время успех был бы несомненен; да и теперь до дня выборов всё, казалось, шло как следует. Журналы, правда, не отказались от своих кандидатов, но зато тревога против социализма была всеобщая. В результате должна была выйти палата, состоявшая из чистых империалистов и из умеренной оппозиции, соединённых любовью к общественному порядку.

Но события уничтожили все эти ожидания; не только империя, но и пресса, и старые умеренно-либеральные партии побиты. Сельское население верно католицизму; в городах сходки, которые должны были служить пугалом, торжествует. Чистейшая реакция или Социальная Революция, – вот какое значение получил этот день.

На следующий день император переменил тактику. До сих пор он думал, что война будет между империей и парламентаристами; против них и были выстроены батареи, теперь же он сам испугался этой социальной силы, им же самим вызванной, чтобы очистить место от старых врагов и вот он протягивает им руки и вступает с ними в заговор против неё. По его приказанию значительная часть его сторонников в новой палате, по-видимому, отделяется от него и требует конституционных реформ; расчёт опять сделан верно: левая, под предводительством Тьера и Фавра, должна будет оказать нравственную поддержку новым реформистам; она, без сомнения, отделится от радикалов и тем обессилит их, а там мир, заключённый между империей и парламентаристами, откроет новую и обширную политическую арену, в которой спокойные споры займут большинство народных представителей.

Третья партия не только будет делать своё дело не смущаемая ни право, ни левой, но даже непримиримые будут благосклонно относиться к этим эволюциям; не нужно будет никаких жертв; оппозиция исчезнет, как только заговорят о парламентских гарантиях, пресса будет аплодировать, не будет слышно ни одного протеста! ... Что же, согласна Франция, довольна она?

Но Франция молчит; такого молчания достаточно, чтобы столько ловко составленные планы рушились. Этот народ, восставший когда-то за парламентскую свободу, шумно собиравшийся, когда министерство существовало один лишний день, этот народ спокойно присутствует при возобновлении июльских порядков и даже с места не трогается при падении человека, олицетворяющего в себе, после императора, всю императорскую политику. Во всей Франции не собралось даже и двадцати человек, чтобы поаплодировать; народ видит радость своих представителей, ликование прессы и молчит! ...

Вскоре сцена снова меняется; прогнанный человек возвращается и делается президентом сената; палату, которой были так довольны, не говоря ни слова, грубо прогоняют в свою

очередь, без всяких объяснений; даже самые полномочия её не берут в расчёт!

И этот народ, который всего только месяц тому назад выбрал её, опять-таки не трогается с места; во Франции не собралось и пятидесяти человек, чтобы освистать новый порядок. Пресса гремит – её оставляют в покое; депутаты собрались для протеста – над ними смеются; смеются над непримиримыми, смеются над левой, над правой.

Между тем стачки делаются всё обширнее; но молчание делается всё глубже и глубже; народ, не желающий терять слова, стоит лицом к лицу с правительством, которое не знает что сказать. Вот она, революция! Везде слышится её рука, она повсюду окружает этих людей, которым кажется ещё, что они царствуют и в то же время уже чувствуют, что пришёл конец их царствованию. Это уже не политическая революция, которая делалась театрально с криком и громом оружия. Это революция социальная, невидимо разрушающая все связи, тесно связывавшие древнее общество; революция, которая не разрушает старину, но удаляется от неё. Что за беда, что император и его правительство присутствуют при этом громадном преобразовании, которое без устали идёт вокруг них, под ними, повсеместно?

Бельгийцы, друзья, вы, которые ждёте французской революции, чтобы начать действовать у себя, убедитесь, что революция эта в полном разгаре и подумайте о себе. Мы теперь увидим, как одна за другой, с глухим шумом, будут разрушаться все подпоры французского общественного строя; а между тем, ещё долго будут говорить: постройка ещё непрочна; но она уже подрыта, она разрушится сама собой, и вершина повалится в прах.

Вы поймёте тогда, куда шёл великий народ, когда выдумали, что он занят постройкой пустой говорильни, похожей на то, которой вы вот уже 10 лет гордитесь. Если бы вы, нерешительные онемечившиеся бельгийцы, могли не остолбенеть опять, как в 1848 году, когда Париж даст свету Социальную Революцию; если бы вы могли отбросить недоверие и немецкую щепетильность и не дать укрепиться реакции, уже не говоря о том, чтобы не осыпать Францию насмешками за то, что она пала жертвой интриг, в которых есть и ваша доля участия.

Время ли теперь, чтобы медлить, даже пробуждать старые антифранцузские страсти, как делает это наша пресса, за то, что из-под пера парижских публицистов вылетело несколько глупостей. Оставим в покое всю эту журналистику. Мы уже показали, что она ни причём в движении французского народа; но обратим внимание на народ, потому что он готовится великие события. Ещё раз Франция даст нам луч света; не будем же слепо отталкивать её, хотя она ещё и не дала его.

XVII. Республика.

(Liberté. 1869. № 110)

Афины были республикой; Рим в течении целых столетий был республикой; мы знаем также, что существовали итальянские республики; только два поколения отделяют нас от первой французской республики, а республика 1848 года ещё современное событие. Лишь начиная с 1789 года слову *республика* придаётся другое значение, чем то, которое с ним прежде связывалось. Идеал республиканский не включает в себе в настоящее время ни рабства, ни крепостничества, ни империи, ни папства; даже чисто гражданское равенство не удовлетворяет его; идеальная республика тождественна в глазах всех с абсолютной свободой.

Пока республика остаётся в области идеального, республиканская партия, несмотря на её прекрасные намерения, осуждена жить только идеалом; в тот день, когда в силу подвижности, присущей всем правительственным формам, она, вследствие благоприятных обстоятельств, сама сделается правительственной формой, ей роковым образом придётся приноравливаться к условиям данной социальной среды. **Если революция, давшая ей власть, не есть в то же время выражение преобразования старых условий общественной жизни, то не абсолютный идеал республиканской партии предпишет свои законы старому обществу, а наоборот, старое общество заставит новый идеал нести ярмо действительности; вот почему часто республика отличается от монархии лишь названием, и президента от монарха отделяет только одна перемена.** После нескольких подобных и одинаково бесплодных попыток, республика умерла бы вследствие общего недоверия, если бы, благодаря этим самым попыткам даже наиболее неподатливым умам не становилось очевидно, что для *осуществления* республики нужно заставить её сойти с опасных высот идеала, что, словом, для того чтобы она была от мира сего нужно сделать её возможной и создать ей среду, в которой она могла бы жить. Начиная с первой императорской реакции во Франции общественное мнение стало тщательно заниматься этим вопросом. Столько усилий было сделано, чтобы завоевать эту свободу, так скоро потерянную, столько крови было пролито в её защиту; и всё это для чего? Чтобы дойти до императорского абсолютизма. Бабёф был в эту эпоху одним из признаков народных стремлений и идей ещё не ясных; после него Сен-Симон, Фурье, Огюст Конт, Пьер Леру, Прудон всё более и более определяли общее направление умов и в наше время социализм всеми признан неперемненным условием республики. Это, другими словами, означает, что республика действительно осуществимая и прочная требует известной среды и, так сказать, благоприятного климата; что республика, окружённая монархическими учреждениями и конституциями, невозможна. Есть две республики: авторитарная и социальная[62]; первая неустойчивая, подобно всем правительствам; вторая окончательная и прочная, и вместе с тем прогрессивная. Первая – вне общества и над ним, и как таковая, дочь революций и мать реакций; вторая – всегда тождественна с самим обществом, со свободой и порядком; первая

основывает, подобно всем правительствам, свою власть на неравенстве; вторая устанавливает на взаимно обеспеченном равенстве царство науки.

Равенство не только гражданское и политическое, но экономическое, вот среда необходимая для социальной республики; без этого тройного равенства социальная республика невозможна, и народное движение при тех условиях, при которых оно произошло, например, во Франции, может привести только к республике июньских дней или к наполеоновскому цезаризму.

Для нас республика – это венец социального обновления, уничтожение неравенства, освобождённый труд, война, побеждённая промышленной федерацией, уничтожение правительств и порядок, т.е. равновесие и организация общественных сил; это постоянно возрастающая свобода, т.е. всё более и более совершенное приложение истинных законов коллективного организма. Объект республики не есть власть, но общество; цель её не захват и не переустройство власти, а обновление среды, в которой мы живём.

Труд сложный; преобразование в одно и то же время гражданское, умственное и экономическое, совершающееся постепенно, как и все великие предшествовавшие революции, как например, превращение языческого общества в общество христианское и позднее в общество свободномыслящее или философское, которое скоро должно превратиться в общество научное; как замена рабства крепостничеством, свободой труда, а в будущем, без сомнения, экономической справедливостью. Ни один быстрый переворот правительственный или народный не может осуществить эти великие революции, хотя иногда и сопровождает их. Человеческая воля вмешивается в них только с тем, чтобы подчиниться их непреодолимому влиянию и научиться, посредством внимательного наблюдения их стремлений, не мешать им.

Начиная с 1830 года во Франции и особенно с 1848 года не только во Франции, но в целой Европе новые стремления общества выразились с такой силой, которую самая ожесточённая реакция со стороны управляющих классов могла только укрепить. То, что называлось утопией лет двадцать тому назад и что с известной точки зрения действительно было утопией в эту эпоху, когда идея ещё не опиралась на факты, в настоящее время готово сделаться действительностью. Рабочие группируются и вступают друг с другом в союзы; новые законы скоро будут управлять производством, распределением и обменом продуктов человеческой деятельности, законы более истинные, более справедливые, не идеальные и метафизические, но практические, так как они ничто иное, как выражение их среды и тех изменений, которые произошли в общественной экономии. Совокупность этих изменений составляет то, что согласились называть социализмом. Отныне социализм не включает в себе ничего, что могло бы пугать, – он уже не утопия и не элемент беспорядка; он сам порядок; он есть истинный, современный и живой закон мира, та плодородная почва, в которой республика зародилась и отныне может свободно развиваться; он её неприступная ограда; благодаря ему естественные законы будут развиваться, не встречая противодействия и республика делается символом всё более и более совершенного достижения абсолютной свободы посредством науки.

Республика, в том смысле как мы её сейчас определили, сделалась или скоро делается прочной общественной формой, потому что социализм, т.е. совокупность условий, обеспечивающих его существование, сделался или готов сделаться фактом.

XVIII. Конституционная Империя.

(Liberté. 1869. № 111)

Бонапарт даёт Франции случай порадоваться. Результатом таинственных императорских дум является призрак 1830 года под видом *senatus consulta*[63]. Чёрт на старости лет делается парламентаристом. Грубый цинизм деспотизма переродился в конституционное лицемерие; здание завершено, и разве уже очень требовательный человек найдёт нужным что-нибудь прибавить к нему.

Искренне ли это обращение, происходит ли оно вследствие болезненного припадка либерализма или припадка колик, – нам до этого дела нет. Ведь известно, что от времён Якова II английского, до Людовика XVI, включая сюда и Людовика XVIII и первого Бонапарта, не было ещё ни одного государя, который решился бы ослабить несколько бразды правления, не имея наготове ножа.

Всё следует законам природы: змея ползает, лисица ворует, тигр терзает добычу, а король угнетает и развращает. Если бы он не развращал, не угнетал, какое было бы у него назначение? Вся польза королей заключается только в том, что они делают более привлекательной республику, и как справедливо говорит Беранже:

«Я полюбил республику с тех пор,

Как увидел столько королей»

Итак, вот французский корабль, как следует оснащённый, с балластом из нескольких непримиримых, пущен по волнам парламентаризма. Теперь, без сомнения, радость и веселье царствуют у лавочников и на бирже. Буржуа, которому возвратили дорогую его сердцу говорильню, вероятно тает от восторга и начинает задирать нос. Прюдомм вне себя от радости, бросается в объятия Меркадэ, а этот, пользуясь случаем, уворовывает у него часы. Кажется, настают прекрасные дни, предшествовавшие 1848 году, т.е. возвращается старый порядок вещей, возвращаются дни торжественного пустословия, весёлого переливания из пустого в порожнее. Вот увеличится то кредит и повысится рента под милый концерт capitoлийских гусей, кричащих хором, самым парламентским образом! Буржуазная Франция, убаюканная тщеславием, вкусит, наконец, покой, полный сновидениями о лёгких победах и банковских билетах; и только кошмар Социальной Революции изредка будет смущать её сон. Ну же парламентаристы, затягивайте скорее благодарственный молебен, признавайтесь, что день возникновения этого парламента –

лучший день вашей жизни, и пейте за либеральную империю, спасительницу семьи и собственности, за империю, которая сберегает вас от стоглавой анархической гидры.

Но кто поверит этому? – Франция недовольна, что народ презрительно проходит мимо вещей, которые его не касаются – это естественно; что непримиримые дуются, – также естественно, так как это входит в их роль; но даже сам буржуа, который 18 лет жалобно канючит у дверей Тюильри, чтобы всемилостивейший император подал ему Христа ради немножко свободы, и тот, в лице своих журналов и депутатов, хмурится и требует более свободы теперь, когда исполнились самые честолюбивые его замыслы; он, можно сказать, осыпан, завален свободой.

Господин Тьер дуется, Оливье[64] исподтишка интригует, господин Бансель[65] и ревёт, и мечет, и удивляет всех добрых людей, Гамбетта[66] бранится, Гарнье-Пажес ворчит. Только господин Руэ[67], кажется, ещё остаётся довольным. Ради бога! господа представители оппозиции, скажите, чего же вы просили и на что вы надеялись?

Итак, Франция отныне будет пользоваться благодетельной ответственностью министров, как и Бельгия, будет вкушать сладости парламентской инициативы, как Бельгия, наслаждаться прелестями права требовать отчётов, как Бельгия, пользоваться удовольствием вотировать государственный бюджет, главу за главой и параграф за параграфом, опять-таки, как и Бельгия же. Будем же чистосердечными и признаемся, хотя для этого и нужно откинуть нашу патриотическую гордость и тот жалостно презрительный тон, с которым мы так любим относиться к нашей транс-Киевской[68] соседке, что Франция снабжена теперь совершенно такой же конституцией, как наша, да ещё, кроме того, всеобщей подачей голосов.

Император показал себя ещё большим парламентаристом, чем все парламентаристы вместе взятые, более усердным католиком, чем папа; чувствуя, что поднимается оппозиционная волна и что бразды правления ослабевают в его уже старых руках он разом решил и, не колеблясь, проделал самый смелый фокус; променяв маленькую историческую шляпу и дядюшкину саблю на сюртук и дождевой зонтик Луи Филиппа, он вдруг явился императором лавочников.

Чем же объяснить после этого сердитый вид Тьера, недовольство левого центра, жалобы либеральной прессы и в особенности, недоверчивое и саркастическое настроение наших журналов, которые сделались у нас органами оппозиции империи во имя либеральных и умеренно демократических идей.

Пусть рабочее сословие замкнулось в суровом молчании, пусть те, которые, как и мы, видят спасение человечества только в социальной революции, продолжают оставаться непримиримыми, ничего не может быть естественнее этого.

Мы не хотим вести с империей войны из-за лавочных интересов, мы бьёмся с ней из-за принципов. В Бонапарте мы видим не узурпатора трона Луи Филиппа, не убийцу буржуазной республики, мы видим в нём врага социального прогресса, препятствие движению, преобразующему мир, вооружённого бойца старого общества, общества несправедливости,

неравенства и беспорядка; мы видим в нём представителя и воплощение реакции. Между ним и нами, кроме декабрьской крови, есть ещё июньская.

Мы равнодушны к развитию конституционной идеи, потому что эта идея развилась не на основании справедливости, мы равнодушны к ней, потому что для социального прогресса нет места в этой системе, так как чисто политическая конституция для нас только ложь и лицемерие, и так как мы горьким опытом убедились, что **либерализм относится к интересам народа ещё враждебнее, чем даже деспотизм.**

Увы, кто лучше нас знает все благодеяния парламентаризма? Разве не в этой вредной атмосфере развилась до самых пагубных размеров промышленная и денежная монополии; разве не в ней расцвели гнусные положения мальтузианства; разве не в этой атмосфере опять-таки, развился эгоизм и распространился разврат до такой степени, что едва ли этому можно и помочь; разве не памятливы нам, кровавые тени Монтиньи, Моршиенна, Фрамерье, Серена с их зияющими ранами; разве они не показывают нам прямо, каких благодеяний может ожидать рабочий от буржуазного либерализма? Итак, мы имеем полное право бороться со старым обществом, в какой бы оно форме не являлось и какую бы оно маску не надевало, повторять то, что мы уже сто раз говорили, – именно, что **на арене жизни, в сущности, только две партии: реакция и социализм.**

Но ты, ты левый центр и даже самая левая, вы либеральные газеты, вы, бельгийские журналы, вы, которые так упорно и систематически осуждаете империю, – чего же вам ещё хочется.

Ведь сенатус консулт – это ваш политический катехизис, это ваше либеральное «Верую», к которому приносится империя; нужно ли говорить вам, что империя, своим теперешним образом действия, подавляет вас своей демократичностью, потому что её законодательное собрание есть продукт всеобщих выборов, оно вытекает из всеобщей подачи голосов, тогда как ваше собрание (к сожалению и наше также) избирается какими-нибудь несколькими тысячами собственников и лавочников.

Что вы нам говорите о праве налагать вето, которое новая конституция оставила за французским сенатом; разве мы не видели вчера ещё, как наше правительство, несмотря на поддержку большинства парламента, прессы и на этот раз, даже общественного мнения, всё-таки должно было отступить перед упрямым эгоизмом нескольких дряхлых представителей банкократии; не видели ли мы, как жалкая личность какого-нибудь Барбансона парализовала лучших людей нашего министерства или как коллекция умственно убогих старцев уничтожила все действия либеральных развлечений нашего правительства.

Кричат после таких примеров о слишком широком распространении права французского сената – доказывать только невежество и недобросовестность.

Молчите же вы, крикуны, и либералы, и болтливые и вздорные газетки; вы так неловко стараетесь скрыть своё нерасположение под маской ложного скептицизма; посмотрите-ка лучше на свою совесть да пощупайте карманы, может быть в них откроете вы источник той

храбрости, с которой вы ратуете за орлеанизм.

Нас вы не проведёте своим демократическим донкихотством, когда вы только начинаете говорить о принципах и мы уже знаем, сколько вы за этого получаете. Настало время, когда все должны узнать, что если вы и боретесь с французской империей, то как с монархической лавочкой, с счастливой соперницей вашей собственной лавочки; с вашей точки зрения империя – торговый дом, успехи которого расстраивают вашу фирму.

Ну что же! защищайте свою вывеску, – это ваше право, делайте своё дело, зарабатывайте деньги; но что касается до нас, то *наша* обязанность, указать на все нити вашей бескорыстной политики и предостеречь зевак от иллюзий и прельщений вашего несуществующего либерализма.

XIX. Гражданская война в Испании. Теория силы.

(Liberté. 1869. № 111)

Так называемое абсолютное и божественное право заключается единственно в силе, а потому Дон Карлос поступает вполне логично и совершенно согласно со своей ролью законного принца, стараясь посредством гражданской войны возратить себе престол. Если ему удастся снова воцариться, точно также как ему удалось слишком на двадцать лет нарушить правильные доходы Испании, произвести застой в зарождающейся промышленности, поразить ужасом умы, которые только что начали пробуждаться для новых идей, то он будет царствовать в Испании спокойно до тех пор, пока она будет парализована. Чем страшнее будет борьба и чем кровавее победа, тем дольше он будет наслаждаться верховной властью. Монархическая власть следует весьма простой политике – у неё нет исключений и в случае малейшего уклонения от этой политики, она погибает; ей нужно держать страну в состоянии истощения, чтобы во всякое время иметь возможность подавлять посредством своей организованной власти всякое самостоятельное проявление энергии народа.

Для сохранения такой силы и для того, чтобы дать почувствовать народу, что она не ослабевает, лучше всего от времени до времени наносить стране один из тех сильных ударов, после которых спасительный ужас внушает снова уважение к правительству.

Макиавелли думал, что власть должна возрождаться каждые пять лет, чтобы таким образом каждый раз снова пользоваться всеми преимуществами, которые сопровождают воцарение. Вследствие несоблюдения этого принципа Изабелла лишилась своего трона. Вместо того, чтобы царствовать мирно и даже кротко в промежутках и только по временам давать блистательные доказательства своего могущества, она расточала свои строгости и возбуждая поминутно во всех местностях страны всё более и более возраставшие недовольства, наконец должна была убедиться, что власть её уже недостаточно сильна, чтобы удержаться. Наполеон III также погибнет вследствие того, что отступает от того же правила. Его правление, возникшее из насильственного переворота, должно бы было от времени до времени повторять подобные же перевороты, которые каждый раз обновляли бы власть. До тех пор, пока продолжался первый ужас, овладевший умами после 2 декабря, всё было подавлено во Франции. Но Наполеон III сам пришёл в ужас, оглянувшись назад. Вместо того, чтобы громко провозгласить свою власть, как родившуюся только вследствие необходимости, он захотел уклониться и из абсолютной монархии, прямо вытекшей из могучего переворота, вздумал сделать монархию примирительную. Всеобщая подача голосов, учреждённая 10 декабря, имела целью освятить переворот 2 декабря. В

действительности она его уничтожала, потому что давала власти новый принцип. Вследствие того же противоречие между 2 и 10 декабрям возрастало всё более и более и дошло до того, что в настоящее время всеобщее избирательное право стало единственной действительной основой верховной власти во Франции и что Наполеон III теперь принужден преклониться перед ним. Он сам изуродовал до того первоначальную власть, что теперь не осмеливается ей пользоваться. Он принужден бездейственно смотреть на возрождающийся во Франции социализм, видеть, что под влиянием реформаторов положение с возрастающей силой стремится принять тот характер, который оно имело в ту минуту, когда консерваторы побудили его к перевороту – видеть всё это и убеждаться благодаря тому, что сам поставил власть на ложную почву и не следовал принципу Макиавелли, что власть во Франции приближается к полному падению.

Нам кажется, что маленькая бельгийская монархия также не умеет строго следовать своей политике. Она часто повторяет свои злодеяния, но злодеяния эти недостаточно сильны.

Большое преимущество её положение состоит в том, что она опирается только на очень большую часть населения, вследствие чего ей удаётся сохранить характер владычества посредством силы. Она имела благоразумие поставить три четверти населения вне закона; деятельность её суживалась постоянно, соприкасаясь исключительно с дисциплинированными и ограниченными группами людей; буржуа были всегда на стороне власти; следствием всего этого было то, что сейчас всё исходящее из этой буржуазной среды, как например, обе палаты, совершенно мертво и на самом деле управляет только центральная власть. Но, повторяем мы, террор, который внушает бельгийская монархия недостаточно силён. При первой более распространённой стачке или при всяком другом случае центральной власти нужно будет уничтожить целое народонаселение, чтобы остаться верной своим принципам.

Дон Карлос, напротив, по нашему мнению, действует логично и сознательно; он прибегает только к чистой силе и уже, конечно, не обратится за помощью к всеобщему народному голосованию. До мнения народа ему нет никакого дела. Ему достаточно его покорности. Он в эту минуту спасёт честь монархии, и мы убеждены, что все короли ему симпатизируют.

Но, если дон Карлос поступает как следует, то генералы, ораторы и собственники, отдавшие революции, крайне бессмысленны. Вот уже год, как произошла материальная революция, а они всё думали сохранить центральную власть и наивно лавировали между всеми партиями и идеями, чтобы сохранить её целой и невредимой на пользу первого победившего претендента. Точно также, как во время революции 1848 года вместо того, чтобы организовать страну против власти и на первом же плане дезорганизовать власть, начали по-прежнему поддерживать старое правление, подавлявшее народ. При этом, разумеется, мнимые революционеры исключительно себе присвоили право держать в руках зажжённый фитиль. Но, что же за дело народу до того, кто будет держать фитиль, когда стоять под пулями приходится всегда ему? Для Испании целый год потерян. В Каталонии, в Андалусии к счастью, все работники сгруппировались, и если бы республиканская партия искренно пожелала бы ступить с ними в спор и захотела бы слить республиканскую идею с идеей социальной, сгруппировать производительные силы социализма, чтобы принудить правительственных революционеров или снять маску совсем, или же уничтожить

бесплодные и разорительные силы власти, тогда бы дон Карлос потерял всякую надежду на успех. В самом деле ведь не армию, не чиновников же противопоставить ему. Эти люди, привыкшие к повиновению, присоединятся со священниками к правительству более сильному. Дон Карлос падёт только в том случае, если главные центры народного населения останутся бесчувственными к его угрозам и обещаниям. И до сих пор, действительно, это было причиной его слабости. Он не нашёл ещё ни одного города, который согласился бы поднять знамя законности его притязаниям.

Если монархия, представляющая собой силу, имеет свою теорию, то революция, представляющая труд, равенство и гарантию, должна также иметь свою теорию. И если монархия погибнет, вследствие отступления от своего принципа, то и революция должна истощиться, реагируя против себя. **Недостаточно бороться с монархией, нужно сделать её невозможной.** Если бы испанцы год тому назад признали автономию провинций, если бы вместо того, чтобы созывать кортесы для организации центральной власти, они созвали депутатов рабочих, торговцев и земледельцев для того, чтобы поднять труд, усилить производительность и организовать кредит и обмен, если бы они не поручили эти новые и производительные силы бессмысленной опеке попов, солдат и бесчисленных прислужников, если бы вместо установления новых налогов для содержания администрации, они, учредив отдельную палату торговли, промышленности и земледелия, потребовали помощи для проведения каналов и дорог и для содержания всех общественных учреждений, если бы они всё это исполнили или, по крайней мере, следовали неуклонно этим принципам то, нет сомнения, что дон Карлос был бы встречен всеобщим свистом; а после него всякий другой претендент и всякое центральное правительство.

Но если испанские республиканцы думают ещё, что достаточно произносить прекрасные речи, задавать серенады и кричать: «да здравствует республика!» ничего не изменяя на деле и надеясь, что претенденты, поражённые таким прекрасным энтузиазмом, откажутся от своих планов, чтобы их не беспокоить. Если они думают, что достаточно им только выразить свои желания и пропеть свои надежды, чтобы действительность ответила на их требования, то они ошибаются. Дон Карлос может быть не будет иметь успеха; но, если не он, так другой; и в таком случае испанская революция будет одной из тех долгих передышек, после которой бываешь изломанным и деморализованным надолго.

XX. Женщины и Социализм.

(Liberté. 1869. № № 110, 111 и 114)

I

Эпоха, в которой мы живём, будет, если она не погибнет преждевременно, самой великой которую когда-либо знало человечество. Две другие эпохи могут быть с ней сравниваемы, но обе они уступают во влиянии и силе тому, что в праве ожидать от нас будущее. Христианство и французская революция, совершившие столь много преобразований, никогда не предвидели того радикального обновления, которое составляет задачу нашего века.

Христиане не коснулись в своей деятельности политики, общественной экономики, гражданских и уголовных законов. Среди окружавшего их леса устаревших порядков, они заставили течь новый источник живой воды; христианское чувство, чисто индивидуальное, проникло всюду, породило множество красот и целое поколение чудесных цветов, но деревья в лесу остались теми же, как и прежде. Древнее государство осталось неприкосновенным в своём абсолютном варварстве; живая вода христианства даже освежила его иссохшие корни. Милостыня и благотворительность, присоединённые к могущественной эксплуатации всех немногими, позволили господину улыбаться своим жертвам и вместе с тем сохранять над ними нужную власть; труженики стали с покорностью переносить свою тяжёлую долю. Что касается гражданских и уголовных законов, то христианство признало их, как и всё остальное, оно только украсило священными атрибутами железный закон о подчинении женщин и детей, о древнем праве собственности о наказаниях за проступки и преступления однообразно жестоких и нелепых.

Современная идея отделения церкви от государства без сомнения имеет целью освободить общество от церкви. Вот почему даже и для консерваторов было бы лучше просто сказать: уничтожение христианства и всякой другой религии. Церковь, это обширная организация, стоящая столько миллионов и поглощающая столько сил, совершенно бессильна даже поддержать то, что существует.

Столкновения людей между собой развили в течении двух тысяч лет известную степень общественности, которой могут быть объяснены все добродетели именуемые

христианскими; они уже не исчезнут. Остальное и до христиан держалось своей собственной тяжестью и падёт с разрушением условий, поддерживающих его существование. Религия пригодится разве только для того, чтобы бросать цветы на развалины.

Французская революция была ближе к действительности и вследствие этого оставит более глубокие следы. Но сила её была ослаблена национальной средой, в которой удержала её европейская реакция, недостатком энергии французского народа, который после немногих лет позволил себе охладеть и потом два или три раза снова принимался за дело с таким же малым успехом, и наконец слишком исключительно политическими соображениями, которые над ней господствовали.

Французская революция слишком рано была поставлена в необходимость защищаться и побеждать хитростью и оружием, она принуждена была всё свести к вопросу о силе. Между тем, великие исследования XVIII века приготавливали несравненно более колоссальное преобразование общественной жизни и её организации. Философы во всех вопросах открыли новые горизонты и Европе понадобилось бы пятьдесят лет свободы и революционного увлечения, чтобы положить основание новой цивилизации.

Задачи, поставленные революцией, расширенные исследованиями и наукой целого столетия, составляют ещё сущность нашей эпохи; однако, мы можем отделиться от французской инициативы, и считать себя принадлежащими к новой эпохе, потому что теперь во всех цивилизованных странах земного шара распространены одинаковые идеи, прилагаются одинаковые усилия, причём всякая отдельная среда придаёт им свою особенную форму и каждая страна из множества отраслей общественной жизни, подлежащих преобразованию, выбирает некоторые, к которым она относится с особенной любовью.

Никогда целое человечество не работало так всесторонне для создания нового общества, и не одного только, а нескольких. Все они будут соприкасаться при помощи великих принципов, общих им всем; человеческий тип в красивой простоте его очертаний будет распространён повсеместно и при этом различия характеров не только не уничтожатся, но ещё более резко выразятся, и никакое мнимое единство не будет более навязываться людям в качестве идеала.

Преобразование, предпринятое со столько точек за раз, не подвергнется более риску уклониться вследствие экзальтации[69] или отчаяния, которые принесли столько вреда христианству и революции.

Когда несколько личностей или один какой-нибудь народ воображают, что они носят в себе все судьбы мира, то рассудок их помрачён. В настоящее время самое полное спокойствие духа управляет разработкой общественных вопросов.

К числу задач, которые в силу присущей им простоты всюду поставлены, но решение которых, по-видимому, должно выразиться весьма разнообразно, принадлежит женский вопрос. Но что с первого взгляда не кажется проще, как рассуждать об отношениях,

которые должны существовать между мужчиной и женщиной; можно думать, что тут не существует предмета для спора вне простой альтернативы: будет ли женщина подчинена или равноправна; весь вопрос, по-видимому, заключается в этом.

Но когда вместо того, чтобы оставаться в области чистых абстракций, дело дойдёт до фактов, то оказывается, что женский вопрос есть вообще вопрос о нравах. Вследствие условий общественной жизни женщин возникает такое бесконечное множество сложных и неуловимых отношений, что нет никакой возможности покончить с ними, решив несколько принципиальных вопросов. Если далее принять во внимание, что общественный порядок, при котором мы живём, потрясен и что некоторые из его главных столпов падут, то ещё важнее становится узнать, какое место займёт женщина при новом порядке вещей.

Вопрос этот до такой степени труден и сложен, что наша гордая эпоха, которая ко всему подходит с такой большой смелостью, почти отступает перед ним. И это не потому, что, по её мнению, здесь не предстоит никакого преобразования, она напротив того чувствует, что с каждым днём всё более и более является потребность в радикальном преобразовании.

Она долго думала, что семья – учреждение священное и всё разрешающее; но семья сохраняет свою чистоту только ценой такого огромного распространения проституции, что, взвесив всё это, значение его окажется весьма ничтожным. Она в течении долгого времени отдавала женщину в полное распоряжение мужчины, но зло употребления власти сделались всеобщим преступлением и достигли самой крайней степени. Ни один деспот, даже сам сумасшедший Калигула, не унижал с таким наслаждением и, ради удовлетворения прихоти, не пролил такое количество неповинной крови и не был причиной стольких слёз. Мужчины перед своими слабыми подругами более подлы и преступны, чем Нерон. Мужчины, быть может, не осмеливаются возбуждать публично этот вопрос, потому что краска стыда на их лице обнаружила бы то, что скрыто в глубине их души. Нужно, однако, чтобы истина обнаруживалась; вслед за некоторыми смелыми умами, мы приподнимаем угол завесы, которую христианство и революция сами набросили на этот вопрос, вместо того чтобы заняться его разрешением.

II

Великая социальная цель для мужчин, равно как и для женщин заключается в приобретении гарантий, обеспечивающих им человеческое достоинство и материальное благосостояние.

Люди давно поняли, что коллективные организации, спасая каждую отдельную личность от её собственного бессилия, одни способны осуществить эту двойную цель; они дают возможность более слабому пользоваться совокупностью социальных сил для защиты своих интересов и прав. Сначала коллективность бывает сильно сконцентрирована и вооружена для войны; она парит над головами как молниеносная туча, всегда готовая поразить того, кто подвергнет опасности общественный договор; но по мере того, как люди учатся

больше уважать друг друга и как связующие их узы крепнут, высшее покровительство, к защите которого они прибегали (Бог, Государство, Капитал), утрачивает постепенно своё значение; но коллективность не теряет от этого ни одного из своих прав. Сознвая свою взаимную солидарность, составляя по добровольному согласию часть социальной машины, где все вместе содействуют благу каждого отдельного лица, люди все больше и больше приобретают значение и цену вследствие отношений, которые подчиняют их всему окружающему.

Человек делается постепенно существом более относительным, то есть социальным и чем многочисленнее, его отношения к жизни, тем он совершеннее. Он проявляет себя со всевозможных сторон, он везде принимает участие, сила его растёт вследствие сношений с подобными ему людьми и всеобщей солидарности. Он гражданин, он работник, он философ и всё это благодаря обществу, часть которого он составляет. Она изобрёл политическую систему, федеральную республику, существующую целое столетие в Соединённых Штатах, где всякий в равной степени пользуется правом на человеческое достоинство, которое признано неприкосновенным догматом. Группируя производительные силы, он стремится к достижению экономического равновесия, в котором каждый человек нашёл бы себе материальные гарантии, и уже огромные массы людей готовы скоро заставить коллективную силу вселенной служить этой идеи; наконец, он называет и чувствует себя господином природы, которую он преобразовывает согласно своим желаниям и потребностям. Тем, чем он есть, он обязан коллективной организации.

Женщина не принимает участия в этих коллективностях в качестве независимого и свободного члена, вот причина её подчинённого положения и обособления от нашего пола. Подобно тому, как в древности раб составлял собственность общества, которое кормил своим трудом, так в наше время женщина занимает подчинённое положение в нашем обществе, которое она зарождает и воспроизводит.

Только символически она допущена религией в человеческую общину. Вот почему она религиозна до фанатизма, но мистическое причастие, к которому открыт её доступ, только освящает все те общественные несправедливости, которые над ней тяготеют. Религия, обещая мнимое возмездие на небесах, ещё больше сковывает её на земле. Она содействует мужчине держать женщину в порабощении.

Женщину считают слабой, но если принять во внимание положение, в котором она живёт, то наоборот удивляешься её силе и влиянию. Политика, в которой мужчина в течении тысячелетий упражнял свою энергию и своё искусство, отвергает её; труд земледельческий, промышленный, торговый, в котором мужчина развивает свои силы, расширяет свои сношения, получает сознание своего достоинства, зарабатывая свой хлеб насущный, отстраняет женщину от более важных сфер деятельности, предоставляя ей самые низшие и мелочные отрасли, в которых даже инструменты работы не приноровлены к ней. Во всех сколько-нибудь важных отраслях промышленности мужчина сам по себе представляет инструменты работы; когда же женщина принимает участие в работе, ничего не бывает устроено по её организации и росту; она безразлично берётся за ту или другую отрасль промышленности, уверенная в том, что может выдержать конкуренцию только благодаря своей большей способности переносить лишения – печальное преимущество – наконец, ей

недоступно развитие высших способностей; она остаётся исключённой из области философии; этим именем мы называем изучение всех законов, управляющих людьми и вещами.

Но несмотря на порабощение, столько искусно придуманное, не имея в своём распоряжении ни одного из тех коллективных элементов, при помощи которых сложился мужчина, женщины, тем не менее поднялись до той степени, что они внушают не только любовь, но и уважение и что самые возвышенные добродетели доступны им одинаково с мужчинами.

Мужчина перед женщиной есть не более как социальное существо; неограниченный личный произвол почти исчез в наших отношениях и начинается царство справедливости. Но мужчина сохранил свой произвол относительно женщины. В этом случае он остался вполне несправедливым и тираничным. Как бы ни были различны условия жизни женщины, на самых верхних и низших ступенях общественной жизни все они одинаково имеют то общее, что находятся в зависимости от воли одного или нескольких мужчин. Женщины, не допущенные принять участие ни в одной из наших коллективностей, даже не пользуются их выгодами и косвенным образом. Следуя старому правилу политики, мы, столь сильно организованные, поселяем между ними самое крайнее разделение и сверх того не распространяем на них выгоду тех общих законов, которые даже для подданных определяют известные границы, в пределах которых свобода их неприкосновенна. Власть мужчины не пожаловала тут никакой хартии; **женщины только лично от каждого из нас получают гарантии, которыми всякое существо желает обеспечить своё существование и своё достоинство.**

Максимум этих гарантий заключается в легальном обещании мужчины обеспечить женщине своё покровительство на целую жизнь. **Она получает его только под обязательством повиновения.** Но как незначительно число её привилегий! Сколько браков составляет одну лишь формальность и не основывает настоящих семей! По крайней мере, для половины наших рабочих классов брак не существует. Земледелие занимает в Бельгии 353,000 женщин на 709,000 мужчин, промышленность – 339,000 женщин и девушек на 529,000 мужчин, что составляет в том и другом случае более половины. Что это значит, как не то, что для всего огромного количества этих женщин покровительство мужчины есть ложь. Получили они обещание со всеми его легальными и религиозными формальностями или нет, не всё ли это равно, если оно не исполняется? Что такое для них брак? Менее, чем конкубинат, простая ассоциация для складчины дневных заработков и для полового сожительства; для женщины не существует никакой гарантии, никакого покровительства, а мужчина пользуется властью, обеспеченной ему законом без всякого основания и права.

Но ни что не принуждает мужчину давать женщине даже и эту мнимую гарантию брака. Если в этом заключается максимум гарантий, приобретаемый ценой неограниченного никаким правом подчинения, от которого женщина освобождается только одним расторжением брака, то число женщин, не имеющих даже и минимума гарантий, огромно.

Брать их для удовлетворения прихоти и потом бросать, это нам позволительно; и с каждым днём тысячи несчастных увеличивают собой число проституток, для которых не существует другого средства зарабатывать себе существование, как только ценой унижительной ласки.

Между привилегированными, которым обеспечено действительное покровительство мужчины на целую жизнь и несчастными, которые попадают в бездонную пропасть проституции, образовалась третья категория женщин. К ней принадлежат те, которые личным трудом стремятся создать себе независимое положение. Цифры, нами приведённые показывают нам, как растёт этот класс. Тут находятся элементы, способные избавить её от произвола мужчин, но до сих пор ещё их не коснулась идея коллективности и не улучшила их бедственного положения. Вышедши замуж женщины эти подпадают опять под наше владычество, также как и их имущества; на свободе они лишены всех высших прав и не могут выйти из своего подчинённого положения, освящённого воспитанием и обычаями. Они остаются личностями слабыми и надломленными, которым приходится бороться против всех общественных сил, сосредоточенных в руках врагов.

Как же должен быть поставлен женский вопрос перед лицом социализма? Или каждый мужчина после осуществления политической и экономической реформы получит возможность обеспечить женщине действительное покровительство, – это будет царство семьи, упроченное и сделанное всеобщим. В этом случае окончательное решение участи женщин будет зависеть от нравственной реформы среди мужчин, которая совершится, как следствие экономической реформы. Так как возможно, что мужчины, окружённые гарантиями, стали бы продолжать делать из женщин орудия роскоши и удовольствия, то таким образом последние не были бы освобождены.

Если бы судьба женщин продолжала находиться в зависимости от нравственного и безнравственного господства мужчин, то было бы необходимо вмешательство законов, которые бы регулировали эти отношения и сделали бы из семьи действительность и всеобщую необходимость.

Или же женщины, приняв участие в социальных коллективностях, встанут с мужчинами на совершенно равных основаниях свободы и равенства и добудут себе таким образом гарантии. Тогда **они должны будут принять участие в социальной борьбе наравне с нами и их нравственное и физическое развитие должно будет удовлетворять такому положению.** В этом случае совокупность старых нравов и обычаев переменится.

В теперешнем положении женщин существуют элементы, способные осуществить ту или другую тенденцию. Позднее мы рассмотрим, которая из них была бы наилучшей с социалистической точки зрения.

III

Сделанная нами, классификация женщин не очень строго разграничивает их; но нам её вполне достаточно, чтобы избежать тех обычных разговоров о женщине, в которых её осыпают то восторженными похвалами, то порицаниями, смотря по темпераменту и склонностям самого оратора. Ни один вопрос не поставлен так мало на положительную

почву, как женский вопрос. После вспышки романтизма, следы которого ещё и теперь ощущаются, считалось почти непростительным хладнокровно говорить о женщине.

Все мы и притом по очень похвальным побуждениям, склонны преклоняться перед семьёй, с её полновластным господином в лице мужа. Она защищается столь сильными авторитетами, как церковь, право, философия, которые почти единодушно формулировали назначение женщин; и если теперь кто-нибудь только повторит выработанные ими положения, то уже думает, что всё дело улажено. Пусть не думают, однако, что совершенно естественно, если эти основания настоящего существующего порядка, будучи все три продуктом мужского ума, так единодушно решили подчинить существо, над которым тяготеет высокомерие всех нас. Сами женщины, взятые все вместе, держатся относительно своей собственной подчинённости того же мнения, как и мы сами; они непременно требуют себе руководителя, подобно тому, как народу требуют правительств.

Даже те из них, которые стараются показаться наиболее эмансипированными, чаще всего замечательны лишь числом покровителей, которых они то и дело меняют, постоянно попадая из огня да в полымя, точно также как народы, по большей части, во все революционные периоды меняют лишь своих правителей. В конце концов случается, что и те и другие, начинают сожалеть о прочной власти, против которой сначала возмутились. В таких случаях реакция уничтожает даже чувство собственного достоинства; потому то и случается, что народ после возмущения легко подпадает под ещё большее рабство и что нет более покорных жён, чем те, которые сначала отличались лёгкостью нравов.

Даже наиболее упорные противники семьи, противопоставляющие ей новые системы, и те в большинстве случаев защищают лишь изнанку старого порядка и проповедуя общность жён, не понимают, что это только самая первая наиболее ужасная форма мужского самовластия. Тоже самое случается и с противниками собственности, которые делают коммунистами и не замечают, что они возвращаются к первоначальной грубой форме той же собственности. Как ни драпируйся коммунисты и сторонники свободной любви, романтическим и рыцарским идеализмом, – женщины без личной гарантии, предоставленные ненасытным страстям мужчин, погибли бы в громадной и неисцелимой проституции, а проституция есть только антипод семьи, т.е. тот же принцип семьи только наизнанку; все нравственные силы человечества соединились бы, чтобы восстановить, по крайней мере, для немногих женщин древнюю и уважаемую власть с её преимуществами, но также и с прочной зависимостью.

Откуда происходит та близорукость, которая заставляет нас всех предоставить на выбор женщинам, составляющим половину рода человеческого, два положения: «быть или хозяйкой, или куртизанкой», тогда как деятельности мужчины открыты столь обширные и разнообразные пути; где причина той близорукости, которая мешает нам понять, что ограничиться только размножением породы – оскорбительно для нас самих.

Причина та, что мужчина вместо того, чтобы изучать женщину по её способностям, по её разнообразной деятельности, которая могла бы быть ещё шире, вместо того, чтобы проследить её историю; как он проследил свою, исследовать влияние различных причин и среды, в которую она поставлена, вместо того, чтобы посмотреть не изменится ли она под

влиянием другой среды и других импульсов, вместо всего этого, он всегда ставит себя со своим авторитетом впереди женщины. «Помни, говорит он, какая разница между мной и тобой!» Как поступают при сравнении мужчины с женщиной? Качества и тех и других наскоро обобщают и подводя и мужчину, и женщину под один тип, заключают сравнения либо восхищением, либо презрением; оба представления, если можно так выразиться, кладут на весы и чья перетянет тому и вручают власть.

Точно такие же отношения всегда проявлялись и между народами и их правительствами. Где ни взгляни на массу управляемого народа и на управляющие им классы, везде у господ куча высших качеств, качеств, развитых самим господством, но которое с первого взгляда могут дать повод сказать, что действительно господа должны управлять, а народ повиноваться. Если же поближе посмотреть на этот народ, если взглянуть в его деятельность, в разнообразное приложение его способностей, хорошенько распределить его по роду занятий, то в результате вместо беспорядочной и неподвижной толпы, окажется сложный мир, могущий отлично организоваться, приобрести все высшие качества своих господ и обойтись без настоящих правительств.

Пусть кто-нибудь перечтёт афоризмы права, поучения веры, формулы философии, пусть сравнит их со словами романистов, миннезингеров[70] и поэтов, и он увидит, что везде дело идёт о *женщине*. Понятие о *женщине*, как и понятие о народе, есть не более, как абстракт. Есть промышленники, земледельцы, купцы, учёные, военные, правоведы, духовные, и, всякий раз, когда дело будет идти о том, чтобы организовать их и установить их взаимные реальные отношения, будет обращено внимание на их нужды, интересы, желания, на их занятия и способности. Человек, как абстракт, имеет только отрицательные права, каковы свобода и равенство, которые означают: абстрактно мы все имеем одинаковую цену, и никто не должен, ради своей личной пользы, притеснять других. Но, как только мы пожелаем употребить в дело нашу свободу, гарантировать наше равенство или заключать союзы, мы будем действовать, сообразуясь с нашими способностями, занятиями, нуждами.

То же самое и относительно женщин. Чтобы осудить женщин на единственное занятие – быть матерями семейств, нужно сперва доказать, что у них одна только способность и есть, способность рождать людей. Но если бы они обладали только одной этой способностью, власть мужчин над ними была бы бесполезна, потому что они по необходимости справляли бы своё дело так же правильно, как Земля вращается вокруг Солнца. Они исполняли бы то, что им предназначено без всякого вмешательства внешней власти. Если же вмешивается власть мужчин, то это доказывает прямо, что и у женщин существуют самые разнообразные способности, что они также совершенны, как и мы, но что мужчины хотят только свести все их способности на единственное отправление, сообразно предвзятому типу. Отсюда вытекает устройство семьи, которое везде одинаково, где бы человек не завёл её[71]. Но сила обстоятельств изменилась. Стремления мужчины везде одинаковы; к сожалению его личные силы слишком слабы для дела, предпринятого его гордостью. Он осудил женщину на одни только половые отправления, идеализированные и утончённые, смотря по степени цивилизации; но экономическое и нравственное положение, созданное им для самого себя, было таково, что лишь необходимое число мужчин могло прочно прикрепить к себе одну или несколько жён и даровать им и их потомству сильное покровительство. Так как все женщины были приготовлены только к воспроизведению потомства, а мужчины только

немногим из них могли дать случая отправлять это дело с достоинством, то следствием этого было то, что остальные должны были прибегнуть к проституции, как к единственному средству совершать половые отправления вне всяких гарантий. Таким образом назначение женщины, по Прудону[72], действительно состояло в том, чтобы быть или хозяйкой, или куртизанкой; но этот великий писатель, защитник способности женщин исключительно к деторождению, делая этими словами уступку самовластию, этому врагу и вместе учителю своему, не знал, что в них самая резкая и сильная критика на пагубное господство мужчин. Сколько сил потеряно человечеством, потому что женщины только в отдельных случаях были товарищами в радостях и трудах мужа, вообще же могли только восхищаться своим повелителем, но не действовать. Однако женщины частью уже освободились. Они основали монастырь и мастерскую; монастырь, который мы порицаем, мастерскую, против которой следует бороться, пока она остаётся в настоящем виде; тем не менее это протесты против осуждения на единственное отправление и эти зачатки общины доказывают, что женщины могут принимать деятельное участие в высоко развитых обществах.

- XXXI. Интернациональный союз социальных революционеров[73].

В 1864 в бытность свою в Италии Бакунин с несколькими итальянскими друзьями своими образовали союз, главным образом для противовеса республиканскому союзу, основанному незадолго перед этим Мадзини и имевшему направление богословское и цели исключительно политические. Это первое социалистическое общество и Италии приняло название Союза Социальной Демократии, которое впоследствии, когда немецкие государственные коммунисты придали термину «Социальная Демократия» компрометирующее доктринёрно-государственное значение, было переименовано на «Союз Социальных Революционеров». Возникнув как утверждение социализма против религиозно-политического догматизма Мадзини, Союз поставил в своей программе атеизм, совершенное отрицание всякого авторитета и власти, уничтожение юридического права, отрицание гражданственности, заменяющей в государстве свободную человечность, коллективную собственность; он объявил труд основанием общественной организации, которая в этой его программе указывалась в виде вольной федерации снизу вверх.

В Союз, сначала чисто итальянский, вступили вскоре французы и поляки и гораздо позже люди других стран. Первые года развития и деятельности его не относятся к нашему предмету. Скажем только, что на первый Конгресс (Женева, 1867 г.) Лиги Мира и Свободы Бакунин явился в качестве его члена, чтобы попытаться дать ей его программу, ибо в это время Лига ещё только что организовалась и не имела никакого определённого характера, и первый Конгресс имел именно целью выработать программу.

Идеи Союза Бакунин выразил в речи своей на Конгрессе[74]:

«Вступая на эту трибуну, говорил он, я спрашиваю себя, граждане, каким образом я, русский, являюсь среди этого международного собрания, имеющего задачей заключить

союз между народами? Едва четыре года прошло с тех пор, как русская империя, который я, правда, всенепокорнейший подданный, возобновила свои преступления и убийства над геройской Польшей, которую она продолжает давить и терзать, но которую к счастью для всего человечества, для Европы, для всего славянского племени и для самих народов русских ей не удастся убить.

Вот почему, не заботясь о том, что подумают и скажут люди, судящие с точки зрения узкого и тщеславного патриотизма, я, русский, открыто и решительно протестовал и протестую против самого существования русской империи. Этой империи я желаю всех унижений, всех поражений в убеждении, что **её успехи, её слава были и всегда будут прямо противоположны счастью и свободе народов русских и нерусских, её нынешних жертв и рабов.** Муравьёв[75], вешатель и пытатель не только польских, но и демократов русских, был извергом человечества, но вместе с тем самым верным, самым цельным представителем морали, целей, интересов, векового принципа русской империи, самым истинным патриотом, Сен-Жюстом[76], Робеспьером императорского государства, основанного на систематическом отрицании всякого человеческого права и всякой свободы.

В положении, созданном для империи последним польским восстанием, **ей остаются только два выхода: или пойти по кровавому следу Муравьёва, или распасться. Средин нет, а желать цели и не желать средств значит только обнаруживать умственную и душевную трусость.** Поэтому мои соотечественники должны выбирать одно из двух: или идти путём и средствами Муравьёва к усилению могущества империи; или заодно с нами откровенно желать её разрушения. Кто желает её величия, должен поклоняться, подражать Муравьёву и подобно ему, отвергать, давить всякую свободу. **Кто, напротив, любит свободу и желает её, должен понять, что осуществить её может только свободная федерация провинций и народов, т.е. уничтожение империи. Иначе свобода народов, провинций и общин - пустые слова. Право федерации и отделения, т.е. отступления от союза, есть абсолютное отрицание исторического права, которое мы должны отвергать, если в самом деле желаем освобождения народов.**

Я довожу до конца логику поставленных мной принципов. Признавая русскую армию основанием императорской власти, я открыто выражаю желание, чтобы она во всякой войне, которую предпримет империя, терпела одни поражения. Это требует интерес самой России, и наше желание совершенно патриотично, в истинном смысле слова, потому что всегда только неудачи царя несколько облегчали бремя императорского самовластия. Между империей и нами, патриотами, революционерами, людьми свободомыслящими и жаждущими справедливости, нет никакой солидарности.

Но довольно о наших частных делах. Займёмся общими принципами, служащими предметом настоящих прений и долженствующими привести к соглашению два великие интереса: интерес отечества и интерес свободы.

То, что, по моему мнению, справедливо относительно России, должно быть также справедливо относительно Европы. Сущность религиозной бюрократической и военной централизации везде одинакова. Она цинично груба в России, прикрыта конституционной

более или менее лживой личиной в цивилизованных странах запада, но принцип её всё один и тот же – насилие. Насилие внутри под предлогом общественного порядка; насилие внешнее под предлогом равновесия или даже за неимением лучшего повода – под предлогом Иерусалимских ключей[77]. В нынешней Европе реакция почти всюду торжествует; всюду она грозит последним остаткам несчастной свободы, которая, по-видимому, разучилась защищаться. Чем теперь заняты правительства! Они вооружаются друг против друга. Всюду затеваются чудовищные вооружения. Неужели мы идём к ужасным временам Валленштейна[78] и Тилли[79]? Горе, горе нациям, вожди которых вернутся победоносными с полей сражений! Лавры и ореолы превратятся в цепи и оковы для народов, которые вообразят себя победителями.

Мы все здесь друзья мира, и Конгресс наш собрался для рассуждения о нём. Но много ли найдётся среди нас до того наивных, чтобы считать себя в силах не допустить человечество до готовящейся страшной всемирной войны? Нет, никто из нас не повинен в таком самообольщении. Мы собрались не для того, чтобы браться за дело очевидно непосильное, а для того, чтобы изыскивать сообща условия, при которых международный мир возможен. Какие же принципы должны лечь в основу нашего дела?

Эти принципы, истинные начала справедливости и свободы, должны быть непременно провозглашены именно теперь, когда недостаток принципов деморализует умы, расслабляет характер и служит опорой всем реакциям и всем деспотизмам. Если мы в самом деле желаем мира между нациями, мы должны желать международной справедливости. Стало быть, каждый из нас должен возвыситься над узким, мелким патриотизмом, для которого своя страна – центр мира, который своё величие полагает в том, чтобы быть страшным соседям. Мы должны поставить человеческую, всемирную справедливость выше всех национальных интересов. Мы должны раз и навсегда покинуть ложный принцип национальности, изобретённый в последнее время деспотами Франции, России и Пруссии для вернейшего подавления верховного принципа свободы. Национальность не принцип; это законный факт, как индивидуальность. Всякая национальность, большая или малая, имеет несомненное право быть сама собой, жить по своей особенной натуре. Это право есть лишь вывод из общего принципа свободы.

Всякий, искренно желающий мира и международной справедливости, должен раз и навсегда отказаться от всего, что называется славой, могуществом, величием отечества, от всех эгоистических и тщеславных интересов патриотизма. Пора желать абсолютного царства свободы внутренней и внешней. Программа наших комитетов приглашает нас обсудить основания организации Соединённых Штатов Европы. Но возможна ли эта организация с ныне существующими государствами? Вообразите себе федерацию, где Франция стоит на ряду с великим герцогством Баденским, Россия на ряду с Молдаво-Валахией[80]. Вообще, вообразима ли федерация централизованных, бюрократических и военных государств, какие покрывают всю Европу, кроме Швейцарии?

Всякое централизованное государство, каким бы либеральным оно не заявлялось, хотя бы даже носило республиканскую форму, по необходимости угнетатель, эксплуататор народных рабочих масс в пользу привилегированного класса. Ему необходима армия, чтобы сдерживать эти массы, а существование этой вооружённой силы

подталкивает его к войне. Отсюда я вывожу, что международный мир невозможен, пока не будет принят со всеми своими последствиями следующий принцип: всякая нация, слабая или сильная, малочисленная или многочисленная, всякая провинция, всякая община имеет абсолютное право быть свободной, автономной, жить и управляться согласно своим интересам, своим частным потребностям, и в этом праве все общины, все нации до того солидарны, что нельзя нарушить его относительно одной, не подвергая его этим самым опасности во всех остальных.

Всеобщий мир будет невозможен, пока существуют нынешние централизованные государства. Мы должны, стало быть, желать их разложения, чтобы на развалинах этих насильственных единств, организованных сверху вниз деспотизмом и завоеванием, могли развиваться единства свободные, организованные снизу вверх, свободной федерацией общин в провинцию, провинций в нацию, наций в Соединённые штаты Европы».

Исход Женевского Конгресса известен. Женевцы, предводимые старым Джеймсом Фази, личностью более чем тёмной, придрались к словам Гарибальди против папства, чтобы посредством скандала избавиться от неприятности слушать в своём «Кальвинистском Риме» законопротивные речи. Конгресс, не успев выработать программу поручил составление её комитету, который должен был представить её в следующий годичный Конгресс на утверждение общества. Весь этот год (с сентября 1867 по сентябрь 1868) в комитете шла борьба между буржуазным либерализмом и радикализмом большинства и социально-революционными идеями меньшинства, к которому принадлежал и Бакунин в числе других, выбранных в комитет.

Наконец, по прошествии года, на втором (Бернском) Конгрессе Лиги борьба этих двух партий разыгралась и решилась окончательно. Глубокое различие в коренных принципах двух фракций тогдашней Лиги нашло себе полное выражение в вопросе об отношении Лиги к социальному вопросу. В то время, как социально-революционное меньшинство требовало признания этого вопроса со всеми его последствиями главным и единственно существенным и на основании этого вменяло Лиге в обязанность признать полное равенство, не только политическое, но и экономическое всех людей, либеральное большинство не намеревалось идти дальше покровительственного и филантропического отношения к так называемым «справедливым притязаниям» рабочих масс. Это большинство состояло из нескольких французских адвокатов императорской оппозиции в гамбеттовском роде, как расстрелянный коммуной за версальские интриги адвокат Шодэ, из радикальных доктринёров, свободных мыслителей, эмансипированных женщин, либеральных пасторов и тому подобных буржуазных либералов разных сортов и наконец, из всех немцев всевозможных партий и цветов, которые все оказались одинаково враждебны антигосударственным идеям Бакунина.

Чтобы показать в каком духе действовало меньшинство на Бернском Конгрессе, мы приведём часть речи, произнесённой одним из членов его, известным французским учёным, Элизе Реклю. Комитетом, т.е. буржуазным большинством его, под заметным влиянием меньшинства было предложено следующее постановление:

«Принимая в соображение, что мир и свобода не совместны с системой монархических и централизованных государств, какие существуют теперь; что только республиканско-федеральная система, основанная снизу вверх на индивидуальной независимости и гарантирующая *автономию общин и провинций*, одна обеспечивает самоуправление и прочее и прочее – Конгресс выражает желание, чтобы народы, имеющие средства осуществить организацию, представляющую естественное условие свободы и мира, образовали бы между собой федерацию, как первое ядро, к которому потом могли бы постепенно примыкать другие народы, по мере своего освобождения от связывающего их ига. Что касается конституции, определяющей отношения федерированных народов, – *Конгресс не может предложить лучшего образца*, как федерация швейцарская и американская».

Элизе Реклю потребовал слова, чтобы предложить две поправки в этой резолюции. Первая состояла в замене слов «автономия общин и провинций» словами «автономия производственных ассоциаций и составляемых ими групп». Вторая требовала прибавления слова «пока» к словам «Конгресс не может предложить лучшего образца». ... Развивая свою мысль, Элизе Реклю говорил между прочим:

«Посмотрите на нынешнюю Францию – идеал сильно централизованного государства. Она разделяется, во-первых, на пять военных округов; в каждом командует маршал, которому подчинены префекты, префектам супрефекты; всё это с одной стороны повинуетя, с другой повелевает. Это ливень чиновников, раболепных пред высшими, надменных пред низшими. Затем следуют помощники, муниципальные советники, низшие агенты, наконец, народ, который только повинуетя и платит.

Таким образом Франция разделена на 40,000 общин, сборищ людей, повинующихся и платящих; дробление бесконечно, и в числе этих общин есть такие, где жителей всего 40 или даже 37 человек; но и те имеют мэра, муниципальных советников, священника, который тоже правительственный чиновник, дьячка и церковного старосту; – всё это чиновники, всё это представители деспотизма, до полевого сторожа, который старается отыскать кого-нибудь, кем бы управлять.

А под ногами всех этих микроскопических императоров что? Гражданин, нынче угнетённый, которому завтра суждено освободиться. К нему то и надобно обратиться, чтобы основать социальную республику на её настоящих началах. Его дело, а не какого-то властителя какой-нибудь отдалённой столицы, устраиваться со своими братьями в какие ему угодно группы, потому что он сам себе император и папа[81].

Какую же новую форму дать обществу? **Ассоциацию**. Совпадут ли её группы с пределами нынешних общин или охватят их несколько за раз, или раздробят, так что в одном городе возникнет большее или меньшее число ассоциаций – во всяком случае только от воли граждан зависит образование этих новых, постоянно изменяющихся общин. По воле членов ассоциаций они образуются и преобразовываются; они переменяют место жительства то для того, чтобы строить новый квартал в городе, то для проведения нового пути сообщения,

они даже эмигрируют, как некоторые русские общины; но все они основаны на труде.

В обществе организованном таким образом жизнь возможна будет только для работников, заметят мне. Да, лентяям, тунеядцам будет в нём не по себе. Но допуская, что они ещё будут существовать, их не будут убивать, как поступают пчёлы с трутнями; они будут существовать из милости, по терпимости, среди сострадания и презрения» ...

В тексте читатель найдёт речи, произнесённые Бакуниным на этом Конгрессе, из которых ещё лучше можно видеть идеи и направление социалистического меньшинства комитета.

Раз, что противоположные, буржуазно-сентиментальные идеи и направление, оказалось в Лиге в большинстве и раз, что вследствие этого Лига была обречена превратиться в то посмешище, которым она не замедлила сделаться, серьёзным и искренним революционерам в ней нечего было делать. Орудие было опробовано, оказалось негодным и должно было быть брошено, оставалось искать другое. Таковым само собой представлялось Международное Общество Рабочих, членом которого Бакунин состоял ещё с июня того же года. Он предложил социально-революционному меньшинству, вышедшему из Лиги, массой вступить в Интернационал, сохранив в то же время близкую связь и расширив свой Союз Социальных Революционеров в виде тайного общества. Предложение о вступлении в Интернационал было принято единодушно; но относительно Союза, французы и итальянцы желали, чтобы он, сохраняя свой внутренний дружеский характер тайного общества, явился бы в то же время гласно, как открытая организация, под названием Международного Союза Социальной Демократии. Они даже хотели, чтобы Союз организовался совершенно независимо от Международного Общества, довольствуясь тем, что члены его состояли бы отдельно членами этого Общества. Бакунин восстал против этого на том основании, что такая новая интернациональная организация явилась бы в некотором весьма нежелательном соперничестве с организацией рабочих. Эти прения кончились тем, что было решено учредить открытый Международный Союз Социальной Демократии и объявить его интегральным членом Интернационала, программа которого была признана обязательной для каждого члена Союза.

Кроме этой общей программы Союз выработал свою социальную, которую необходимо привести здесь. Вот она:

«1. Союз объявляет себя атеистическим; он хочет замены веры наукой и божеского правосудия человеческой справедливостью.

2. Он хочет прежде всего полного и окончательного уничтожения классов и уравниения политического, экономического и социального личностей обоего пола[82], и с этой целью требует прежде всего уничтожения права наследства, чтобы отныне каждый пользовался пропорционально своему производству и чтобы, согласно решениям последнего рабочего конгресса в Брюсселе, земля, орудия труда и всякий вообще капитал обратились в коллективную собственность всего общества и состояли бы в пользовании исключительно работников, т.е. промышленных и земледельческих

ассоциаций.

3. Он хочет равенства в условиях развития для всех детей обоего пола с первой минуты их рождения, т.е. равных условий их содержания, воспитания и образования на всех степенях науки, промышленности и искусства – в убеждении, что это равенство, сперва лишь экономическое и социальное, постепенно приведёт к наибольшему естественному уравниению личностей, устранив искусственные неравенства, исторически вызванные ложной и несправедливой организацией общества.
4. Враг всякого деспотизма, не признавая иной политической формы, кроме республиканской и отвергая всякие реакционные союзы, он отвергает также всякое политическое действие, не имеющее, непосредственной и прямой целью торжество рабочего дела против капитала.
5. Он признаёт, что все нынешние государства, политические и авторитарные, должны уничтожиться во всемирной федерации земледельческих и промышленных ассоциаций.
6. Союз отвергает всякую политику, основанную на так называемом патриотизме и соперничестве наций, так как социальный вопрос может быть окончательно и действительно решён только на основании международной солидарности работников всех стран.
7. Союз хочет свободной всемирной ассоциации всех местных ассоциаций».

Центром для сношения между будущими секциями Союза была назначена Женева, где был учреждён комитет Союза под названием Центральное Бюро и в члены которого были избраны женевцы Перрон, Броссе, Гета и Дюваль, Бакунин, Ф. Беккер и Загорский.

Союз с самого начала встретил врагов. С одной стороны, немецкие делегаты немецкой социально-демократической партии, посланные на Бернский Конгресс Эйзенахским Конгрессом этой партии, сходились с представителями европейской радикальной буржуазии, составлявшей большинство Лиги, на стремлении к политическим реформам и потому отнеслись враждебно к Союзу, высказывавшему в своей программе отвращение к чисто политическим затеям. Они предпочли остаться в Лиге и с этого времени затаили глубокую ненависть к Бакунину и ко всему Союзу, ненависть, которая не замедлила выразиться клеветами немецких органов социал-демократов. С другой стороны, в Женеве была партия между работниками фабрики, порицавшая выход из Лиги членов Интернационала и оскорблённая в своём мелком честолюбии и своих политиканских вкусах решительным приговором, который Союз в своей программе произносил над политической агитацией буржуазного радикализма.

Но всё это не помешало Союзу начать свою деятельность блестящими успехами в деле социально-революционной пропаганды. Стараниями его членов были основаны многочисленные секции во Франции и особенно в Италии, где до тех пор интернациональная пропаганда была уничтожена. Ещё плодотворнее была деятельность Союза в Испании, где ещё не существовало ни одной секции Интернационала и где один только член Союза, Фанелли, депутат итальянского парламента, в своё путешествие, нарочно предпринятое с этой целью, основал многочисленные и деятельные секции в

Мадриде, Барселоне и проч.

Союзу оставалось только соблюсти формальность своего зачисления в состав Международного Общества. По поручению своих сочленов, член Центрального Бюро, Иоганн Филипп Беккер, обратился с этой просьбой в Лондонский Генеральный Совет. На эту просьбу Совет отвечал неожиданным отказом на том основании, что Союз имеет организацию совершенно отличную и независимую от организации Интернационала, свои особые комитеты, своё главное бюро, и что поэтому присутствие в Интернационале такого независимого от него общества; действующего и в нём, и вне его, смотря по своей надобности, угрожало бы Интернационалу дезорганизацией.

Этот ответ произвёл различное впечатление на различных членов Союза. Большинство женевцев и Беккер были оскорблены им и заявляли своё желание прервать сношения с Генеральным Советом. Но Бакунин и Перрон признали возражения Совета основательными и настояли, чтобы организация Союза была применена в этом смысле, т.е. чтобы его центральное и местные бюро были закрыты, а секции его признали бы себя просто непосредственными секциями Интернационала, сохранив только свою программу, так как она нисколько не противоречит программе Интернационала, а только расширяет её.

Это решение было принято и сообщено Лондонскому Совету с требованием совершить формальность зачисление в Интернационал секции Союза, так как теперь препятствия этому устранены. Совет отвечал согласием и только потребовал изменения той фразы в программе, редакция которой по своей небрежности могла допустить недоразумение (хотя надо было иметь много доброй воли, чтобы перетолковывать её таким образом), будто Союз, желая уравнивания т.е. уничтожения классов, тем не менее допускает или предполагает их сохранение.

Комитет Союза поспешил последовать этому справедливому замечанию, и редакция спорного места получила тот вид, в каком мы привели его в тексте. Что же касается до принципов, выраженных в программе, Совет в своём ответе весьма резонно говорит:

«В наши обязанности не входило подвергать критическому разбору программу Союза. Мы не будем разбирать, верно ли она выражает настоящий дух движения пролетариата. Мы должны были только рассмотреть, не содержится ли в ней чего-нибудь противного общему направлению нашей Ассоциации, т.е. полному освобождению рабочего класса. За исключением всего, что могло бы противоречить этому, принципы нашей Ассоциации требуют предоставлять всякой секции свободно формулировать свою теоретическую программу».

Таким образом, просуществовав около полугода, Союз прекратил своё существование в качестве особой организации, и его секции обратились в простые секции Интернационала. Из них женевская секция, составлявшая прежде Центральное Бюро, сохранила название Союза «Alliance» Социальных Демократов, но была отныне простой секцией Международного Общества Рабочих и была признана таковой Лондонским Генеральным

Советом 18 июля 1868. Вместе с тем, как одна из 33 интернациональных секций, существовавших в Женеве, она должна была войти в состав Федерации романской Швейцарии. Но судьба Союза, как секции, начало существования которой почти совпадает с открытием Базельского Конгресса Интернационала принадлежит уже к следующей части истории Международного Общества. Факты же, которые мы здесь изложили, послужат читателю для оценки честности и правдолюбия тех интриг, которые избрали потом Союз предлогом для устранения из Интернационала революционного элемента.

ОТ РЕДАКЦИИ.

- XXXII. Речи Бакунина, на конгрессе Лиги мира и свободы в Берне.

Первая речь.

Милостивые государи!

Вы слышали проект редакции, принятой немецкой секцией, слышали также речь, произнесённую докладчиком этого проекта, г. Ладендорфом. Я со своей стороны, объявляю, что, если бы я мог надеяться, что все члены этого собрания одинаково воодушевлены теми чувствами, тем сильным и искренним желанием, которые были выражены г. Ладендорфом с таким красноречием, а главное, с такой искренностью, я бы не задумался принять предлагаемую им редакцию.

Но я не могу иметь этой уверенности; я знаю по опыту, что чаще всего те речи, мотивирующие или объясняющие известное предложение, забываются, между тем как редакция предложения остаётся, приобретает значение закона, в смысле совершенно противном смыслу речей, произнесённых в защиту его, и в конце концов отражается со всеми своими недостатками и двусмысленностями на тех, которые имели слабость принять его. Парламентская история Франции представляет на это немало примеров.

Итак, я буду возражать не на речь г. Ладендорфа относительно такого важного вопроса, но я взойшёл на эту трибуну для того, чтобы бороться против его редакции, только за то, что в ней пропущено *одно* слово, но слово драгоценное, милостивые государи; это слово – *равенство*.

На этом основании я и мои друзья, протестуя самым решительным образом против редакции, предложенной г. Шодэ, которую, мы уверены, не примет ни один искренний социалист, отвергаем также и редакцию немецкой секции, и имеем честь предложить третью, сформулированную следующим образом:

Считая вопрос о достижении экономического равенства классов и личностей самым насущным вопросом, Конгресс признаёт, что вне этого равенства, т.е. вне справедливости не осуществимы свобода и мир. Вследствие этого Конгресс решает заняться изучением практических средств, необходимых для разрешения этого вопроса.

Вы видите, милостивые государи, что мы не предлагаем вам постановить решение в пользу той или другой социалистической системы. Мы отлично знаем, что на этой трибуне не место рассуждать о преимуществах или недостатках различных теорий социальной организации. При той дурной подготовке и при том разъединении, которое в настоящее время существует между ними, мы бы не пришли ни к какому окончательному заключению и только потеряли бы время в бесплодных препирательствах, которые, без сомнения, не привели бы нас к единодушному заключению, а только содействовали бы нашему разъединению.

Поэтому мы теперь требуем только, чтобы вы признали торжественным решением, что преследуемая нами цель совершенно совпадает с той целью, которую ставят себе необходимым образом общества работников. Само собой разумеется, что в этом смысле мы все социалисты. Никто не согласился бы принять участие в этом Конгрессе, не будучи социалистом, потому что программа Конгресса, признающая необходимость радикального изменения настоящей экономической системы, несомненно социалистическая, и потому что каждый из нас, чтобы иметь право участвовать в Конгрессе, должен был подписать эту программу.

Теперь, когда констатировано наше общее социалистическое направление, так сказать обязательное, остаётся решить, что мы понимаем под словом социализм, какова та цель, тот конечный идеал, который ставят себе наши социалистические убеждения и идеи; одним словом, приходится решить, социалисты ли мы в смысле социализма работников или же в смысле буржуазного социализма.

Вот тот великий вопрос, который нам предстоит разрешить, милостивые государи, для того, чтобы выяснить своё положение и решить – кто мы: друзья ли и искренние союзники рабочих, или же их открытые или замаскированные враги.

Господин Шодэ, говоря с этой трибуны, употребил чрезвычайно странное выражение, сообщившее, по моему мнению, его социалистическому направлению крайне оригинальный оттенок. Говоря об учреждении мира, который он считает главной целью этого Конгресса, он задаёт себе вопрос – какими средствами наша *Лига Мира и Свободы* может осуществить свой принцип вопреки противодействию враждебных ему, ненавидящих и преследующих его элементов? и воскликнул: «нам нужна *армия мира*». Затем он признал, что эта армия, для того, чтобы быть могущественной, должна быть организована в среде работников. Вывод из этого ясен: итак, нужно сделать уступки работникам, купить их всемогущее содействие посредством этих уступок, которые, разумеется, будут определяться не справедливостью, а степенью опасности положения, в которую в настоящее время поставлена буржуазия, благодаря честолюбию цезарей.

Следовательно, социализм в глазах г. Шодэ есть не что иное, как выгодная спекуляция; очень естественно, что г. Шодэ, раз исходя из этой точки зрения, пожелает купить

содействие работников и организовать свою армию мира по возможно дешёвой цене и будет стараться по возможности ограничить те уступки, которые он принужден сделать работникам.

Милостивые государи, вы не должны смотреть на дело с этой точки зрения. Все мы, собравшись здесь, не изображаем из себя ни королей, ни правительства, ни даже представителей буржуазии. Для нас не существует и не должно существовать интересов, противоположных интересам работников. Мы собрались во имя справедливости и свободы, не для того, чтобы входить с работниками в сделку, обманывать и эксплуатировать их, а для того, чтобы провозгласить принципы единственно способные упрочить мир, свободу и благосостояние людей.

Работники в праве требовать от нас не уступок, а справедливости.

Работая для самих себя, мы хотим, мы обязаны работать для них и с ними.

Но для того, чтобы сделалось возможным такое единство в мыслях и действиях, необходимо, чтобы работники имели доверие к нашей работе, чтобы они не оттолкнули нас, как двуличных союзников, как лицемерных братьев; нам нужно доказать им, что мы хотим того, чего хотят они, и что между их целью и нашей не существует разницы.

Что же составляет их цель, милостивые государи, главную мысль, лежащую в основании всех их настоящих стремлений?

Равенство – и притом равенство не только политическое, но и *экономическое*, и *социальное*.

Позвольте мне объяснить эту мысль.

С тех пор как существует история, человеческий мир был разделён на два класса: с одной стороны большинство, обречённое на труд более или менее механический, тяжёлый, вынужденный, миллионы работников, вечно эксплуатируемых, проводящих свою жалкую жизнь в нужде, граничащей с голодом, в невежестве и рабстве и тем самым обречённых на вечное порабощение; с другой стороны меньшинство более или менее счастливое, образованное, утончённое, эксплуатирующее, властвующее, управляющее, поглощающее большую часть коллективного труда народных масс и представляющее собой всю цивилизацию.

Да, милостивые государи, эта цивилизация, которой вы так гордитесь, которой вы, люди запада, так любите хвастаться перед нами, варварами востока, – ваша пресловутая цивилизация, милостивые государи, всегда была основана и основана в настоящее время на исключительно мышечном и вынужденном труде огромного большинства, которое несмотря на всю вашу свободу, остаётся по-прежнему порабощённым, большинство обречённого на животное существование, в пользу исключительной и узкой человечности меньшинства.

И это чудовищное неравенство жизненных условий, при вашей системе вовсе не принадлежит к числу вещей, которые должны и могут изгладиться со временем; нет, вследствие самого духа этой цивилизации он становится роковым и вечным; а знаете ли вы

почему? Ваша цивилизация главным образом основывается на абсолютном отделении умственного труда от физического. Уже Аристотель сказал: чтобы иметь возможность свободно предаваться первому, нужно быть освобождённым от последнего; а отсюда вытекает необходимость существования рабов или, что приблизительно означает то же самое, наёмных пролетариев. При вашей системе необходим мышечный труд нескольких тысяч людей, низведённых до вьючного скота, для того, чтобы можно было доставить досуг нескольким свободным мыслителям.

Но это ещё не всё: ваша экономическая система упрочивает, делает неизбежным и стремится увековечить то же самое неравенство, так как считая человеческий труд за товар она основывается исключительно на дешевизне этого товара. При этой бесчеловечной, необузданной конкуренции, разумеется, тот, кто, по милости государства, владеет собственностью, неизбежно должен угнетать того, кто, не имеет ничего, принужден по возможно низкой цене продавать всю свою производительную способность, продавать также и самого себя со всеми детьми, чтобы иметь возможность существовать. Отсюда вытекает узкая, исключительная цивилизация, основанная на несправедливости и на владычестве меньшинства с одной стороны и на неизбежном варварстве и рабстве огромного большинства людей с другой.

Итак, весь вопрос состоит в том, чтобы решить, может ли продолжаться такое положение вещей, основанное на несправедливости и насилии, на угнетении и лжи. Ясно, что нет. Было время, когда рабочие массы, обманутые и усыпанные религиозными обещаниями, безропотно покорялись; или когда они, полные доверия и суеверного уважения к мудрости и добродетели привилегированных классов, служили могучим, но слепым орудием политики сначала аристократии, а впоследствии – буржуазии. Но суровый опыт показал им, что **политика всех этих классов привилегированных, в высшей степени выгодна для интересов этих классов, и именно потому, что она выгодна для них, всегда и неизбежно приносила огромный вред народным классам.** Результатом этого было то, что те миллионы работников, которые, соединяясь повсюду, составляют в настоящее время очевидно самую значительную силу Европы, сначала потеряла всякую веру в политику монархическую и церковную, а теперь точно также и в политику буржуазии.

Милостивые государи, для всякого, следящего за современными событиями, ясно, что в настоящее время работники Европы, соединяясь всё более и более, не обращая внимания на искусственные границы государства, в великую Международную Ассоциацию Рабочих, которая, едва успев возникнуть, уже представляет собой действительную силу, – ясно, говорю я, что работники Европы решились взять политику в свои руки, создать свою собственную политику, т.е. политику освобождённого труда от тяжкого и ненавистного ига капитала. Всякая иная политика отныне для них чужда, и, что ещё важнее, они считают с полным правом, враждебной и противоположной их интересам всякую политику, которая поставила бы себе другую цель, помимо радикального и полного экономического освобождения работников.

Как они понимают это освобождение?

Милостивые государи, они хотят равенства, ничего кроме равенства, но равенства не только политического, но и экономического и социального. Они устали служить, **они также желают пользоваться**, пользоваться не плодами чужого труда, как делали это всегда и делают и в настоящее время привилегированные классы, а **всеми продуктами своего собственного труда, не будучи вынужденным жертвовать лучшей частью этих продуктов привилегии и государству**. Они устали служить пищей для государства, служить политической организации, приносящей им прямой вред составлять огромные пьедестал высокомерной и угнетающей цивилизации меньшинства. Они также хотят быть людьми – людьми по интеллигенции, по благосостоянию и по свободе.

Одним словом, они не хотят, чтобы мир по-прежнему был разделён на два класса, из которых один эксплуатирует и властвует, а другой всегда эксплуатируется и всегда поработён. Они не хотят той автономии классов, о которой рассуждает социализм господина Шодэ, автономии, которая необходимо предполагает постоянное существование экономического и социального неравенства между классами, постоянное существование системы эксплуатации. **Они хотят, чтобы отныне существовало одно только общество, основанное на справедливости и труде, доставляющее всем полное равенство при рождении, равенство содержания, воспитания и научного образования, одинаковые средства для труда, и налагающаяся не посредством законов, а по самой природе своей организации, обязанность, на каждого безразлично, работать, как головой, так и руками.**

Вот к чему стремятся, милостивые государи, в настоящее время европейские работники. В виду этого могучего и явного стремления, мы, Конгресс Лиги Мира и Свободы должны спросить себя – стремимся ли мы к тому же?

Хотим ли мы искренне, как они и вместе с ними *экономического и социального равенства*, или же того, что на языке буржуазного социализма называется улучшением участи столь интересного рабочего класса. И нет никакого сомнения, милостивые государи, что, если мы, к несчастью, ни что иное, как буржуазные социалисты, если мы неспособны в силу ли наших интересов, или в силу предубеждений, понять широко и чистосердечно принципа справедливости, выражающегося в настоящее время в этой борьбе труда против капитала, со всеми неизбежными его следствиями, теоретическими и практическими применениями; если мы, как недобросовестные торговцы, будем продавать работникам частицы этой справедливости, – они не захотят знать ни нашего товара, ни нас самих; они тысячу раз будут в праве оттолкнуть нас; мы не найдём солдат для нашей *армии мира*, и вся предпринятая нами работа погибнет по недостатку силы и поддержки.

Может быть нам скажут то, что уже говорили нам в частных разговорах: «вы коммунисты». Против этого обвинения я возражу за себя лично. Нет, милостивые государи, я не коммунист, я коллективист. Я убеждён, что для того, чтобы осуществилась справедливость и сделалось возможным социальное равенство при самом рождении всякого человека, необходимо уничтожение права наследства. Таково, милостивые государи, моё личное убеждение. Но теперь дело идёт не о нём. Теперь мы должны определить и констатировать одинаковость наших целей. Хотите вы или нет, вместе с работниками, вместе с нами действительного равенства, т.е. политического равенства, основанного на равенстве

экономическом и социальном.

Может быть, вы считаете возможным достигнуть осуществления этой цели при помощи средств, различных с теми, которые мы намерены предложить вам; если это так, то формулируйте вашу мысль, но признайте в то же время цель, для того чтобы работники могли иметь к вам доверие. Если же вы, напротив, не признаёте этой цели, то признайте за нами право объявить работникам, что вы, Конгресс Мира и Свободы, не хотите удовлетворить их нуждам и их законным требованиям.

Вторая речь

Милостивые государи!

Я не буду отвечать на все любезности, которыми я был осыпан с высоты этой трибуны; мне пришлось бы потратить слишком много времени, если бы я захотел отыскивать истину в этом хаосе беспорядочных идей и противоречивых мнений, которые мне были противопоставлены. Некоторые ораторы пользовались для опровержения моих мнений, аргументами, столь мало серьёзными, что я имел бы право усомниться в их искренности. – Я не сделаю этого, милостивые государи. Я во второй раз требовал слова только для того, чтобы восстановить смысл одного вопроса, который очевидно угодно было исказить.

Нам возражали так, как будто бы мы предлагали этому собранию принять определённую социалистическую систему, между тем, как я, напротив, ясно объявил с этой трибуны, что мы не хотим предлагать ему какой бы то ни было системы; что мы только требуем, чтобы оно торжественным голосованием признало своей целью экономическое и социальное равенство, оставляя покамест совершенно в стороне вопрос о путях и средствах. Весь вопрос, сказал я, состоит в том, чтобы решить, хотите ли вы этого равенства, да или нет.

Желая без сомнения избежать необходимости дать нам прямой и ясный ответ, который одним ударом разоблачил бы перед работниками те чувства, которые питают к его делу, мне отвечали на это красноречивой, и я позволю себе это выражение, буржуазно-страстной критикой моей предполагаемой, мнимой социалистической системы, которой я не имел даже чести излагать на этой трибуне и о которой не могло быть и речи.

Не думайте, милостивые государи, что я избегаю ясного изложения моих социалистических идей; я был бы очень рад возможности защищать их здесь; но я не думаю, чтобы на это было достаточно тех пятнадцати минут, которыми я имею право располагать.

Впрочем, есть одно обвинение, направленное против меня, которое я не могу оставить без ответа.

На основании того, что я требую экономического и социального равенства классов и личностей, на основании того, что я вместе с Брюссельским Конгрессом работников объявил себя сторонником коллективной собственности, меня упрекают в коммунизме. – Какую разницу, говорили мне, видите вы между коммунизмом и коллективностью. Признаюсь, я удивляюсь, как г. Шодэ, исполнитель завещания Прудона, не понимает этой разницы. Я ненавижу коммунизм, потому что он есть отрицание свободы и потому что для меня непонятна человечность без свободы. Я не коммунист, потому что коммунизм сосредоточивает и поглощает все силы общества в пользу государства, потому что он неизбежно приводит к сосредоточению собственности в руках государства, между тем как я хочу уничтожения государства, – окончательного искоренения принципа авторитета и покровительства, присвоенного государством, которое под предлогом морализировать и цивилизовать людей до сих пор только поработало, угнетало, эксплуатировало и развращало их. Я хочу организации общества и коллективной или общественной собственности снизу вверх, путём свободной ассоциации, а не сверху вниз, посредством какого бы то ни было авторитета. Желая уничтожения государства, я вместе с тем желаю и уничтожения личной наследственной собственности, которая есть ничто иное, как государственное учреждение, прямое следствие самого принципа государства. Вот в каком смысле, милостивые государи, я коллективист, а вовсе не коммунист. Я требовал и требую экономического и социального равенства классов и личностей. Сейчас я объясню, что я понимаю под этими словами.

Я хочу уничтожения классов, как в смысле экономическом и социальном, так и в смысле политическом. Я позволю себе заметить господам Шодэ и Фрибуру, которых сегодня, по-видимому, соединило общее чувство отвращения к этому злополучному равенству, что провозглашение этого равенства в 1793 году было одной из самых великих побед французской революции. Вопреки всем последовавшим за ней реакциям, этот принцип восторжествовал и утвердился в общественном мнении Европы. В странах наиболее прогрессивных он называется равенством политических прав; в других странах – гражданским равенством, равенством перед законом.

Ни одна страна Европы в настоящее время не осмелится открыто провозгласить политическое неравенство.

Но история самой революции и прошедших с тех пор семидесяти пяти лет доказывает нам, что политическое равенство без экономического – есть ложь. Не смешно ли провозглашать равенство прав, пока общество по-прежнему остаётся разделённым в силу своей экономической организации на слои, различные по своему социальному положению – это равенство будет чистой фикцией. Для того, чтобы оно могло осуществиться на самом деле, необходимо, чтобы **исчезли экономические причины** этого различия классов – **необходимо уничтожение права наследства**, этого постоянного источника всех социальных неравенств. **Необходимо, чтобы общество**, не будучи разделено на два различных класса, **представляло однородное целое – организацию, созданную на началах свободы и справедливости**; чтобы в нём не оставалось и тени этого рокового разделения людей на два главных класса – на так называемый интеллигентный и рабочий, из которых первый служит представителем владычества и права повелевать, последний – представитель вечного подчинения. **Нужно, чтобы все люди были в одно и то же время**

и интеллигенты, и трудолюбивы, чтобы никто не мог более жить за счёт другого, и чтобы все были обязаны и имели возможность одинаково жить как умственным, так и мышечным трудом. Тогда, милостивые государи, и единственное при этих условиях, политическое равенство и политическая свобода осуществится на самом деле.

Так вот, что мы подразумеваем под словами «равенство классов». Было бы вернее, может быть, сказать **уничтожение классов**, объявление общества **посредством уничтожения экономического и социального неравенства**. Но кроме того, мы требовали «равенства личностей», и это то главным образом вызвало против нас все молнии негодующего противоречия наших противников. Этой частью нашего предложения воспользовались для того, чтобы доказать самым неопровержимым образом, что мы ничто иное как коммунисты. Чтобы доказать нелепость нашей системы, прибегали к доводам столь же остроумным, как и новым. Одному оратору, без сомнения в пылу негодования, угодно было сравнить свою собственную талию с моей.

Позвольте мне, милостивые государи, более серьёзным образом изложить перед вами этот вопрос. Вряд ли нужно говорить вам, что дело идёт не о естественной, физиологической и этнографической разнице, существующей между людьми, а о разнице социальной, которая есть ни что иное, как результат экономической организации общества. Доставьте всем детям, начиная с их рождения, одинаковые средства существования, воспитания и образования; создайте для всех людей, воспитанных таким образом одинаковую общественную среду, одинаковые средства собственным трудом зарабатывать своё существование, и вы увидите, что многие из этих различий, считающихся в настоящее время естественными различиями, исчезнут, потому что они ничто иное, как результат неравномерного распределения условия умственного и физического развития – условий жизни.

Человек, милостивые государи, как и всё, что живёт и дышит в этом мире, не есть создание своей собственной воли, хорошей или дурной, потому что эта самая воля, точно также, как всё его нравственное существо суть ничто иное как продукты, результат совместного влияния многочисленных естественных и социальных причин. Исправьте природу влиянием общества, создайте насколько возможно равные для всех условия развития и труда, и вы тем самым уничтожите много глупостей и зол. **Когда все будут получать приблизительно одинаковое воспитание и образование, когда все будут обязаны в силу существующих условий соединиться, чтобы работать, а работать, чтобы жить; когда труд, будучи признан за истинную основу всякой социальной организации, сделается предметом общественного уважения, количество недобросовестных людей, паразитов и глупцов быстро уменьшится и под конец они будут считаться больными людьми, к которым будут относиться, как к больным.** Это говорю не я один, г. Шодэ; то же самое сказал ваш учитель, Прудон.

Наконец, милостивые государи, я ещё раз повторяю, что наша настоящая задача состоит не в рассуждениях о самой сущности социального вопроса; нам нужно только решить: желаем ли мы равенства, да или нет? Вот всё, что я хотел вам сказать.

Третья речь.

Я очень рад, что мой соотечественник, г. Вырубов, имел случай объяснить на этой трибуне некоторые выражения, которые угодно было истолковать в смысле нарушения свободы совести. Не мы, милостивые государи, не мы, систематически отрицающие всякий авторитет и всякую опекающую власть, требующие уничтожения самого принципа авторитета государства, не мы, говорю я, станем признавать какую бы то ни было политическую и социальную организацию, которая бы не была основана на самой полной свободе всех.

Нам так дорога эта свобода, что мы во имя её с большим вниманием и уважением выслушивали выражаемые и развиваемые здесь мнения, диаметрально противоположные нашим мнениям. Так, например, один оратор провозглашал с этой трибуны, что христианство есть единственная основа всякой нравственности.

Мы выслушали это; так позвольте же и нам свободно заявить на той же трибуне наше глубокое убеждение, что не только христианство, но **религия вообще, всякая религия несовместима с человеческой нравственностью.**

Не по легкомысленной прихоти, не под влиянием своенравного и суетного чувства, намерены мы бороться здесь против религии; мы делаем это во имя нравственности и справедливости, во имя самой человечности, торжество которой на земле будет невозможным до тех пор, пока земля эта будет посещаемая, терроризирована, управляема религиозными призраками.

Не нами выдумана та справедливая идея, что религия по самой сущности своей абсолютно противна всякой нравственности всякому человеческому достоинству и человеческой справедливости. Эта идея задолго до нас была провозглашена великими мыслителями прошедшего столетия; что я говорю, уже гораздо раньше этой эпохи она воодушевляла самые благородные души героев и мучеников Возрождения, людей, как Джордано Бруно, Ванини[83], как Сервет[84], сожжённый Кальвином в Женеве и много других, пробуждённых среди мрака христианства светом, проникшим из древней Греции, и желавших основать на развалинах божественной лжи и деспотизма религию истины и человечности ...

Ещё сегодня утром я видел на стене в передней объявление приглашающее членов Конгресса подписаться на одно сочинение, направленное против пап. Эпиграфом этого сочинения служат следующие слова Ульриха фон Гуттена: «если человечество хочет сделаться свободным и счастливым, нужно, чтобы оно прежде всего разорвало цепи римской тирании и освободилось от тяжёлого ига развратного монашества и не менее развратного клира».

А кто, милостивые государи, был этот великий Ульрих фон Гуттен, этот герой Реформации? Был ли это религиозный человек, освободившийся от цепей католичества с тем, чтобы подчиниться благочестивой тирании Кальвина, Маланхтона[85] или Лютера? Нет, это был

гуманист, атеист, друг и ученик атеистов Флоренции; там он выработал свои убеждения и впервые познакомился с великими учениями гуманистической науки.

Все эти великие герои свободной мысли, эти знаменитые освободители человечества, которых вечно преследовали, томили в тюрьмах, истязали, жгли или убивали рукой палача, пали, наконец, под влиянием жёсткой тирании цезарей и пап, церкви и государства. Но дело их не пропало. Оно продолжилось, правда, медленно, более робко и боязливо, но продвигалось тем не менее непрерывно к своей цели, благодаря плодотворной и настойчивой деятельности гуманистов XVI-го века, самым выдающимся представителем которых без сомнения был учёный и даровитый Эразм Роттердамский.

В XVII веке это течение мысли, начавшееся со времени Возрождения, было усилено новым могучим потоком возникновения натурализма; *Галилей, Кеплер, Ньютон, Гассенди*[86] и великий отец современного позитивизма – *Бэкон*, поставившие науку на реальные основы, тем самым одни сознательно, другие бессознательно, нанесли стремительный удар всем метафизическим доктринам, а, следовательно, и религии. Из слияния этих двух потоков возникла великая французская философия последнего столетия.

Да, этот великий XVIII век, которому все мы обязаны своим развитием и который теперь ещё поражает нас громадностью своих идей, был по преимуществу веком гуманизма и атеизма. Он утвердил права человека и отвергнул Бога. Он понял, что **для того, чтобы освободиться человеку, чтобы разорвать все его цепи, чтобы доставить ему счастье, достоинство и свободу, – нужно было уничтожить главное зло, т.е. разрушить все эти религиозные призраки, все эти метафизические и богословские абстракции, которые, с тех пор как существует история, служили всем тиранам удобным предлогом и средством для развращения, порабощения и эксплуатации человечества.**

Философы XVIII века были счастливее, чем мыслители Возрождения. Время созрело, и их светлая, красноречивая и страстная пропаганда породила Революцию.

Нужно ли мне говорить здесь о причинах, помешавших этой великой революции осуществить всё то, чем она задалась? Это повело бы меня слишком далеко, милостивые государи. Я только напому вам, что сентиментально-террористическая, т.е. религиозная доктрина Жан-Жака Руссо, резким диссонансом прозвучавшая среди прекрасной гуманистической гармонии XVIII века, будучи поддержана с другой стороны непоследовательным, легкомысленным и буржуазным деизмом Вольтера, думавшего, что религия положительно необходима для *сволови*, – что эта доктрина завещала революции культ отвлечённого божества и отвлечённый культ государства. Эти два культа, олицетворённые в мрачной фигуре Робеспьера, этого Кальвина революции – убили революцию.

Затем последовала диктатура первой империи со своим утилитарным договором – утилитарным, разумеется, в смысле деспотизма; далее – время реставрации со своей романтической гнилью, представителями которой служат люди подобные Шатобриану, Ламартину, Шлегелю; наконец – спекулятивная философия немцев, ставшая во Франции,

под именем эклектизма, государственным учреждением.

Вот, милостивые государи, причины того глубокого падения, от которого мы до сих пор тщетно стараемся оправиться.

Если мы действительно желаем выйти из этого положения, мы должны открыто и смело поднять знамя Возрождения и Революции, знамя человеческого бунта против божественного ига.

Будем же логичны и искренни, и провозгласим, немедленно, что существование бога не совместимо с счастьем, достоинством, умственным развитием, нравственностью и свободой людей. И в самом деле, если признать существование бога, то мой ум, как бы он ни был развит, моя воля, как бы она ни была сильна, ничтожны в сравнении с волей и умом, свойственным богу. То, что я считаю истинной, в его глазах ложь; перед ним моя воля бессильна, моя свобода – возмущение против его авторитета; если он существует, я должен обратиться в ничтожество, а если он соизволит ниспослать мне пророков, провозглашающих его божественные истины, которые всегда останутся для меня непонятными, священников, обязанных руководить моей совестью, неспособных познать благо, помазанных его рукой королей, которые бы управляли мной, палачей, которые бы исправляли меня, – я обязан им рабски повиноваться. Итак, **кто хочет бога, тот хочет рабства людей**. Бог и унижение человека или же свобода человека и уничтожение божественного призрака, – вот дилемма, нет середины; выбирайте.

С этой столь справедливой идеей, откровенное произнесение которой тем не менее кажется ужасным; идеей, доказывающей, что существование бога несовместимо с человеческим разумом, с человеческой свободой, с индивидуальной и социальной нравственностью людей, я знаю, согласны многие из членов этого Конгресса, голосующих, вследствие других причин, вместе с противным нам большинством. Так, например, один из членов крайней правой, г. Руссель высказал, что развитие положительных наук неизбежно повлечёт за собой последовательное разрушение всех религиозных догматов, и предложил образование, как самое лучшее средства для достижения умственного и нравственного, политического и социального освобождения народных масс.

И мы, милостивые государи, глубоко убеждены в необходимости широкого народного образования. Мы также думаем, что вся наука во всей своей широте должна сделаться доступной для народа. Но для того, чтобы народ мог образоваться, ему нужны досуг и средства, необходимые для учения. Нужно, чтобы он имел возможность кормить и содержать своих детей в продолжение того времени, которое потребуется на их учение. Уже это одно, милостивые государи, доказывает необходимость радикального преобразования настоящей экономической организации общества.

Но это не всё. Сторонники мирной революции путём одного образования, все эти общества свободных мыслителей, старающихся в настоящее время разрушить силу религиозного суеверия единственно пропагандой конгрессов, ассоциаций, журналов и книг, жестоко ошибаются, надеясь, при помощи одних этих средств, достигнуть своей цели. Религия есть не только заблуждение ума; она, кроме того и главным образом, страстный и постоянный

протест полноты человеческого существа, бесконечного богатства человеческого сердца против узкости и бедственности действительной жизни. Не находя в этом мире ничего, кроме глупости, несправедливости и бедствия, человек, силой своего воображения, создаёт себе воображаемый мир, в который он переносит все свои стремления, свои надежды и свой идеал; всё это он с земли перенёс на небо. Таким образом была создана религия и она будет всемогуща до тех пор, пока на земле будут существовать безрассудство и несправедливость. Так водворим же справедливость; возвратим земле то, что принадлежит земле, благосостояние и братство! Разрушим торжество зла во всех его видах, со всеми несправедливыми учреждениями. Водворим братство, т.е. равенство прав каждого при всеобщей солидарности, свободу на основаниях равенства, и религия сама собой потеряет всякое значение ...

Итак, для того чтобы разрешить религию, чтобы рассеять и заставить исчезнуть все эти божественные призраки, делающие нас рабами, грубыми и несчастными, недостаточно одной интеллектуальной пропаганды. Необходима **социальная революция**.

Четвёртая речь.[87]

Граждане!

Я счастлив, что могу в вашем присутствии принять руку, так откровенно протянутую нам одним из представителей польской социальной демократии. Я принимаю её от имени русской социальной демократии; и мы имеем право её принять, потому что и мы, со страстью не уступающей по силе страсти польской демократии, желаем полного разрушения, совершенного уничтожения русской империи, империи, которая служит вечной угрозой для свободы мира, постыдной тюрьмой для всех народов ей покорённых систематическим и насильственным отрицанием всего, что называется правом, справедливостью, человечностью.

Год тому назад, на Женевском Конгрессе, я имел уже случай громко заявить, что между нами – партией народного освобождения – и между приверженцами этой чудовищной империи невозможно никакое соглашение. Наши цели диаметрально противоположны, они взаимно исключают друг друга. Кто желает сохранения империи, увеличения и развития её могущества, как внешнего, так и внутреннего, тот должен с царём и с Муравьёвым идти против нас. **Кто, напротив, желает свободы, благосостояния, умственного освобождения и нравственного достоинства народа, тот должен вместе с нами содействовать разрушению империи.**

В Европе обыкновенно смешивают империю, состоящую из великой и малой России, и всех покорённых земель, с самим народом, ошибочно воображая, что она есть верное выражение

инстинктов, стремлений и воли народа, между тем как **она, напротив, всегда играла роль эксплуататора, мучителя и векового палача народа.**

Надо заметить, что совершенно неверно говорится о русском народе, как об едином целом, потому что русский народ не составляет однородной массы, а состоит из нескольких родственных, но всё же различных племён. Племена эти следующие: во-первых, народ великорусский, славянский по происхождению, с примесью финского элемента, составляющий однородную массу 35-ти миллионного населения; это главная часть империи. На ней главным образом основалось могущество московских князей.

Но очень ошибётся тот, кто предположит, что этот народ добровольно и свободно сделался рабским орудием царского деспотизма. Вначале, до вторжения татар, и даже после, до начала XVII столетия, это был конечно тоже несчастный народ, мучимый своими правителями и привилегированными эксплуататорами земли, но пользовавшийся однакож естественной свободой и полным общинным и даже часто областным самоуправлением.

Вся северо-восточная часть империи, населённая преимущественно этим великорусским народом, разделялась, как известно, даже во время татарского ига, на несколько удельных княжеств, более или менее независимых друг от друга; и это разделение, эта взаимная независимость ограждали до известной степени свободу всех, – свободу, конечно, дикую, но действительную. Основания первобытной и не вполне сложившейся организации были чисто демократические. Князья, часто прогоняемые и почти всегда странствующие из одного княжества в другое, пользовались только ограниченной властью. Дворянство, составлявшее княжеский двор, кочевало вместе с князьями; следовательно, оседлых собственников было очень мало. Народ тоже кочевал и потому земля в действительности не принадлежала никому, т.е. она принадлежала всем – народу. Вот где кроется начало идеи, вкоренившейся в умах всех русских племён империи – идеи, пережившей все политические революции и оставшейся более могущественной, чем когда-либо в народном сознании – идеи, носящей в себе все социальные революции прошедшие и будущие, и состоящей в убеждении, **что земля, вся земля принадлежит только одному народу**, т.е. всей действительно трудящейся массе, обрабатывающей её своими руками.

Цари, вначале великие князья московские, были долгое время только управляющими татар в России, управляющими униженно рабскими, страшно корыстными и неутомимо жестокими; и как подобает управляющим, они обделывали свои собственные дела гораздо больше, чем дела своих господ; благодаря покровительству татар, они постепенно увеличивали свои владения, в ущерб соседним княжествам. Таково было начало московского могущества. Целые два столетия великие князья московские, московские бояре и московская церковь образовывались в политической школе, принципы которой выражаются словами – рабство, низкое подобиострастие, гнусная измена, жестокое насилие, отрицание всякого права и всякой справедливости и полное презрение к человечеству. Когда, благодаря этой политике, благодаря особенно несогласию татар между собой, эти управляющие, до сих пор рабски покорные, почувствовали себя достаточно сильными, чтобы избавиться от своих господ, они их прогнали.

Но татарщина вместе со своими скверными качествами рабства, успела глубоко вкорениться в официальном и официозном мире Москвы.

Подобное политическое начало достаточно объясняет дальнейшее развитие российской империи. Но судьба готовила нам ещё другой великий источник развращения.

В половине XV века Константинополь пал и наследие умирающей византийской империи разделилось на две части. На запад бежавшие Греки принесли с собой бессмертные традиции древней Греции, которые дали толчок живому движению Возрождения. А нам она завещала вместе со своей княжной, своими патриархами и чиновниками всю испорченность византийской церкви и ужасный азиатский деспотизм в политической, социальной и религиозной жизни.

Вообразите себе дикого князя, татарина с головы до ног, грубого, буйного, жестокого, трусливого в случае нужды, лишённого всякого образования, не только презиравшего всякое право, но совершенно не имеющего понятия о праве и человеколюбии; из первоначального рабского положения он вдруг возносится, в своём воображении, по меньшей мере, на высоту византийского императора и воображает себя призванным быть богом на земле, владыкой всего мира. А возле него церковь, не менее грубая, не менее невежественная, но властолюбивая и развращённая, из своего рабского положения в Византии она переносится в несравненно более рабское положение в Москве, честолюбивая и в то же время алчная и раболепная, является всегда послушным орудием всякого деспотизма, вечно пресмыкаясь перед царём, она, наконец, так тесно смешала в своих молитвах его имя с именем бога, что удивлённые верующие в конце концов не знают, кто бог и кто царь. Рядом с этой церковью и этим царём вообразите себе дворянство, не менее жестокое и варварское, составленное из самых разнородных элементов: из потомков русских князей, лишённых своих уделов, из татарских князей, из литовских дворян, укрывшихся в Москве, из новых и старых бояр титулованных дворцовых лакеев, чиновников и сыщиков дикой, московской администрации; и все они образуют вокруг трона, что-то вроде наследственной бюрократии, официальную касту, совершенно отделённую от народа; эта каста сама до бесконечности дробится по родам и чинам, разъединяется честолюбием, жадностью, соревнованием в лакействе, но составляет единодушное целое в одном общем рабстве, в невероятном самоуничтожении перед истинным богом империи – царём. Одинаково безличные, одинаково уничтоженные перед ним, все они, с каким-то рабским сладострастием называют сами себя его рабами, холопами, людишками, Мишками, Петьками, безропотно сносят от него всякое унижение, позволяют себя оскорблять, бить, истязать, убивать, признают его безусловным господином своего имущества, своей жизни, детей и жён своих, и в замене такого полного самоуничтожения они просят только одного – земли, как можно больше земли для эксплуатации, права грабить казну без стыда и немилосердно мучить народ.

Итак, народ, вот истинная, вековая жертва московской империи.

Наша история представляет противоположность истории запада. Там короли соединялись вначале с народом, чтобы подавить аристократию, а у нас рабство народа было результатом корыстного союза царя, дворянства и высшего духовенства. Следствием всего этого было

то, что народ великорусский, свободный до конца XVI века, вдруг оказался прикреплённым к земле, и сначала фактически, а потом и юридически сделался рабом господина – собственника земли, дарованной ему государством.

Терпеливо ли он выносил это рабство? Нет. Он протестовал тремя страшными восстаниями. Первое восстание произошло в самом начале XVII века, в эпоху Лжедмитрия. Совершенно неверно объяснять это восстание династическими вопросами или интригами Польши. Имя Дмитрия было только предлогом, а польские войска, приведённые польским магнатом, были так малочисленны, что не стоит говорить о них. Это было истинное восстание народных масс против тирании московского государства, бояр и церкви. Могущество Москвы было разбито и освобожденные русские провинции послали туда своих депутатов, которые хотя и выбрали нового царя, но принудили его принять известные условия, ограничивавшие его власть; он поклялся сохранять эти условия, но впоследствии, конечно, нарушил эту клятву. Главными основаниями этой хартии были – уничтожение московской бюрократии и автономия общин и областей, следовательно совершенное уничтожение гегемонии и всемогущества Москвы.

Но хартия была нарушена. Царь Алексей, наследник народного избранника с помощью дворянства и церкви восстановил деспотическую власть и рабство народа. Тогда-то поднялось народное восстание, носившее на себе тройной характер: революционный, политический и социальный – восстание Стеньки Разина, первого и самого страшного революционера в России. Он поколебал могущество Москвы, в самом её основании. Но он был побеждён. Недисциплинированные народные массы не могли вынести напора военной силы, уже организованной офицерами, вызванными из Европы, особенно из Германии. И эта новая победа государства над народом, послужила основанием новой империи Петра великого. Пётр понял, что для основания могущественной империи, способной бороться против рождавшейся централизации западной Европы уже недостаточно татарского кнута и византийского богословия. К ним нужно было прибавить ещё то, что называлось в его время цивилизацией запада – т.е. бюрократическую науку. И вот из татарских элементов, полученных в наследство от отцов и с помощью этой немецкой науки, он основал ту чудовищную бюрократию, которая и до сих пор давит и угнетает нас. На вершине этой пирамиды стоит царь, самый бесполезный и самый вредный из всех чиновников; под ним дворянство, попы и привилегированные мещане, все имеющие значение только постольку поскольку они служат и грабят государство, а внизу, как пьедестал пирамиды – народ, задавленный податями и мучимый немилосердно.

Покорился ли народ своему рабству? Примирился ли он с империей? Нисколько. В 1771 году, среди торжества Екатерины II над турками, и над несчастной и благородной Польшей, которую она задушила и разорвала на части, не одна, впрочем, так как ей помогали в этом два знаменитых представителя западной цивилизации: Фридрих великий, король прусский, друг философов и сам философ, и набожная Мария Терезия, императрица австрийская; итак среди торжества Екатерины II, в то время как весь мир удивлялся возраставшему могуществу и удивительному счастью императрицы всероссийской, Пугачёв, простой, донской казак, поднял всю восточную Россию. Действительно вся страна между Волгой и Уралом восстала; миллионы крестьян, вооружённых топорами, пиками, ружьями и всяким оружием, поднялись; и для чего? чтобы избить повсюду дворян и чиновников, чтобы

захватить всю землю в свои руки и образовать на ней свободные сельские общины, основанные на коллективной собственности. Екатерина сначала отнеслась с презрением к этому восстанию, но за тем испугалась не на шутку.

Многочисленные полки, посланные против бунтовщиков под предводительством старых генералов, были разбиты. Вся народная Россия, Россия крестьянская, пробуждённая, воспламенённая доброй вестью, взволновалась. Народ ждал Пугачёва в Москве. Если бы он пришёл, русская империя погибла бы безвозвратно. Императрица послала против Пугачёва огромную армию и народ ещё раз был побеждён.

Что же покорился ли он после этого? Нет. Со времени казни Пугачёва и до наших дней внутренняя, более или менее секретная история империи состоит из последовательного и непрерывного ряда частных и местных восстаний крестьян – восстаний, вызываемых глубокой и непримиримой ненавистью их к помещикам, ко всем чиновникам и к государственной церкви. Вы видите, господа, я был прав, говоря, что между великорусским народом и империей, его давящей, нет ничего общего. Первый есть отрицание последней; примирение между ними невозможно, потому что интересы их несовместимы: интересы народа заключаются в свободном пользовании землёй, в самостоятельности сельских общин, в благосостоянии, вытекающем из свободного труда и исключаящим, следовательно, помещичью собственность, опеку, т.е. бюрократический грабёж, набор, налоги – всё, что составляет самую суть государства. Как же может народ любить государство и желать сохранения его могущества?

Но возразят, разве народ не обожает царя? На это я скажу, что обожание царя есть только результат громадного недоразумения. За несколько лет до великой французской революции, английский путешественник, Артур Юнг, видя восторг, с которым встречало Людовика XVI сельское и городское население Франции, сказал, что «народ, который так обожает своего короля никогда не может быть свободен». Через несколько лет совершилась революция, и никто не помешал столичным революционерам возратить бежавшую царскую фамилию под стражей из Варена в Париж. Знаете ли, что означает это воображаемое обожание русского царя народом? **Это – проявление ненависти к дворянству, к официальной церкви, ко всем государственным чиновникам, т.е. ко всему, что составляет самую суть императорского могущества, самую существенную сторону империи. Царь для народа, подобно богу, только отвлечённость, во имя которой он протестует против жестокой и подлой действительности.**

Таково положение великорусского народа. Теперь судите сами, справедливо ли приписывать ему преступления и завоевания, совершаемые империей. Но, скажут, разве он не снабжал солдатами? Да, конечно, как французский народ снабжал армии Наполеона I для завоевания мира, как он снабжал ими Наполеона III для покорения Мексики и Рима, как в настоящее время ещё большая часть Германии prepares своих солдат, чтобы сделать из них пассивное орудие в руках графа Бисмарка. Есть ли на самом деле в характере великорусского народа эти воинственные, завоевательные элементы, вот в чём вопрос. На это я могу смело ответить, что славянские народы вообще, великорусский в особенности, наименее воинственный, наименее завоевательный народ в мире. Единственная вещь, которую он страстно желает – это свободное и коллективное пользование землёй, которую

он обрабатывает. Всё остальное ему чуждо и вызывает в нём страх.

Впрочем, просмотрите всю историю этого народа и скажите, шёл ли он когда-нибудь по доброй воле на запад? Туда ходили русские армии, собранные и дисциплинированные кнутом для удовлетворения честолюбия царей, – русский же народ никогда. Причина этого весьма проста. Народ этот по преимуществу земледельческий и требует земли, свободной земли. А на западе земля не свободна, напротив, через-чур густо заселена, на востоке же она беспредельна, не обработана и плодородна, – вот почему пока русский народ был свободен в своих движениях, пока Пётр Великий не прикрепил его окончательно к земле, он всегда направлял свой путь на восток, поворачивая спину западу до тех пор, пока это движение не прекратилось насильственно империей.

Вот, господа, сущность истории великорусского народа. Но кроме него есть ещё малороссы, более чистые славяне, с меньшей примесью финского элемента; они образуют в империи 12 миллионов населения, а если прибавить к ним галицийских русинов, то – целые 15 миллионов однородного племени, говорящего одним языком, имеющего одинаковые права и великие исторические воспоминания. После вторжения татар народ этот, к несчастью, был поставлен между московским деспотизмом с одной стороны, и жестоким притеснением иезуитствующей и аристократической польской шляхтой с другой.

Восставши против этой последней, в половине XVII века, часть Украины из ненависти к Польше совершила великую ошибку: она приняла покровительство русского царя. Цари обещали ей всё: и сохранение её вольностей, и национальную автономию. Но так как обещание всех государей, будут ли они цари, простые герцоги, короли или императоры, походят друг на друга всегда и везде, то русские цари наградили, конечно, Малороссию самым грубым деспотизмом, таким же, какой существовал в великой России с жестокой помещичьей эксплуатацией и не менее жестоким притеснением бюрократии. В XVIII веке, когда Франция готовилась к революции, Екатерина II, филантропствующая императрица, восхваляемая философами, ввела крепостное право, до того времени не существовавшее в Польше. А в настоящее время это панславистское национальное правительство систематически и жестоко преследует малороссийский язык в Малороссии, как польский в Польше. Пусть будет это предостережение австрийским и турецким славянам, которые ищут своё спасение в Москве.

Этот народ, вместе с 4 миллионами белорусов, по всей вероятности составит отдельную, независимую нацию миллионов в 20 жителей, которая может, конечно, вступить в союз с Польшей или Великороссией, но должна остаться совершенно независимой от гегемонии той и другой.

Но, скажут, разве положение этих народов не улучшилось значительно со времени пресловутого освобождения крестьян, которым так гордится ныне царствующий император? Не верьте этому освобождению, оно только на словах; народ перестал ему верить окончательно. Я считаю необходимым сказать о нём несколько слов, чтобы рассеять заблуждения запада на этот счёт. Я начну с замечания, что напрасно приписывают честь этой попытки или этого ложного освобождения великодушию императора Александра II. Её единственной причиной была крымская катастрофа. Эта война, к счастью, столь несчастная

для нас, нанесла тяжёлый удар самому существованию империи. Здание, воздвигнутое Петром Великим, Екатериной II и Николаем I, вдруг пошатнулось, внезапно открыло всю свою преждевременную гнилость и действительную негодность. После крымской войны для всех стало очевидно, что старый порядок вещей не может более продолжаться и что, если государство не будет преобразовано, то народная революция вспыхнет неминуемо. Старый порядок основан был на крепостном праве – следовательно, надо освободить народ. Таково было в то время единодушное убеждение всей России; такова была страстная надежда, великое ожидание народных масс. Чтобы доказать вам справедливость моих слов, я приведу свидетельство одной важной особы, авторитет которой в этом случае не может быть подвергнут сомнению. Эта особа сам император Александр II. Не помню, было ли это в 1859 или в 1860, он произнёс публично в полном собрании московских дворян следующие замечательные слова: «Господа, мы должны поторопиться освободить крестьян, ибо лучше для всех нас, чтобы эта революция произошла сверху, а не снизу». Смысл этих слов через чур прост и ясен; неправда ли? Если бы народу не дали подобия свободы, он сам бы её взял; но взял бы уже свободу полную, действительную, безусловную, взял бы её посредством революции, т.е. уничтожения дворянства и империи.

Государство находилось тогда в крайне трудном и щекотливом положении; с одной стороны оно должно было освободить народ, с другой, очень хорошо понимало, что не может этого сделать действительно, потому что всё его существование, все условия его бытия враждебны действительному освобождению народа. Следовательно, надо было обмануть их кажущимся освобождением, дать им, в интересах сохранения государства, такую свободу, которая в сущности не была бы свободой, и не разорила бы помещиков, заставив крестьян заплатить вдвое, втрое дороже за землю, которая и без того принадлежала им по праву их собственного тяжёлого труда и труда всех их предков. Это и было сделано. Несмотря на эту свободу, о которой так много кричали в Европе, русский народ до сих пор прикреплён к земле, и русский крестьянин, сделавшийся собственником своей земли, вместе с тем окончательно разорён и почти умирает с голоду.

Для того, чтобы собрать оброки и покрыть недоимки, которые он не в состоянии платить, продают орудия его труда и даже его скот; у него нет более семян для посева, нет возможности обрабатывать землю. Вот то счастье, которым наградил его великодушный Александр II.

Не понимая подобной свободы, он восстал. Его били, расстреливали и ссылали. Во многих губерниях он и теперь ещё нередко просит правительство взять землю назад, которая при настоящих условиях его разоряет, – его же бьют палками, сажают в тюрьмы, расстреливают. Таково настоящее положение народа, и теперь он начинает понимать, что царь – божественная отвлечённость – и есть действительная и главнейшая причина всех его бедствий. От этого сознания до кровавой революции очень далеко.

Но кто сумеет организовать и направить эту революцию? **Молодёжь**. Говоря вам о революционной русской молодёжи, я не могу не упомянуть о случае, бывшем между нами и которым хотели воспользоваться против меня. Я говорю о новом манифесте русской социальной демократии, который многие из вас читали. Им воспользовались третьего дня, как неоспоримым аргументом, чтобы склонить вас отвергнуть принцип экономического и

социального уравниения классов и лиц, который мной и моими друзьями был вам предложен в надежде, что вы захотите дать рабочим массам серьёзное и действительное доказательство искренности ваших демократических и народных чувств. Вам сказали: «видите, чего хотят эти нарушители общественного порядка. Они хотят уничтожения религии, собственности, семьи и государства – этих вечных основ цивилизации»; эти господа должны бы были прибавить «и вечной несправедливости». Эти основы и эти причины существующего порядка вещей так прекрасны и так справедливы, что вы сами в своей программе заявляете о необходимости «радикального» их преобразования. Я не имею только отклонить от себя честь издания этого манифеста, причём громко заявляю, что я от всего сердца признаю все изложенные в нём принципы. В доказательство, что я действительно не участвовал в составлении этого документа я приведу только один факт. В 1862 та же самая программа, с небольшими изменениями и конечно иначе изложенная была напечатана тайно в России под названием «Манифеста Молодой России».

Скажут, как говорили и тогда, что «этот манифест есть только необдуманное и преувеличенное выражение чувств очень небольшого числа молодых ветреников». Это, господа, глубокая ошибка. Хотите вы знать число молодых и пожилых людей, разбросанных по России и сочувствующих этим принципам, людей, чьи чувства, стремления, инстинкты или, если так можно выразиться, симпатии вполне выражаются изложенными в манифесте принципами. Я думаю, что я скорее уменьшу, чем преувеличу, если скажу, что число таких людей простирается от 40 или даже 50 тысяч человек. Ведь это целая армия! И армия осмысленная и энергичная. Кто составляет её? Молодые люди, вышедшие из корпусов, гимназий и университетов, дети мещан или разорившегося мелкого дворянства. Юноши, почти лишённые средств к существованию, но тратящие последний свой грош на приобретение книг и образование; в особенности дети сельского духовенства, большинство которых погибает в адских трущобах наших семинарий, но, из числа которых очень многие, притом самые умные и сильные, вырываются оттуда полные энергии и ненависти ко всему существующему строю. Наконец, много крестьянских и мещанских детей – юношей, полных жизни, из которых многие делаются замечательными людьми, если счастливый случай даст им возможность образоваться. Вот, господа, наша революционная фаланга, которую государство преследует немилосердно, сотнями ссылает в Сибирь, сажит в тюрьмы, умышленно убивает и истязает всеми способами, и несмотря ни на что, оказывается бессильным против них, так как они через-чур многочисленны, разбросаны по всему пространству империи, а главное, через-чур незаметны и потому легко избегают надзора.

Но что могут сделать разбросанные 40 или 50 тысяч человек против организованной силы государства? **Они могут тоже организоваться**; они уже организовываются, а посредством организации сделаются в свою очередь силой, и силой тем более грозной, что **она будет черпать свою силу не в себе самой, а в народе.**

Они сделаются безустанными и деятельными посредниками между нуждами, инстинктами, неодолимой, но ещё не осознанной силой народа и революционной идеей.

С таким народом, социалистом по инстинкту и революционером по природе, и с такой молодёжью, стремящейся по принципам и, что ещё важнее, по самому своему положению, к

уничтожению существующего порядка вещей, – революция в России несомненна. Что же будет её первым, её необходимым делом? Разрушение империи, потому что пока существует империя, ничего хорошего и живого не может осуществиться в России. Это, господа, убеждение русской революционной молодёжи и моё также. **Мы патриоты народа, а не государства. Мы хотим счастья, достоинства, свободы нашего народа, всех народов русских и нерусских, заключённых ныне в империи. Поэтому то мы и желаем разрушения империи.** Ясно это?

Позвольте мне, господа, прибавить к этой длинной речи, ещё одно замечание. Год тому назад, один демократический журнал, издаваемый в Лейпциге, обращаясь ко всей демократической русской эмиграции и называя, между прочим и моё имя, задал нам такой вопрос: Вы называете себя демократами, социалистами, заклятыми врагами нашего правительства; скажите же нам, каковы ваши чувства и мысли относительно честолюбивых стремлений вашей империи? Ненавидите ли вы, подобно нам, порабощение Польши, Кавказа, Финляндии, Балтийских провинций, ваши недавние завоевания в Бухарии и воинственные планы против Турции?

На этот вопрос, впрочем, совершенно естественно, я не счёл нужным отвечать тогда: теперь я отвечу на него. После всего сказанного ответ будет лёгок. Впрочем, для всех добросовестных людей он вытекает сам собой из моей прошлогодней речи, сказанной на Женевском Конгрессе. Если мы желаем полного и совершенного уничтожения империи, мы можем только ненавидеть её властолюбие, а следовательно, и все её победы на севере, как и на юге, на востоке, как и на западе, и я думаю, что **самым большим счастьем для русского народа, было бы поражение императорских войск, каким-нибудь внутренним или внешним врагом.** Вот моё мнение относительно общего принципа.

Теперь, вдаваясь в подробности и начиная с севера я скажу: Я желаю, чтобы Финляндия была свободна и имела полную возможность организовать, как желает и соединиться, с кем захочет. Я говорю то же самое, совершенно искренно и относительно Балтийских провинций. Я прибавлю только маленькое замечание, которое мне кажется необходимым, потому что многие из немецких патриотов, республиканцев и социалистов имеют, по-видимому, две мерки, когда дело доходит до международной справедливости – одну для них самих, а другую для всех остальных наций, так что нередко то, что им кажется германской империей, принимает, в их же глазах, вид отвратительного насилия, если совершается другой какой-нибудь державой.

Предположить, например, что германская страна будет завоёвана иностранным государством, например, Францией; тринадцать четырнадцатых население этой страны, следовательно, большинство обитателей, будет считаться чистыми немцами и только одна четырнадцатая, горсть завоевателей и властителей – класс привилегированного дворянства и буржуазии – оказывается после этого состоящим из французов. Я прошу немцев, задавших нам вопрос, ответит в свою очередь, откровенно, положив руку на сердце: будет ли эта страна, по их мнению, французская или немецкая? Я отвечу за них, – конечно, она считается немецкой в их глазах. Во-первых, потому что огромное большинство населения осталось немецким, затем, потому что это большинство состоит из массы подавленной, эксплуатируемой, производительной – словом, из рабочего народа, а будущность, также как

и симпатии их – я не сомневаюсь в этом ни минуты, – на стороне рабочего люда. Таково же положение Балтийских провинций. Откройте Кольба, великого статистика, которым так гордится Германия, и вы увидите, что во всех прибалтийских провинциях, включая туда же петербургскую губернию, всего только двести тысяч немцев, на население в два миллиона восемьсот тысяч человек[88], как раз одна четырнадцатая часть.

Посмотри теперь из каких элементов состоит это незначительное немецкое меньшинство. Его составляют, во-первых, благородные потомки ливонских рыцарей, которые с папским благословением и под предлогом религии, а в сущности, чтобы присвоить чужое достояние, крестили огнём и мечом эту несчастную страну. Чем стала она теперь? Высокомерными владыками народа, которого они продолжают эксплуатировать, и рабски преданными слугами петербургского императора. Если наши немецкие друзья хотят взять их, если они думают, что королевские дворцы в Берлине недостаточно наполнены юнкерами Померании, пусть они берут их. Затем, их управляющие протестантского исповедания – самые неподвижные, непреклонные и правоверные из всех протестантов; они покорные слуги помещиков, для пользы которых всеми силами стараются задушить умственные способности несчастных латышских и финских[89] крестьян. Желают ли наши друзья, принимая их в виде подарка, увеличить число своих собственных эксплуататоров народного невежества? – Наконец, остаётся буржуазия, которая несколько не лучше и не хуже мелкой, средней и крупной буржуазии немецких городов, зарабатывающей своим трудом средства к жизни, или эксплуатирующей, когда можно, чужой труд; она верный слуга российского императора, но будет тем же самым и для всякого другого господина, который захотел бы её подчинить своей власти. Она иногда может резонерствовать, но никогда не возмутится против своих господ, ибо её призвание – резонерствовать и всегда повиноваться. Всё остальное население – два миллиона шестьсот тысяч – состоит из латышей и финнов, т.е. из элементов совершенно чуждых немецкой народности, даже более чем чуждых, враждебных – ибо нет именно более ненавистного для этого народа как имя «немец». Это весьма естественно: разве раб может любить своего господина и мучителя? Я слышал однажды сам, как латышский крестьянин говорил: «Мы ждём минуты, когда можно будет вымостить черепами немцев большую дорогу, ведущую в Ригу». Вот, господа, страна, которую германские газеты представляют нам немецкой. Русская ли она поэтому? Нет, несколько. Сделанная сначала немецкой, а затем русской, по праву завоевания, т.е. в силу жестокой несправедливости и нарушения всех прав естественных и человеческих, она по природе своей, по инстинктам и желаниям своих обитателей, ни русская, ни немецкая; она финская и латышская страна. Что произойдёт с ней в будущем, с какой национальной группой захочет она соединиться? – трудно предвидеть. Верно одно, и это не осмелится отрицать ни один искренний и серьёзный демократ, будет ли он русский или немец всё равно, верно неоспоримое право этого народа располагать своей судьбой, независимо от 200,000 немцев, которые притесняли его и теперь притесняют, и которых он ненавидит, независимо от всякого германского союза и от российской империи.

Теперь перейдём к Польше. Вопрос, мне кажется, одинаково прост, если хотят разрешить его только с точки зрения справедливости и свободы: все народности, все страны, которые захотят принадлежать к новой польской федерации, будут польские, все те, которые не захотят этого, не будут польскими. Русинское население Беларуси, Литвы и Галиции соединится с кем захочет, и никто не в состоянии теперь определить его будущую судьбу.

Мне кажется, всего вероятнее и желательнее, чтобы они образовали вначале с Малороссией отдельную национальную федерацию, независимую от Великороссии и Польши.

Наконец, останется ли сама Великороссия со своим 35 миллионным населением тоже политически централизованной, как и теперь?

Это не желательно и невероятно. **Централизованное 35 миллионное население никогда не может быть свободным внутри и мирным, и справедливым вне своих пределов.**

Великороссия, как все другие славянские земли, следуя великому потоку века, который требует непрямого разрушения всех великих или малых политических централизаций, всех учреждений, организаций, чисто политических, и образований новых социальных групп, основанных на коллективном труде и стремящихся к всемирной ассоциации, – Великороссия, которая, как все другие страны, которых коснулась демократическая и социальная революция, разрушится сначала, как политическое государство и свободно **реорганизуется вновь снизу вверх, от окружности к центру, смотря по своим потребностям, инстинктам, стремлениям и интересам, как личным, так коллективным и местным – на единственном основании, следовательно, на котором возможно утвердиться – истинной справедливости и действительной свободе.**

Наконец, чтобы резюмировать всё сказанное, я ещё раз повторяю: да, **мы хотим совершенного разрушения российской империи, полного уничтожения её могущества и её существования. Мы хотим этого столько же во имя человеческой справедливости, как и во имя патриотизма.**

Теперь, когда я достаточно ясно высказался, настолько ясно, что никакое, что никакое двусмыслие или сомнение более невозможно, да позволю себе задать один вопрос нашим немецким друзьям, предложившим нам вышеприведённые вопросы. Согласны ли они, во имя любви к справедливости и свободе, отказаться от польских провинций, каково бы то ни было их географическое положение, их стратегическая и торговая польза для Германии – желают ли они отказаться от всех польских земель, население которых не хочет быть немецким? Согласны ли они отказаться от своего так называемого исторического права на часть Богемии, которую до сих пор не удалось германизировать, несмотря на прекрасные всем известные исторические, иезуитские и жестоко деспотические средства, – на земли, обитаемые моравами, силезцами и чехами, где ненависть, увы, совершенно справедливая, к немецкому владычеству, не может подлежать сомнению? Согласны ли они отречься, во имя справедливости и свободы от честолюбивой политики Пруссии, которая, во имя коммерческих и морских интересов Германии, хочет силой присоединить датское население Шлезвига к Северному Германскому Союзу. Согласны ли они отказаться от своих притязаний, во имя тех же коммерческих и морских интересов на город Триест гораздо более славянский, нежели итальянский, и гораздо более итальянский, нежели немецкий. Одним словом, согласны ли они отречься от своей страны, как они этого требуют от других, от всякой политики и признать для себя, как для других все условия и все обязанности, налагаемые свободой и справедливостью. Согласны ли они принять во всей ширине и во всех применениях следующие принципы – единственные, на которых может создаваться международный мир и справедливость:

1. Уничтожение того, что называется историческим правом и политической необходимостью государства, во имя каждого населения большого и малого, слабого и сильного, также как каждой отдельной личности, располагать собой с полной свободой, независимо от потребности и притязаний государства, и ограничивая эту свободу, только *равным* правом других.
2. Уничтожение всяких вечных контрактов между личностями и коллективными единицами – ассоциациями, областями, нациями – иными словами, признание за каждым, если он даже свободно связал себя с другим лицом, права уничтожить контракт, исполнив все временные и ограниченные условия, которые он содержит. Право это основывается на принципе, составляющем необходимое условие действительной свободы – что **прошлое не должно связывать настоящее, а настоящее не может связывать будущее**, и что неограниченное право принадлежит живущим поколениям.
3. Признание для личностей, так же, как и для ассоциаций, общин, провинций и наций права свободного выхода из союзов с единственным непременным условием, чтобы выходящая часть не поставила в опасность свободу и независимость целого, от которого отходит, своим союзом с иностранной и враждебной державой.

Вот истинные, единственные условия свободы и справедливости. Согласны ли они, наши немецкие друзья, признать их также искренно, как признаём их мы? Одним словом, хотят ли они вместе с нами уничтожения государства – всех государств?

Господа, в этом заключается весь вопрос. **Государство – это насилие, притеснение, эксплуатация, несправедливость, возведённые в систему и сделавшиеся краеугольным камнем существования всякого общества.** Государство никогда не имело и не может иметь нравственности. **Его нравственность и его единственная справедливость есть высший интерес его самосохранения и всемогущества** – интерес, перед которым должно преклоняться всё человечество. **Государство есть полное отрицание человечества, отрицание двойное – и как противоположность человеческой свободе и справедливости, и как насильственное нарушение всеобщей солидарности человеческого рода.** Всемирное государство, которое столько раз пробовали создать, всегда оказывалось невозможным; следовательно, пока государство будет существовать, их будет несколько; а так как каждое из них ставит себе единственной целью, высшим законом поддерживать своё существование в ущерб всем другим, то понятно, что **само существование государство подразумевает уже вечную войну** – насильственное отрицание человечности. Всякое государство должно завоёвывать или быть завоёванным. Каждое государство основывает своё могущество на слабости, а если может без вреда для себя, и на уничтожение других держав.

С нашей стороны, господа, было бы страшным противоречием и смешной наивностью заявлять желание, как это было сделано на теперешнем Конгрессе, учредить международную справедливость, свободу и вечный мир, а вместе с тем хотят сохранить государство. **Невозможно заставить государства изменить свою природу, ибо в силу именно этой природы они есть государства, и от отказываясь от неё, они перестают существовать.** Следовательно, нет и не может быть хорошего, справедливого и нравственного государства. Все государства дурны в том смысле, что они по природе своей,

т.е. по условиям цели своего существования составляют диаметрально противоположность человеческой справедливости, свободе и нравственности.

И в этом отношении, чтобы не говорили, нет большой разницы между дикой всероссийской империей и самым цивилизованным государством Европы. И знаете ли вы в чём заключается это различие? Царская империя делает цинически то, что другие совершают под покровом лицемерия, и она составляет по своему открытому, деспотическому и презрительному отношению к человечеству, тайный идеал, к которому стремятся и которым восторгаются все государственные люди Европы. Все государства Европы делают то, что делает она настолько позволяет им это общественное мнение и, главное, новая, но уже могущественная солидарность рабочих масс, носящая в себе семя разрушения государств, добродетельным государст

вом может быть только государство бессильное, да и оно преступно в своих мыслях.

Итак, я прихожу к такому заключению:

Тот, кто желает вместе с нами учреждения свободы, справедливости и мира, кто хочет торжества человечества, кто хочет полного и совершенного освобождения народных масс, должен желать вместе с нами **разрушения всех государств и основания на их развалинах всемирной федерации производительных свободных ассоциаций всех стран.**

XXI. Доклад комиссии о наследстве.

Граждане!

Этот вопрос, которому предстоит обсуждаться на Базельском Конгрессе, распадается на две стороны: вопрос принципа и вопрос его практического применения.

Самый принцип этого вопроса должен быть рассмотрен с двух сторон; во-первых, по отношению к его *полезности*, во-вторых, по отношению к его *справедливости*.

Полезно ли или необходимо ли уничтожение права наследства с точки зрения освобождения труда?

По нашему мнению, самая постановка этого вопроса равносильна его решению. Разве освобождение труда может означать что-нибудь иное, кроме освобождения его от под ярма собственности и капитала? Но можно ли воспрепятствовать как тому, так и другому властвовать над трудом и эксплуатировать его, пока обе эти силы, независимые от труда, остаются монополиями в руках класса, который исключительно пользуется ими и вследствие этого, имея возможность жить не работая, продолжает существовать и угнетать труд; класса, который высасывает из труда ренту и процент и кроме того, благодаря своему выгодному положению, исключительно владеет теперь почти всюду всеми выгодами промышленных и торговых предприятий, оставляя на долю работников, подавляемых конкуренцией, роковым образом возникающей между ними самими, едва лишь самое необходимое, чтобы не умереть с голода.

Никакой политический или юридический закон как бы он ни был строг, не может отменить это владычество и эту эксплуатацию, никакой закон не в состоянии превозмочь силу вещей, уничтожить естественные последствия данного положения; отсюда ясно, что пока собственность и капитал остаются на одной стороне, а труд на другой, пока первые создают буржуазию, а второй – пролетариат, – работник будет рабом, а буржуа – господином.

Что отделяет собственность и капитал от труда? Что производит экономическое и политическое разделение классов? Что разрушает равенство и упрочивает неравенство, привилегию меньшинства и рабство большинства? – Право наследства. Едва ли нужно объяснять, каким образом право наследства порождает все экономические, политические и социальные привилегии. Ясно, что разделение классов поддерживается им. Благодаря праву наследства, естественное различие и случайное неравенство степени личного благосостояния и богатства, которые должны бы исчезать вместе с исчезновением самых

личностей, увековечиваются, так сказать, **окаменевают** и, передаваясь как предание от поколения в поколение, создают привилегии рождения, служат основанием классов и становятся постоянным источником эксплуатации миллионов работников тысячами людей *благорожденных*.

Пока право наследства остаётся в силе, – экономическое, социальное и политическое равенство людей невысказано, а пока существует неравенство, будет и угнетение, и эксплуатация.

Следовательно, в принципе, с точки зрения общего освобождения труда и работников, мы должны желать **уничтожения права наследства**.

Понятно, что мы не добиваемся уничтожения физиологического наследства, естественных или, выражаясь точнее, мышечных и нервных способностей от отца к детям; очень часто эта передача есть факт весьма печальный, так как, благодаря ему, физические и нравственные болезни прежних поколений переходят к настоящему; но против печальных последствий такой передачи может бороться только наука; победить их может только рациональная организация общества на началах равенства. Мы же хотим и должны уничтожить только право наследства, созданное юриспруденцией и составляющее прочную основу *юридической семьи и государства*.

Само собой разумеется, **мы не требуем и уничтожения наследства sentimentalного**; под этим именем мы разумеем передачу детям или друзьям предметов незначительной ценности, принадлежавших их умершим друзьям или родителям и сохранивших, так сказать, их личный отпечаток. Серьёзное значение имеет лишь та форма наследства, которая обеспечивает наследникам вполне или хотя бы даже отчасти возможность жить не работая, взимая с коллективного труда ренту или процент. – **Мы требуем, чтобы как капитал, так и земля, одним словом – все орудия и все сырые материалы, служащие труду, перестали передаваться на основании права наследства и сделались бы навсегда коллективной собственностью производственных ассоциаций.**

Это необходимое условие равенства, а, следовательно, и освобождения труда и работников.

Немного найдётся работников, которые не понимали бы, что в будущем уничтожение права наследства будет главным условием равенства; но многие опасаются, что после их смерти дети их очутятся в бедственном положении, если оно будет уничтожено в настоящее время, прежде чем социальная организация успеет упрочить участь всех детей, каковы бы ни были условия, в которых они родились.

«Как говорят они, я скопил в поте лица и подвергая себя самым жестоким лишениям, 200, 300 или 400 франков, а дети мои не получают их!» Да, они не получают их, но взамен того, **общество**, нисколько не нарушая естественных прав матери или отца, **доставит им содержание, воспитание и образование, какого вы не в состоянии были бы доставить им** за 30 или 40 тысяч франков, ибо, само собой разумеется, что, как скоро право наследства будет уничтожено, **обществу придётся взять на себя все расходы на физическое, нравственное и умственное развитие всех детей обоего пола,**

рождающихся в его среде; таким образом общество делается их главным покровителем.

Некоторые предполагают, что с уничтожением права наследства исчезнет один из главных стимулов, побуждающих людей к труду; эти люди продолжают смотреть на труд, как на необходимое зло, или, говоря богословским языком, как на последствие проклятия, обрушенного Иеговой во гневе своём за злополучный человеческий род, да кстати заодно уже и на всё творение.

Не вдаваясь в обсуждение этого важного богословского вопроса, но основываясь на изучении человеческой природы, мы возразим людям, клеветущим на труд, что **труд** не только не есть зло или тяжёлая необходимость, а, напротив, **составляет прямую потребность каждого человека, обладающего природными способностями.** Чтобы убедиться в этом, стоит только сделать опыт над самим собой, приговорить себя хотя бы на несколько дней к полному бездействию или к бесплодному, непроизводительному, бессмысленному труду, чтобы вскоре почувствовать себя самым несчастным человеком.

Человек самой природой своей вынужден работать, как вынужден есть, пить, думать и говорить.

Если теперь на труд смотрят как на зло, то лишь потому, что он чрезмерен, принудителен, что он отупляет, отнимая у работника всё время, лишая его возможности человечески пользоваться жизнью, принуждая его прилагать свою производительную силу к отрасли труда, наименее сообразной с его естественными способностями; притом в современном обществе, основанном на богословии и юриспруденции, возможность жить не работая считается почётом и привилегией, и наоборот, необходимость работать для поддержания жизни – унижением, наказанием и стыдом.

В тот день, когда **соединение в одной личности мускульного и нервного, ручного и умственного труда будет признано самой высокой честью человека, признаком его возмужалости и человечности**, – общество будет спасено; но день этот не настанет, пока будет продолжаться царство неравенства, пока не будет уничтожено право наследства.

Будет ли *справедливо* это уничтожение? Но как же может быть оно несправедливо, если оно необходимо в интересах всех, в интересах человечества?

Надо отличать справедливость историческую, политическую и юридическую от справедливости рациональной или просто гуманной. Первая до сих пор управляла миром и превратила его в поприще кровавых притеснений и несправедливостей; вторая должна сделаться нашей освободительницей.

Итак, рассмотрим право наследства с точки зрения гуманной справедливости.

Неужели, скажут нам, человек, добывший своим собственным трудом несколько десятков, сотен, тысяч франков, положим, даже миллион лишится права оставить их в наследство своим детям? Это будет покушение на естественное право, несправедливый грабёж!

Во-первых, тысячу раз было доказано, что отдельный работник не в состоянии произвести многим более того, что потребляет. Мы сомневаемся, чтобы работник, в настоящем смысле этого слова, т.е. работник, не пользующимся никакой привилегией, мог приобрести десятки сотни, тысячи, миллионы! Это положительно невозможно. Следовательно, **если в настоящем обществе есть личности, приобретающие такие богатства, то они приобретают их вовсе не своим трудом, а только благодаря своим привилегиям**, другими словами, благодаря юридически узаконенной несправедливости; а так как всё, добытое не личным трудом, по необходимости добыто за счёт чужого труда, то мы имеем право сказать, что **всякое подобное приобретение есть кража**, произведённая привилегированными лицами у коллективного труда, с согласия и под покровительством государства. – Но будем продолжать.

Вор, находившийся под покровительством закона, умирает. Но завещанием или без завещания он оставляет свои земли или капиталы своим детям или родственникам. Говорят, что это есть необходимое следствие его личной свободы и личного права, что нужно уважать его волю.

Но ведь мёртвый человек – мёртв.

Помимо того идеального существования, которое даёт ему чувствительная память его детей, родственников или друзей, если он заслужил его или общественная благодарность, если он оказал какую-нибудь действительную услугу обществу, **он не существует, а следовательно, и не может иметь ни свободы, ни права, ни личной воли. Нельзя допустить, чтобы призраки управляли и угнетали мир; он принадлежит живым.**

Итак, чтобы человек мог считаться желающим и действующим после смерти, необходима юридическая фикция или политическая ложь; так как умерший не может действовать лично, нужно, чтобы какая-нибудь власть, например, государство, приводило в исполнение волю лица, не существующего и следовательно, не могущего обладать волей.

А что такое власть и государство, как не организация всех против всех за исключением и в пользу привилегированных классов. Сила этой организации главным образом состоит в производительной коллективной силе работников. Следовательно, работники обязаны гарантировать привилегированным классам передачу наследства – главный источник своих бедствий и своего рабства! Они обязаны, стало быть, собственными руками ковать цепи, в которых томятся?

Из всего сказанного ясно, что стоит только, чтобы пролетариат заявил, что не желает поддерживать государство, покровительствующее рабству и праву наследства, имеющее исключительно политический и юридический характер, и следовательно, противное человеческому праву, и оно падёт само собой. Достаточно уничтожить право наследства, чтобы заодно с ним уничтожилась юридическая семья и государство.

Всякий социальный прогресс всегда основывается на уничтожении права наследства.

Сначала было уничтожено божественное право наследства, передававшее по преданию привилегии или лишения, которые долго считались последствиями божеского

благословения или проклятия.

Затем было уничтожено право политического наследства, следствием чего было признание верховной власти народа и равенства граждан перед судом. Теперь наша задача состоит в уничтожении экономического наследства, чтобы освободить работника, человека и водворить царство справедливости на развалинах всех политических и богословских беззаконий настоящего и прошлого.

Нам остаётся решить ещё последний вопрос относительно тех практических мер, которые должны быть приняты для уничтожения права наследства. Оно может быть достигнуто двумя путями – или посредством социальной революции или путём реформ. Путём реформ оно могло бы осуществиться в тех счастливых и очень редких, чтобы не сказать несуществующих, странах, где класс собственников, капиталистов, буржуазии, проникшись умом и мудростью, которых теперь им не достаёт и, поняв наконец неизбежность социальной революции, выразил бы серьёзное желание слиться с рабочим народом. В этом и только в этом случае путь мирных реформ был бы возможен посредством ряда мероприятий, добросовестно обсужденных и полюбовно решённых между работниками и буржуа, можно было бы в течении двадцати, тридцати лет уничтожить право наследства и заменить современные формы собственности, труда и образования коллективным трудом, коллективной собственностью и общим воспитанием или образованием.

Мы, разумеется, не в состоянии заранее определить характер этих реформ, так как он необходимо зависел бы от уникальных условий каждой страны; но цель всюду одна и та же – **устройство коллективности и свободы каждого при равенстве всех.**

Путь революции, естественно, короче и проще. **Революция никогда не производится ни личностями, ни ассоциациями; они вызываются силой вещей.** Международное Общество не имеет целью произвести революцию, но должно воспользоваться ей и организовать её в своём смысле, как скоро она вспыхнет, благодаря всё более и более очевидной несправедливости и безумия привилегированных классов.

Все мы должны проникнуться убеждением, что с первым днём революции исчезнет право наследства, а вместе с ним и государство, и юридическое право, и на развалинах всех этих несправедливостей, помимо всяких политических и национальных границ, воздвигнется новый международный мир, мир труда, знания, свободы и равенства, воздвигнется, организуясь снизу вверх, в виде свободного союза всех производственных ассоциаций.

Комиссия предлагает принять вам следующие решения:

Принимая во внимание, что право наследства есть одна из главных причин экономического, социального и политического неравенства, царящего в мире,

что без равенства немыслима ни свобода, ни справедливость, а наоборот на долю пролетариата всегда будет выпадать притеснения и эксплуатация, рабство и бедствия, а на долю эксплуататоров народного труда – богатство и власть,

Конгресс признаёт необходимым полное и совершенное уничтожение права наследства.

Это уничтожение, смотря по обстоятельствам, произойдёт или путём реформ, или путём революции[90].

Примечания

[1] Более известный как «Первый Интернационал».

[2] Книга «Интернационал: Воспоминания и материалы 1864-1878 гг.» Т. I (второй том вышел позже)

[3] Мемуар Юрской Федерации Интернациональной Ассоциации Рабочих, представленный всем федерациям Интернационала. Юрский Федеральный Комитет. Сонвилье. 1873. (прим. авт.)

[4] Некоторые особо внимательные уже заметили на титульном листе слова «ТОМ II» – это не опечатка, в действительности Первый Том выходил – это книга Бакунина «Государственность и Анархия». Второй части «Исторического развития Интернационала» так и не вышло. По словам из этой книги, вторая часть должна была быть посвящена истории Международного Альянса Социалистической Демократии.

[5] Собрание, т.е. члены собрания.

[6] Политическое заявление

[7] Отсылка к монтаньярам, левых республиканцев, скорее революции 1848 года, чем Великой Французской.

[8] Слово «Партия» тут употреблено в смысле неформальной группы, фракции по схожим политическим воззрениями, а не как официальная политическая партия, участвующая в официальных выборах в государстве.

[9] Речи Бакунина на Бернском Конгрессе, напечатанные в Колоколе (русская анархо-социалистическая газета в Швейцарии), точнее всего определяют точку зрения того меньшинства, которое основало Альянс. Поэтому мы приводим их здесь. (Прим. авт. воспоминания).

Читатель найдёт их ниже в числе речей и актов, относящихся к Альянсу (Прим. редакции).

[10] Историю Альянса см. во второй части этой книги (прим. редакции.)

(вторая часть, скорее всего, так и не вышла)

[11] Куллери (Кульри)– главный редактор цитированной газеты, член Интернационала, хотя в социалистическом отношении очень неопределенная личность (Прим. изд. IV тома Избранных сочинений Бакунина).

[12] Не стоит путать с социалистами-революционерами начала XX века в России.

[13] Эта статья служит продолжением статьи «Усыпители». (прим. авт.)

[14] Под этим выражением «позитивной философии» Бакунин отнюдь не подразумевает позитивизм или контизм, недостатки которого он так прекрасно доказал в своем Приложении (Философские рассуждения о божественном призрак, действительном мире и человеке), напечатанном в т. III (франц. издание) его сочинений. Он говорит о научной философии, вообще, которая опирается на наблюдения и опыт. (Прим. Дж. Г. в избранных сочинениях Бакунина)

[15] Курсив не авторский.

[16] В оригинальном издании «*верую в нелепость*».

[17] Мы уже сказали, что под свободой мы понимаем с одной стороны по возможности полное развитие всех естественных способностей каждого человека, а с другой – его независимость не относительно всех законов, налагаемых человеческой волей – коллективной или индивидуальной, всё равно. (прим. авт.)

[18] Письма эти просмотрены и дополнены автором. (прим. ред.)

[19] Письмо из №10 газеты «Progrès» не будет представлено. Письмf, начиная с шестого относятся к №12, №14, №17. Письмо девятое, которое не было представлено в оригинальном сборнике, воспроизводится по тому IV Избранных сочинений Бакунина, а само девятое письмо относится к №16. (совр. прим.)

[20] В настоящее время все-германское государство перещеголяло все-российское. (прим. авт.)

[21] «La fédération et l'unité en Italie».

[22] Один из титулов Бога в христианской и иудейской традиции.

[23] Долина, тяготы жизненного пути.

[24] Вследствие последовавшего прекращения издания журнала письма эти не были окончены. (Прим. редакции) На самом деле есть ещё два письма, девятое и десятое, №16 и №20. (совр. прим.)

[25] Наполеон III. (прим. редакции)

[26] по данным Избранных сочинений Бакунина.

[27] По данным из Собрания Сочинений на французском, составленной Гильомом.

[28] хозяина

[29] «Радикальный» тут имеет смысл очень близкий к «либеральный».

[30] мракобесия

[31] Полное собрание сочинений Бакунина на фр. говорит, что эта статья была написана Бакуниным. (совр. прим.)

[32] (фр.) «Ни буржуа, ни пролетарии» - намёк на бесклассовое общество как цель.

[33] 1873 года

[34] Из сотрудников *Liberté* укажем в особенности на Арну, которого можно смело назвать самым талантливым, остроумным и образованным из всех европейских журналистов. Нам почти совестно называть журналистом, этим оподленным разными Гранье Касаньяками и Жирарденами словом такого искренне преданного своему делу и высоко честного человека, хотя тоже не совсем чуждого доктринёрского позитивизма, этого клейма, налагаемого буржуазным происхождением на самый светлый ум. (прим. ред.)

[35] Альфонс де Ламартин – министр, избранный, в 1833 году, в палату депутатов, он объявил себя независимым консерватором. В политике он, прежде всего, моралист, в социальных вопросах — проповедник прогресса и религиозной терпимости, защитник свободы и пролетариата, но в 1848-м году выступил против этого самого пролетариата.

[36] Александр Огюст Ледрю-Роллен (1807-1874) – левый республиканец (неоякобинец), один из вождей мелкобуржуазной демократии, в 1848-м был выбран членом временного правительства.

[37] Одилон Барро – депутат национального собрания, с 20 декабря 1848 года по 31 октября 1849 года будучи премьер-министром, возглавлял кабинет министров Второй республики.

[38] Великопольское восстание 1848 года или Познанское восстание – неудачное вооружённое восстание поляков против прусских войск во время Весны народов.

[39] Жюль Бастид – политик, публицист, участвовавший в газете «*Le National*» и издании собственной, весьма яркой радикальной христианско-социалистической окраски, газеты «*Revue nationale*». В 1848-м году стал депутатом учредительного собрания, министром иностранных дел, морским министром, но играл там незначительную роль.

[40] Арман Марра – главный редактор газеты «*Le National*», в 1848-м году стал членом временного правительстве, где примкнул к умеренным, стал мэром Парижа, в этой должности обнаружил большую энергию при организации городской полиции, в особенности тайной, устроил надзор за всеми своими товарищами по правительству и мало стеснялся в расходовании общественных сумм; противился всем мероприятиям в пользу рабочих, которые предлагались Луи Бланом. Избранный членом учредительного собрания, он занял в нём, в августе 1848 г., пост президента, который и сохранял до роспуска собрания в мае 1849 года.

[41] Луи Антуан Пажес, прозванный Гарнье-Пажесом – министр и депутат, умеренный республиканец, боровшийся более с радикалами, чем с монархистами. Чтобы спасти государство от неминуемого банкротства, не прибегая к выпуску бумажных денег, к принудительному займу или конфискации имущества Орлеанов (династия Луи Филиппа), он решился на повышение налогов, нанесшее тяжёлый удар своего популярности.

[42] Марк Луи Коссидьер – деятель революционного республиканского и рабочего движения. Торговый служащий шёлковых фабрик, рисовальщик. За участие в Лионском восстании 1834 был заключён в тюрьму и освобождён по амнистии 1837, примкнул к левым республиканцам вокруг газеты «La Reforme» Ледрю-Роллена. Высказывался против Июньского восстания 1848, но после преследовался Кавеньяком.

[43] Паскаль Пьер Дюпра – политик и дипломат, умеренный республиканец. По его предложению Париж был в 1848 году объявлен в осадном положении, а Кавеньяк облечён диктаторской властью

[44] Луи Эжен Кавеньяк – генерал, главный организатор расправы над рабочими в июне 1848. Диктатура Кавеньяка формально продлилась 3 дня, но после он стал президентом совета министров – фактически главой исполнительной власти – до выборов 10 декабря.

[45] Жюль Фавр – французский политик без строго определённой политической программы и политического понимания. После установления Третьей республики был одним из лидеров фракции умеренных (оппортунистических республиканцев).

[46] Альфред Пьер де Фаллу – представитель легитимистской и клерикальной оппозиции, охотно признал в 1848 году республику. Отстаивал закрытие национальных мастерских, что послужило главной причиной июньского восстания.

[47] Адольф Тьер – несколько раз премьер-министр Франции при Июльской монархии (1830-48). Первый президент французской Третьей республики (временный, до принятия конституции, 1871-73). В 1831 постепенно стал из либерала консерваторм. В конце 1860-х был противником империи.

[48] обнищание

[49] Денежный меновщик; ростовщик, скупщик векселей для взыскания.

[50] Фелисте Робер де Ламенне (1782-1854) – французский философ и публицист, аббат, один из основоположников христианского социализма

[51] Так называемая «Славная революция 1868 года» в Испании привела к тому, что кортесы избрали королём принца Амадея Савойского 16 ноября 1870 года, что в скором времени после отречения Амадея и провозглашения республики приведёт к весьма интересным, но малоизученным в России «Кантональным восстаниям» 1873-1874 годов. (совр. прим.)

[52] Первый месяц французского революционного календаря (совр. прим.)

[53] Последний 12-й месяц того же календаря (совр. прим.)

[54] Карлос Марфори – любовник испанской королевы Изабеллы, с помощью неё устроил свою жизнь и погубил репутацию самой Изабеллы. (совр. прим.)

[55] Пьер Абеляр – средневековый французский философ-схоласт, теолог, поэт и музыкант. Его любовная история с Элоизой довольно романтична. (совр. прим.)

[56] Кордельеры – бывший клуб «друзей прав человека», собиравшийся в монастыре кордельеров (францисканцев). Хотели только «в более обширных размерах осуществить понятия о свободе и равенстве, создать демократию на самой широкой основе»

[57] Скорее всего, имеется в виду победа Пруссии над Австрией и присоединение к ней остальной части Шлезвига, основание Северогерманского союза во главе с Пруссией, лишившее Австрии влияния на германские княжества (1866 год) и образование Австро-Венгрии в 1867 году.

[58] Полумеры

[59] Отдых на природе

[60] Луи Мари Станислас Фрерон стал идейным вдохновителем «мюскаденов» — молодёжных банд, куда принимали всех противников якобинизма; они получили название «золотая молодёжь Фрерона». Эти люди, одетые в узкие фраки «цвета конского навоза» с чёрными бархатными воротниками и фалдами фасона «тресковый хвост» и узкие панталоны, подвязанные под коленями, бродили большими компаниями по улицам и избивали тростями всех, чей вид им не нравился, то есть тех, кто был похож на «якобинца». 19 сентября 1794 года они устроили целое побоище в Пале-Эгалите (бывшем Пале-Рояле).

[61] Французская винтовка второй половины XIX века.

[62] Следует различать современную «Социальную республику» и социальную республику, описанную в этой статье, так как само слово «республика» зачастую в разных политических течениях трактовалась по-разному. Широкое определение «республики» (общего дела) также отражено в знаменитом диалоге Прудона из «Что такое собственность?»:

- Какую форму правительства мы предпочтем?

- Как вы можете спрашивать об этом, ведь вы республиканец.

- Да, я республиканец, но это слово не дает точного понятия. *Respublica* – это значит общая вещь («вещь» и «дело» – допустимые переводы слова *la chose*); и вот всякий, желающий вещи общей, при каком бы то ни было правительстве, может назвать себя республиканцем. Короли тоже республиканцы.

- Ну хорошо, значит, вы демократ?

- Нет.

- Как, неужто вы монархист?

- Нет.

- Конституционалист?

- Боже сохрани!

- Ну, значит, вы аристократ.

- Вовсе нет!

- Так вы желаете установления смешанного правительства?

- Еще раз нет!

- Да кто же вы, наконец?

- Я анархист!

[63] акты, изменявшие или дополнявшие конституцию волей консула, императора и публиковавшиеся от имени сената.

[64] Эмиль Оливье –политик, с 27 декабря 1869 года по 9 августа 1870 года фактически возглавлял кабинет министров. Пытался спасти империю, уступая либерализму.

[65] Франсуа-Дезире Бансель – ярый противник бонапартизма, депутат, примкнул к крайней левой, представляя собой «непримиримую оппозицию и вечное возмездие».

[66] Леон Гамбетта – выразитель республиканизма в Законодательном корпусе.

[67] Эжен Руэ - близкий сподвижник Наполеона III, получивший прозвище «вице-император».

[68] Городок Кьеврен в провинции Эно разделён между Францией и Бельгией

[69] подъём, воодушевление

[70] трубадуры

[71] Если не считать группы древних людей, живших родами, фратриями, имевшие место быть в истории человечества.

[72] Автор статьи ссылается на книгу Прудона «Порнократия, или женщины в настоящее время».

[73] Полное Собрание Сочинений Бакунина на фр. говорит, что автор статьи – Бакунин. (совр. прим.)

[74] В некоторых современных сборниках нижеприведённая короткая речь имеет название «Речь на Конгрессе Лиги мира и свободы в 1867 г.».

[75] Имеется ввиду Михаил Николаевич Муравьёв, прославившийся решительным подавлением польских восстаний в Северо-Западном крае, прежде всего, восстания 1863 года. В либеральных и народнических кругах его называли «*Муравьёв-вешатель*», «*Муравьёв-палач*», «*Муравьёв-людоед*». В консервативных он был почитаем как гениальный государственный и получил неофициальное наименование «*граф Муравьёв-Виленский*».

[76] Один из вдохновителей якобинской диктатуры и террора, «триумвир» вместе с Робеспьером и Огюстом Котуном. Выступал главным обвинителем сначала против эбертистов, потом против дантонистов.

[77] Одно из поводов для России начать войну против Турции, вошедшая в историю как «Крымская война». Суть заключалась в том, что Россия соперничала с Францией за обладание Иерусалимскими ключами.

[78] Альбрехт фон Валленштейн – австрийский полководец времён Тридцатилетней войны. «Война кормит войну» – вкратце чем занимался Валленштейн.

[79] Иоганн Церклас Тилли – австрийский фельдмаршал, прозванный «палачом Магдебурга».

[80] будущая Румыния.

[81] римский

[82] В первой редакции тут вкралась описка; мысли этой была дана следующая неправильная форма: «Он хочет политического и социального уравнивания классов и личностей». Мы увидим, к каким препирательствам это повело. (прим. авт.)

[83] Джулио Чезаре Ванини, (в монашестве – Габриеле, псевдоним Лючилио, 1585-1619) – итальянский философ-вольномыслиец, преследуемый церковью за атеизм.

[84] Мигель Сервет (1511 – 27 октября 1553) — испанский мыслитель, теолог-антитринитарий, естествоиспытатель и врач. Гоним за медицинские исследования. За интитринитаризм был казнён в Швейцарии, причастность Кальвина спорна.

[85] Филлип Меланхтон (1497-1560) – немецкий гуманист, теолог и педагог, евангелический реформатор, систематизатор лютеранской теологии, Один из сподвижников Лютера.

[86] Пьер Гассенди (1502-1655) – католический священник, философ, математик, астроном и исследователь древних текстов.

[87] Эта речь произнесена в ответ на речь г. Мрочковского.(прим. авт.)

В некоторых сборниках эта речь имеет название «Речь на Конгрессе Лиги мира и свободы в 1868 г.»

[88] Кольб насчитывает во всей империи только всего 600,000 немцев. (прим. авт.)

[89] По большей части эстонских.

[90] Доклад этот был принят общим собранием женевских секций.